

Союрова Алена Васильевна

**ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917–1991 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО
ОКРУГА – ЮГРЫ)**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ

Г. Е. Корнилов

Екатеринбург – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Становление и развитие системы охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1917 – конце 1940-х гг.	29
1.1. Организация охраны памятников искусства и старины на федеральном уровне.....	29
1.2. Деятельность органов охраны памятников истории и культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре	45
1.3. Участие краеведческих организаций в сохранении объектов культурного наследия	63
Глава 2. Функционирование системы охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1950-х – начале 1990-х гг.	105
2.1. Совершенствование охраны объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре	105
2.2. Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры	122
2.3. Роль научных организаций в охране объектов культурного наследия	150
Заключение.....	166
Список сокращений.....	171
Список источников и литературы.....	175
Список приложений.....	239
Приложения	241

ВВЕДЕНИЕ

Характерной чертой современности является переосмысление роли и места прошлого в настоящем и будущем, что актуализирует интерес к такой многогранной проблеме, как политика государства в области охраны культурного наследия. В этой связи сохранение свидетельств о прошлом должно являться одной из приоритетных задач культурной политики России, поскольку культурное достояние – не только один из важнейших ресурсов, определяющих социокультурное развитие общества, но и залог прогрессивного развития страны в целом.

Понимание важности государственной охраны культурного достояния закреплено, в первую очередь, в законодательных документах страны, которые определяют направления тех или иных мер по охране объектов культурного наследия. Несомненно, что определённый исторический период накладывает свой отпечаток на понимание и использование терминологии в сфере государственной охраны памятников. Отметим базовые понятия охраны культурного наследия в законодательстве Советского государства.

В советское время под термином «охрана памятников истории и культуры» подразумевалась система государственных и общественных мероприятий, направленных на сохранение и защиту объектов культурного наследия¹. Охрана памятников состояла из нескольких направлений работ – выявление, учёт, изучение, реставрация, использование и популяризация объектов культурного наследия. Выявление и учёт памятников – одни из наиболее распространённых видов охраны культурного наследия. В процессе выявления памятник с помощью специалистов обследовался на месте, фиксировался, определялись его внешние характеристики, производилась предварительная оценка его особенностей. После этого памятник ставился на государствен-

¹ Закон СССР от 29. 10. 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Ст. 2. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс.

ный учёт: на него составлялся паспорт, учётная карточка, сведения о нём вносились в федеральный реестр и региональные государственные списки памятников. С этого момента памятник находился под государственной юридической защитой. Хронологические рамки нашего исследования обязывают нас придерживаться терминологии, современной изучаемому периоду, с учётом объективной многозначности и «многофункциональности» понятия «охрана памятников истории и культуры» в советское время.

Во-вторых, вместо определения «объекты культурного наследия» (ОКН), используемого в настоящее время, в первые годы советской власти применялись понятия «памятники искусства и старины»², затем «памятники культуры»³, а с 1976 г. законодательно был закреплён термин «памятники истории и культуры»⁴. Поскольку определения «памятники истории и культуры» и «объекты культурного наследия», на наш взгляд, непротиворечивы, далее мы будем использовать их в одинаковом смысле.

Памятники истории и культуры, согласно Закону СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1976 г., – это «сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность»⁵. Всего насчитывалось пять видов объектов культурного наследия – памятники истории, памятники археологии, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства, документальные памятники⁶.

Актуальность темы исследования. Становление отечественной системы государственной охраны памятников имеет длительную историю, при этом региональные особенности оказывают существенное влияние на ее

² Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 391–392.

³ Там же. С. 463–465.

⁴ Закон СССР от 29. 10. 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Ст. 1. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ст. 6.

формирование и осуществление. С начала 1960-х гг. в Западно-Сибирском регионе быстрыми темпами развивается промышленная инфраструктура, особенно – нефтегазовый комплекс. Параллельно с разработкой нефтяных и газовых месторождений происходило археологическое освоение Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, носившее охранный характер. Угроза существованию памятников истории и культуры, возникшая в связи с интенсивным развитием нефтегазового комплекса, не исчезла и сегодня. Антропогенные и природные факторы разрушения объектов культурного наследия существенно сокращают возможности изучения истории традиционной культуры народов региона.

Обращение к теме исследования во многом обусловлено и тем, что на Севере Западной Сибири археологические и этнокультурные объекты преобладают над памятниками архитектуры и монументального искусства. По данным Службы государственной охраны ОКН Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО – Югры), «археологические памятники составляют 94%, памятные места – 3%, исторические памятники – 2%, архитектурные – 1% от общего количества поставленных на учёт ОКН»⁷. Всего же по состоянию на 2014 г. в округе находится 5360 памятников истории и культуры, из них 2202 объекта (41%) – в Сургутском районе

Похожим образом ситуация с выявленными памятниками истории и культуры обстоит в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). На учёте департамента культуры ЯНАО состоит 645 ОКН, из них 526 – памятников археологии (81,55%), 84 – объекты этнической культуры (18,45%)⁸.

Состояние археологических памятников находится в тесной взаимосвязи с экологической ситуацией в регионе, поэтому мероприятия по сохранению археологического наследия могут быть рассмотрены как часть програм-

⁷ Объекты культурного наследия Югры [Электронный ресурс]. URL <http://www.nasledie.admhmao.ru> (дата обращения 14. 04. 2014 г.).

⁸ Информация об объектах культурного наследия, расположенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. URL <http://www.cultura-yamala.ru/kulturnoe-nasledie-dr/spiski-ob-ektov> (дата обращения 12. 07. 2015 г.).

мы по сохранению природного наследия, или, что предпочтительнее, как мероприятия по сохранению ландшафта в целом, включая и природное, и культурное наследие.

В связи с этим опыт северных регионов по выявлению и изучению памятников истории и культуры в условиях стремительного развития нефтегазодобывающей отрасли представляет особый интерес.

Объект исследования – памятники истории и культуры ХМАО – Югры.

Предметом исследования является деятельность государственных органов и общественных организаций по охране памятников истории и культуры в ХМАО – Югре в 1917–1991 гг.

Хронологические рамки установлены в пределах существования Советской власти: с 1917 г. по 1991 г. Именно в этот период сложилась государственная система охраны памятников в стране: были разработаны и приняты нормативно-правовые акты, регулировавшие охрану объектов культурного наследия, сформированы федеральные и региональные органы охраны памятников истории и культуры. Нижняя граница относится к 1917 г. – времени установления Советской власти в России, появления первых законодательных актов и специально уполномоченных органов власти в области охраны культурного наследия. Верхняя граница определена 1991 г., когда СССР прекратил своё существование, а система государственного руководства охраной памятников истории и культуры претерпела существенные изменения.

Территориальные рамки исследования ограничиваются ХМАО – Югрой, географически расположенном на Севере Западной Сибири⁹.

Административно-политическое деление региона на протяжении рассматриваемого периода менялось несколько раз. До 1918 г. территория

⁹ В научной литературе эту территорию в советский период именовали Тобольский Север или Тюменский Север.

ХМАО – Югры входила в состав Тобольской губернии и включала в себя Кондинское и Сургутское отделение Берёзовского уезда, Пелымское отделение Туринского округа и северную часть Тобольского округа. В апреле 1918 г. Тобольская губерния была преобразована в Тюменскую, а территория округа расположилась в границах Берёзовского, Сургутского и частично Тобольского уездов. В ноябре 1923 г. Тюменская губерния была упразднена, территория округа включена в состав Уральской области. В декабре 1930 г. был образован Остяко-Вогульский национальный округ, в состав которого вошли 6 районов: Берёзовский, Кондинский, Ларьякский (переименован в 1962 г. в Нижневартовский), Самаровский (переименован в 1964 г. в Ханты-Мансийский), Сургутский и Шурышкарский. В январе 1934 г. округ был включён в состав Обь-Иртышской области, а в декабре 1934 г. – в состав Омской области. В июле 1937 г. Шурышкарский район передан в Ямало-Ненецкий национальный округ; из нескольких сельсоветов Берёзовского и Самаровского районов был образован новый район – Микояновский, переименованный в 1957 г. в Октябрьский. В октябре 1940 г. Остяко-Вогульский национальный округ переименован в Ханты-Мансийский национальный округ Омской области. В августе 1944 г. он вошёл в состав вновь образованной Тюменской области. В феврале 1968 г. из Кондинского района был выделен ещё один район – Советский. С октября 1977 г., в соответствии с принятой Конституцией СССР, Ханты-Мансийский национальный округ стал именоваться Ханты-Мансийским автономным округом. В июле 1980 г. из Сургутского района ХМАО был выделен Нефтеюганский, а в августе 1988 г. из Берёзовского района – Белоярский¹⁰. Таким образом, к началу 1990-х г. в Ханты-Мансийском автономном округе насчитывалось 9 районов: Белоярский, Берёзовский, Кондинский, Нефтеюганский, Нижневартовский, Октябрьский, Советский, Сургутский, Ханты-Мансийский. Соответственно, ме-

¹⁰ Ханты-Мансийский автономный округ. Краткий очерк // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 1. А–И. Ханты-Мансийск, 2000. С. 10; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра [Электронный ресурс]. URL <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 16. 04. 2014 г.).

нялось и административно-управленческое подчинение государственных органов, ответственных за охрану культурного наследия.

Степень изученности темы. Культурное наследие является важной составляющей жизни общества, которое в тех или иных формах предпринимало меры по сохранению памятников истории и культуры, с древности до наших дней. Поэтому тема сохранения древностей звучит в литературе достаточно давно, однако, монографических исследований немного. В основном работы представлены статьями в различных сборниках научных работ (труды НИИ культуры, НИИ музееведения, Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, материалы общероссийских и международных научно-практических конференций). Кроме того, долгое время исследователи уделяли больше внимания таким видам культурного наследия, как архитектурные сооружения и произведения искусства, в то время как археологические памятники не признавались столь значимыми, проблема их сохранения не являлась насущной. Поворот в отношении к археологическому наследию наметился лишь в 90-х гг. XX в., что связано, во-первых, с осознанием ценности культурного наследия вне зависимости от его практической значимости для народного хозяйства. Во-вторых, назрела необходимость выработки более действенной системы охраны памятников, поскольку прежняя фактически не обеспечивала реальное сохранение памятников древности. Особенно важно это для археологических памятников: в ходе любой природопреобразующей деятельности возникает опасность навсегда утратить свидетельства о дописьменном периоде жизни общества, которые не подлежат восстановлению.

В изучении темы охраны памятников истории и культуры можно выделить два периода – советский (1917 – конец 1980-х гг.) и постсоветский (1990-е гг. – по настоящее время). Здесь необходимо дифференцировать федеральный и региональный уровни исследований проблематики, а также иметь в виду, что каждый период включает как минимум три аспекта изуче-

ния: 1. Формирование системы государственной охраны памятников истории и культуры; 2. Проблемы охраны памятников археологии; 3. Общественная охрана памятников истории и культуры.

Начало изучения формирования системы государственной охраны памятников истории и культуры в РСФСР относится к предвоенному времени. В 1940 г. была опубликована работа Ю. Осноса, основанная на архивных материалах и законодательных актах фонда Наркомпроса РСФСР¹¹. В статье дан анализ мероприятий Советского государства по спасению художественных ценностей в первые послереволюционные годы в Москве и Петрограде. Автор сделал вывод о том, что социалистическая революция коренным образом улучшила положение в деле охраны памятников, «открыв доступ» к художественным ценностям и в буквальном смысле увеличив объём культурного наследия в ходе проведения национализации памятников истории и культуры.

В первые годы советской власти эпизодически выходили исследования, в которых затрагивались вопросы сохранения и восстановления памятников истории и культуры. Они носили скорее разъяснительный или пропагандистский характер и не являлись глубокими научными работами¹².

Вопросы организации охраны культурного наследия вновь становятся предметом специальных исследований в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В работах И. А. Булыгина и С. М. Троицкого¹³, В. К. Гарданова¹⁴,

¹¹ Оснос Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры // Искусство. 1940. № 6. С. 62–66.

¹² См. например: Новицкий В. (В.Н). Как изучать свой край? Первые работы начинающего краеведа. Организация научно популярного районного музея краеведения // Наш край. 1924. № 2. С. 32–37; Коптилов М. Как организовать отделение общества изучения края при музее Тоб. Севера // Наш край. 1925. № 2–3. С. 68–74; Преображенский Н. Ф. Приготовьтесь ко 2-му Всесоюзному съезду по изучению производительных сил СССР // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 4. С. 3–4; Гревс И. М. Очередная задача краеведческого культуроведения // Краеведение. 1928. № 6. Т. 5. С. 368–369; К итогам Всероссийской конференции по краеведению // Краевед-массовик Московской области. 1930. № 2. С. 2; Краеведение на новом этапе // Бюллетень общества изучения при музее Тобольского Севера. 1930. № 3. С. 3; и др.

¹³ Булыгин И. А., Троицкий С. М. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства (октябрь – ноябрь 1917 г.) // Вестник мировой культуры. 1958. № 3. С. 169–174.

¹⁴ Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История музейного дела в СССР: сб. науч. ст. М., 1957. С. 7–36.

О. В. Ионовой¹⁵, основанных на широком круге впервые опубликованных исторических источников, исследована деятельность правительства по спасению культурных ценностей, проанализированы проблемы создания системы государственных органов охраны памятников и осуществления мероприятий по охране историко-культурного наследия в первые годы Советской власти. В это же время появились труды, авторы которых критиковали недостатки в деятельности системы охраны памятников истории и культуры. Д. С. Лихачёв, М. Ю. Брайчевский в своих работах внесли ряд предложений по исправлению этих недостатков, приступили к решению новых проблем в области охраны культурного наследия¹⁶.

В начале 1970-х гг. вышло фундаментальное исследование Д. А. Равикович, в котором в широком хронологическом диапазоне рассмотрен процесс становления государственной системы охраны памятников, её законодательное обеспечение и направления деятельности¹⁷. Несомненным достоинством работы можно считать введение в научный оборот большого количества неопубликованных источников и насыщенность исследования фактическим материалом. Однако в исследовании не всегда возможно чётко определить тот или иной этап истории охраны культурного наследия, его содержание и значение, а также взаимосвязь с последующим этапом. Основное внимание автор уделила охране памятников в центральных регионах, в то время как информация о состоянии охраны культурного наследия в отдалённых территориях страны крайне скудна.

В 1980–1985 гг. историография темы охраны памятников истории и культуры пополнилась более глубокими научными исследованиями различных аспектов проблемы охраны памятников. В работах Т. Н. Медведевой

¹⁵ ИONOBA O. B. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // Труды НИИ Музееведения: сб. ст. Вып. 1. История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 37–72; Она же. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ Музееведения. Вып. II. Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. С. 80–175.

¹⁶ Лихачёв Д. С. Памятники культуры – всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–15; Брайчевский М. Ю. Сохранить памятники истории // История СССР. 1966. № 2. С. 205–226.

¹⁷ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 6–124.

(Панкратовой)¹⁸, В. И. Батова¹⁹, М. А. Поляковой²⁰, основанных на выявлении и анализе широкого круга источников, поднимались такие вопросы, как становление государственной политики и принципов отношения к культурному наследию, формирование советских органов охраны памятников, взаимодействие отраслевой системы охраны памятников с другими системами, взаимосвязь центральных и региональных органов охраны культурного наследия. Расширились и хронологические рамки: исследователи обратили внимание на охрану памятников истории и культуры во второй половине XX в.

Особо следует выделить работу Ю. Н. Жукова, посвящённую выявлению и охране культурных ценностей в первые послереволюционные годы²¹. Главным объектом исследования стала эволюция системы управления охраной памятников, её состав, цели и функции. Автор использовал широкий круг источников: законодательные и нормативные акты советских республик, центральную и местную периодическую печать, что позволило ему дать целостное представление о проблемах и задачах, возникших перед Советской властью в области сохранения памятников истории и культуры с первых дней её утверждения.

Изучение второго аспекта исследуемой темы – проблем охраны памятников археологии – в советский период не являлось предметом научных изысканий. Работы, посвящённые вопросам выявления, учёта, изучения и популяризации археологического наследия, были немногочисленны и носили, преимущественно, обзорный характер. Среди них наиболее добротными

¹⁸ Панкратова (Медведева) Т. Н. Государственное руководство охраной памятников в РСФСР в 1960–1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982; Она же. Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. М., 1987. С. 25–45.

¹⁹ Батов В. И., Панкратова Т. Н., Чернявская Е. Н. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980 гг.) // НИИ культуры. Памятники и современность. Вопросы освоения ИКН. М., 1987. С. 133–149.

²⁰ Полякова М. А. Охрана и использование памятников истории и культуры: 1917–1941 гг. (Воронежская и Тамбовская области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

²¹ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. М., 1989.

исследованиями являются публикации В. Ф. Генинга²² и А. Д. Пряхина²³, в которых дана краткая характеристика системы государственной охраны памятников в РСФСР и особенности реализации мероприятий по охране археологических памятников. Хронологически исследования охватывают начальный период становления государственной системы охраны памятников истории и культуры – с 1917 по 1930-е гг.

Третий аспект исследуемой темы – общественная охрана памятников истории и культуры – получил своё научное развитие в 1960-х – 1970-х гг. в результате демократизации общества и увеличения интереса к сохранению историко-культурного наследия. Среди работ этого периода отметим статью А. В. Ушакова²⁴, в которой исследована роль краеведческих обществ в жизни страны в первое десятилетие Советской власти и проанализированы причины подъёма краеведческого движения в этот период. Особенно ценным автору представлялось то, что краеведение в 1920-х – 1930-х гг. было сориентировано на решение «насущных задач» и «актуальных научных проблем», стоявших в то время перед страной. На наш взгляд строгое планирование и регламентирование краеведческого движения привели к сокращению мероприятий по выявлению и изучению памятников истории и культуры, которыми традиционно занимались краеведы.

В 1960-е гг. начало свою деятельность Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). По результатам работы пленумов и съездов ВООПИиК выпускались методические материалы²⁵, а в 1980 г. Общество учредило свой печатный орган – альманах «Памятники Отечества», каждый выпуск которого был посвящён национальной культуре и ис-

²² Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

²³ Пряхин А. Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж, 1986.

²⁴ Ушаков А. В. Краеведение на службу советской исторической науке // Труды НИИ Музееведения. Вып. II. Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. С. 3–31.

²⁵ Материалы III пленума Центрального совета ВООПИиК. М., 1971; Материалы VI пленума Центрального совета ВООПИиК. М., 1972; Основные направления деятельности ВООПИиК на 1976–1980 гг.: материалы V (XII) пленума Центрального совета ВООПИиК. М., 1976; Материалы второго съезда ВООПИиК. М., 1973; Материалы третьего съезда ВООПИиК. М., 1979.

тории России²⁶. В 1976 г. Центральный совет ВООПИиК и его Красноярское отделение под эгидой Научно-методического совета по охране памятников культуры Минкультуры СССР организовало семинар-совещание по обмену опытом работы общественных организаций СССР в области сохранения, пропаганды и использования культурного наследия. Доклады участников этого семинара были опубликованы в сборнике «Музееведение и охрана памятников»²⁷.

В конце 1970-х гг. деятельность ВООПИиК впервые исследовала Э. А. Шулепова²⁸. В своей статье автор проанализировала взаимоотношения государства и общества в области охраны культурного наследия и сделала вывод о том, что деятельность ВООПИиК носила преимущественно государственно-политический характер и находилась в тесной взаимосвязи с государственными органами.

Характерными чертами историографии темы охраны памятников истории и культуры в советский период были: 1. изучение становления системы государственной охраны памятников истории и культуры в РСФСР на федеральном уровне; 2. узкие хронологические рамки: исследовалось, как правило, первое десятилетие Советской власти; 3. опора преимущественно на федеральные архивохранилища в качестве источниковой базы; 4. отсутствие региональных научных исследований в области охраны историко-культурного наследия.

В постсоветский период (1990-е – по настоящее время) интерес к проблеме сохранения памятников истории и культуры заметно усилился. Изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни Рос-

²⁶ Памятники Отечества: альманах ВООПИиК. Вып. № 1 (5). Москва, Новгород, Ленинград. М., 1982; Там же. Вып. № 1 (9). Нерчинск, Осташков, Пермь, Старая Русса. М., 1984; Там же. Вып. № 1 (13). Томск, Чердынь. М., 1986.

²⁷ Андронов С. А. Роль общественности в охране и использовании памятников истории и культуры для коммунистического воспитания трудящихся (введение) // Музееведение и охрана памятников. Общественная охрана памятников истории и культуры в СССР. Вып. I. М., 1976. С. 3–6; Иванов В. Н. Задачи общественной охраны памятников истории и культуры // Там же. С. 7–12 и др.

²⁸ Шулепова Э. А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры // НИИ культуры: труды. Вып. 78. Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1979. С. 6–28.

сии позволили исследователям более объективно и комплексно представить проблемы государственной политики в области охраны памятников истории и культуры. Значительно увеличилось количество исследований в области изучения проблем охраны культурного наследия, появились работы, посвящённые региональным особенностям охраны памятников, расширился диапазон рассматриваемых проблем в области охраны культурного наследия, пополнилась источниковая база исследований.

В конце XX – начале XXI вв. в изучении первого аспекта исследуемой темы – формирования системы государственной охраны памятников истории и культуры – появились работы, обобщившие опыт государственного управления в области охраны памятников в советское и постсоветское время. В монографиях М. В. Алексеевой, М. М. Гольдина, А. Д. Понько²⁹. исследованы содержание и специфика структурных элементов системы государственного руководства культурой, проанализированы положительные и отрицательные стороны государственного управления культурным наследием на примере деятельности Министерства культуры РСФСР и РФ, выделены основные этапы государственного регулирования культурного строительства в советское и постсоветское время. При всей информационной насыщенности этих исследований можно отметить один большой недостаток указанных работ – бюрократическую сухость изложения материала и недостаточное внимание к сфере охраны культурного наследия.

Наиболее полный обзор становления государственной системы охраны памятников в РСФСР дан в работе А. М. Кулемзина³⁰. Охрана памятников в его труде представлена как одна из специфических форм общественной деятельности, связанной с основными историческими событиями и культурными явлениями в стране. Этому же направлению придерживается

²⁹ Алексеева М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия. Ростов н/Д, 2009; Гольдин М. М. Опыт государственного управления искусством. Деятельность первого отечественного Министерства культуры. М., 2003; Понько А. Д. Очерки истории Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации. М., 2010.

³⁰ Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001.

М. А. Полякова, которая впервые подготовила учебное пособие по теме охраны памятников истории и культуры³¹. Пособие состоит из двух разделов: первый посвящён анализу правовых основ и формирования государственных учреждений в сфере охраны культурного наследия, во втором рассматривается отношение общественных и научных учреждений к культурному наследию. Весьма ценным является наличие в пособии «детального исторического контекста» – биографий архитекторов, историков, музейных работников, общественных деятелей, посвятивших жизнь сохранению национального достояния. Методологические подходы А. М. Кулемзина и М. А. Поляковой к изучению охраны памятников основываются на принципе историзма: исследован генезис проблемы охраны государством историко-культурного наследия, определены основные этапы становления государственной системы охраны. Источниковая база исследований также довольно единообразна: история охраны памятников излагается на примере центральных регионов России. Основное внимание авторы уделяют истории охраны архитектурных сооружений, тогда как другие виды культурного наследия, в том числе археологические памятники, остаются «за кадром». Значительным недостатком исследований М. А. Поляковой и А. М. Кулемзина является минимальное раскрытие темы охраны памятников в 1980-е – 1990-е гг.

В отношении изучения археологического наследия постсоветский период характеризуется развитием теоретической базы исследований. В трудах Л. С. Клейна и Н. И. Платоновой³² помимо анализа развития археологических идей в связи с социально-экономическими и политическими процессами, во взаимодействии сложившихся традиций и характеров личностей, изложена и структура археологической науки в советскую эпоху, что особенно важно для оценки деятельности государства и общества по охране археологических

³¹ Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: учебное пособие. М., 2005.

³² Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. СПб., 2011; Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008; Она же. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.

памятников в этот период. Историю археологии изучал и А. А. Формозов³³, характерной чертой исследований которого является резко негативная оценка усилий Советского государства в деле сохранения культурного наследия.

Исследование третьего аспекта рассматриваемой темы – общественной охраны культурного наследия – в постсоветский период также получило своё дальнейшее развитие. На рубеже XX–XXI вв., в связи с повсеместным подъёмом интереса к памятникам истории и культуры, появились обобщающие работы, посвящённые истории краеведческого движения. В работах С. О. Шмидта³⁴ и Г. Д. Злочевского³⁵, характеризующих современные подходы к данной теме, проанализировано краеведческое движение как явление, исследована история его развития в стране и причины преследования краеведов в 1930-е гг. История деятельности ВООПИиК, подведение итогов и разработка новых направлений работы отражены в юбилейном сборнике «Наследники России», подготовленном основателями и руководителями Общества в честь 35-летия со дня образования ВООПИиК³⁶.

На региональном уровне в советский период такой аспект исследуемой темы, как формирование государственной системы охраны памятников истории и культуры, не подвергался научному изучению.

Тема охраны археологического наследия в региональной историографии в советский период затрагивалась эпизодически и носила, преимущественно, публицистический характер, отражая современное состояние памят-

³³ Формозов А. А. Русские археологи до и после революции. М. 1995; Он же. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М. 2004.

³⁴ Шмидт С. О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х гг. // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 153–166.

³⁵ Злочевский Г. Д. Разгром краеведения в 1927–1936 гг. // Архив наследия-2002. Научный сборник. М., 2004. С. 204–221; Он же. С верой в культурную правду искусства» (П. П. Вейнер) // Наследие Серебряного века. Избранные страницы. М., 2006. С. 109–144.

³⁶ Маланичева Г. И. Наследие надо спасать: раздумья накануне VIII съезда ВООПИиК // Наследники России. М., 2002. С. 6–12; Шмидт С. О. Традиции сохранения наследия // Там же. С. 19–22; Королёв С. В. Сопричастие традициям // Там же. С. 27–32; Уранов А. С. У последней черты // Там же. С. 61–69; Кочемасов В. И. Так всё начиналось // Там же. С. 170–189.

ников археологии³⁷. Исключение составляют обобщающие работы В. Н. Чернецова и И. М. Талицкой, вышедшие в начале 1950-х гг. В них проанализирован опыт археологического изучения Севера Западной Сибири и впервые приведены сводные данные о наличии памятников археологии в ХМАО – Югре³⁸.

Несколько больше внимания в советский период региональные исследователи уделяли общественной охране памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири. Тем не менее, в 1920-е – 1930-е гг. количество работ, основанных на региональных материалах, было сравнительно небольшим и посвящены они были, в основном, организации и деятельности Тобольского общества изучения края³⁹.

Увеличение интереса к роли краеведческого движения в памятнико-охранительной деятельности на Севере Западной Сибири, как и в целом по стране, проявилось в 1970-е – 1980-е гг. Прежде всего, следует назвать работы Ф. Я. Показаньева⁴⁰, который уделял большое внимание вопросам сохранения архитектурного и археологического наследия Сургутского района ХМАО – Югры. Автор использовал большое количество ранее неопубликованных источников, однако отсутствие научно-справочного аппарата не позволяет проверить достоверность приведённых фактов.

³⁷ Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. 1925. № 4 (8). С. 31–33; Трудовой набат. 1925. 4 августа; Красное знамя. 1926. 19 ноября; Там же. 1928. 9 марта; Там же. 1929. 17 февраля; К победе коммунизма. 1973. 4 октября; Там же. 1975. 7 июня.

³⁸ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. Древняя история Приобья. М., 1953. С. 242–357; Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Там же. С. 7–71; Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М., 1957. С. 136–245.

³⁹ Новицкий В. Как изучать свой край? Первые работы начинающего краеведа. Организация научно популярного районного музея краеведения // Наш край. 1924. № 2. С. 32–37; Он же. Как изучать свой край? Первые работы начинающего краеведа. Организация научно популярного районного музея краеведения. Окончание // Наш край. 1924. № 4. С. 45–50; Коптилов М. Как организовать отделение общества изучения края при музее Тобольского Севера // Наш край. 1925. № 2–3. С. 68–74; Он же. Связь с УОБК и ЦБК // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 4–6; Он же. Подготовка к реорганизации краеведческой работы в округе // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 3. С. 2–3.

⁴⁰ Показаньев Ф. Я. Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий. Тюмень, 1972; Петрова Л. В., Показаньев Ф. Я. Сургут. Свердловск, 1987.

В постсоветский период интерес к проблемам охраны историко-культурного наследия на региональном уровне значительно активизировался, что привело к появлению работ ханты-мансийских исследователей, которые ввели в научный оборот новые источники, попытались дать объективную оценку формированию системы охраны памятников истории и культуры в округе. Среди них следует отметить обобщающие работы А. В. Конева⁴¹ и А. В. Малышкина⁴², в которых авторы скрупулёзно проанализировали формы и методы организации выявления, учёта, изучения и сохранения объектов культурного наследия в ХМАО – Югре, привели большое количество фактологического материала, однако ограничили исследование рамками второй половины XX – началом XX вв., оставив без внимания проблемы формирования региональных органов власти в первой половине XX в.

В это же время получило своё развитие и изучение проблем охраны археологического наследия ХМАО – Югры. В работе Н. К. Стефановой и В. А. Борзунова, основанной на широком круге новых источников, опубликованы систематизированные сведения о полевых археологических изысканиях на территории округа⁴³ и предложена периодизация истории археологического изучения региона. Авторы вполне справедливо утверждают, что уральские археологи сыграли ключевую роль в выявлении, изучении и сохранении археологического наследия округа. Хронологически работа охватывает весьма длительный период: с XVII до конца XX вв.

Следует отметить работу В. М. Морозова и Н. В. Шатунова⁴⁴, в которой впервые проанализированы этапы выявления и изучения археологических памятников в одном из наиболее насыщенных археологическим наследием

⁴¹ Конев А. В. Итоги и перспективы сохранения и использования археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск – Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 4–19.

⁴² Малышкин А. В., Кениг А. В., Селянина М. Ю., Шатунов Н. В., Визгалов Г. П. Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе // Археологическое наследие Югры: пленарный доклад II Северного археологического конгресса. Екатеринбург, 2006. С. 132–149.

⁴³ Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья. Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 2002.

⁴⁴ Морозов В. М., Шатунов Н. В. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 62–69.

районах округа – Сургутском – на протяжении довольно длительного периода: с конца XIX и по начало XXI вв. Ведущую роль в археологических исследованиях округа авторы также отводят уральским археологам.

В работах Ю. П. Чемякина⁴⁵ и Н. В. Шатунова⁴⁶ затронуты проблемы музеефикации уникального археологического комплекса – Барсова Гора, расположенного в Сургутском районе ХМАО – Югры, и сделан вывод о том, что для сохранения памятников археологии на Барсовой Горе необходимо полностью отказаться от хозяйственного освоения территории.

В постсоветский период изучение общественной охраны культурного наследия на региональном уровне получило новый импульс. Повсеместный подъём интереса к памятникам истории и культуры на рубеже XX–XXI вв. привёл к появлению ряда работ, посвящённых проблеме краеведческого движения в 1920-е – 1930-е гг. на Севере Западной Сибири⁴⁷.

Особо следует отметить исследование А. Н. Жука⁴⁸, который проанализировал историю развития музейных центров Тобольского округа и состояние археологической науки в них. Историк весьма скептически оценил вклад тобольских краеведов в дело охраны памятников истории и культуры, сделав вывод о том, что они, в связи со своим политически неблагонадёжным положением, не могли оказать существенного влияния на сохранение культурного наследия региона. Автор обесценивает усилия энтузиастов по сохранению культурного наследия Тобольского округа, не обращая внимания на настойчивость тобольских краеведов, которые даже в таких условиях продолжали проводить мероприятия по выявлению и изучению культурного наследия.

⁴⁵ Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Хроника разрушений на Барсовой горе // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 58–61; Носкова А. В., Чемякин Ю. П. Шаги по сохранению древностей Барсовой горы: хронология событий // «Барсова Гора: древности таёжного Приобья», Екатеринбург-Сургут, 2008. С. 16–23.

⁴⁶ Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 40–57.

⁴⁷ Копылов Д. И. Тюменское историческое краеведение: современное состояние, проблемы // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1995. С. 28–42; Карпухин В. И. Становление краеведческого движения в Тюмени в 1920–1922 гг. // Словцовские чтения-2001. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001. С. 130–132.

⁴⁸ Жук А. Н. Организация археологических исследований в Тобольском крае в 1850-е – 1920-е годы // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 119–141.

Полномасштабное исследование сургутского краеведения и его вклада в охрану памятников истории и культуры впервые было осуществлено в работах А. И. Прищепы⁴⁹. Автор, основываясь на архивных материалах и данных региональной периодической печати, тщательно проанализировал основные тенденции культурного строительства г. Сургута во второй половине XX в., в том числе и развитие краеведческого движения в регионе.

В постсоветский период к изучению деятельности Ханты-Мансийского окружного отделения ВООПИиК в области охраны археологического и архитектурного наследия округа приступили Т. Н. Собольников и А. В. Кузина⁵⁰, несомненным достоинством исследований которых следует считать насыщенность фактологическим материалом и введение в научный оборот большого количества неопубликованных источников.

Важным моментом в изучении истории охраны культурного наследия является защита диссертационных исследований, тематика которых затрагивает различные аспекты проблемы охраны памятников истории и культуры. Т. В. Тишкина и Л. Ю. Китова⁵¹ выделили этапы развития краеведческого движения в Сибири, изучили роль краеведческих организаций в охране памятников истории и культуры Сибири. Первый опыт изучения исторических процессов и современных тенденций развития музейного мира Сибири на основе адаптационного подхода представила О. Н. Шелегина⁵². Автор на

⁴⁹ Прищепа А. И. История Сургута: итоги и перспективы исследования // Сургут в отечественной истории: сб. тезисов, докладов и сообщений. Сургут, 2001. С. 3–12; Он же. Первая попытка историографического анализа научной литературы о Сургуте // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 9–23; Он же. Из новейшей истории Сургутского краеведения // Сургут в отечественной истории: сб. тезисов, докладов и сообщений. Сургут, 2003. С. 91–97; Он же. История Сургута второй половины XX в. Сургут, 2005; и др.

⁵⁰ Собольников Т. Н. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников: к истории становления и функционирования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Вып. 7. Томск – Ханты-Мансийск, 2009. С. 110–122; Она же. Охрана памятников археологии и этнографии на территории ХМАО в 1960–1980-е гг. (по архивным документам окружного отделения ВООПИиК) // Уральский исторический вестник. 2011. № 4. С. 69–75; Кузина А. В. Охрана архитектурного наследия в ХМАО в 1960–1980-х гг. (по документам ВООПИиК) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Вып. 9. Томск – Ханты-Мансийск, 2011. С. 162–169.

⁵¹ Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009; Китова, Л. Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2011.

⁵² Шелегина О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. ... д. ист. наук. Томск, 2012.

протяжении XIX–XXI вв. выявила динамику периодов эволюции и адаптации в развитии музейного мира Сибири, охарактеризовала их сущностное содержание и конкретные формы проявления. Г. А. Неподобная глубоко и последовательно исследовала государственную политику в отношении культурного наследия Урала⁵³. Комплексный анализ содержания, основных направлений и результатов политики государства по формированию и развитию структуры органов охраны памятников истории и культуры республики Башкортостан представлен в исследовании А. И. Лебедева⁵⁴. Следует отметить тщательно обоснованную периодизацию формирования системы охраны ОКН в регионе. И. М. Минеева сосредоточилась на проблемах охраны отдельного вида культурного наследия – археологического⁵⁵. А. А. Никифорова проанализировала актуальные проблемы охраны культурного наследия в регионах ресурсного типа, к которым автор отнесла ХМАО – Югру и ЯНАО⁵⁶. В работе обзорно изложена история формирования государственной системы охраны памятников истории и культуры в ХМАО – Югре в постсоветский период. Однако на наш взгляд, эта часть исследования практически полностью повторяет факты и выводы, представленные ранее в статьях А. В. Конева и А. В. Малышкина⁵⁷. В работе Е. А. Зайцевой, впервые проанализировавшей закономерности расположения археологических объектов Сургутского Приобья, территория которого входит в состав ХМАО – Югры⁵⁸, этапы выявления и изучения археологического наследия округа проанализированы на основе территориального принципа и масштабов исследований, что позволило автору дать общую оценку археологической изученно-

⁵³ Неподобная Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921–1929 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

⁵⁴ Лебедев А. И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1919–2010 гг. (по материалам Башкирии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2012.

⁵⁵ Минеева И. М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011.

⁵⁶ Никифорова А. А. Состояние и охрана памятников природного и культурного наследия в регионах ресурсного типа: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2011.

⁵⁷ См. Конев А. В. Итоги и перспективы... С. 4–19; Малышкин А. В., Кениг А. В. и др. Археологическое наследие Югры ... С. 132–149.

⁵⁸ Зайцева Е. А. Археологические памятники Сургутского Приобья (археологическая карта: интерпретация и возможности прогнозирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011.

сти региона. Кроме того, исследователь подготовила ряд схем, детально отразивших расположение памятников археологии Сургутского Приобья по хронологическому и культурно-историческому принципам. Проблемы охраны археологического наследия упоминаются в работе лишь вскользь, а основное внимание уделено анализу степени изученности территории Сургутского Приобья в археологическом отношении.

В постсоветский период усилилось внимание к региональным аспектам охраны памятников истории и культуры, расширилась источниковая база исследований, появились работы, рассматривавшие формирование государственной системы охраны культурного наследия в широких хронологических рамках (с XVIII по начало XX вв.).

Историографический анализ свидетельствует о неравномерной разработке в научной литературе основных проблем, рассматриваемых в данной работе. Слабо изучены вопросы взаимосвязи центральных и местных органов власти, курировавших культурное строительство в ХМАО – Югре, а также становление и развитие местных органов власти, отвечавших за охрану объектов культурного наследия, недостаточно исследованы особенности деятельности различных учреждений, занимавшихся памятникоохранительной деятельностью на территории края, поверхностно рассмотрена система охраны памятников в 1917–1990-е гг. как на центральном, так и на региональном уровне.

Цель исследования – на основе комплексной реконструкции системы управления охраной объектов культурного наследия Севера Западной Сибири выявить тенденции и региональную специфику её становления и развития на протяжении XX в. Для реализации поставленной цели сформулированы следующие **задачи**:

- 1) выявить региональные особенности формирования и функционирования системы охраны памятников истории и культуры в ХМАО – Югре;

2) проанализировать роль общественных организаций в охране объектов культурного наследия Севера Западной Сибири;

3) определить вклад научных организаций в дело охраны памятников истории и культуры ХМАО – Югры.

Источники. Исследование базируется на широком круге разнообразных источников, представленных документальными материалами 22 фондов из 12 архивов: Федерального казённого учреждения «Государственный архив Российской Федерации» (ФКУ «ГА РФ»), Архивного отдела администрации г. Сургута (АОАС), Архива муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» (МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»), Библиотечно-информационного историко-культурного фонда Сургутского района (БИ-ИКФ СР), Архива управления культуры, молодёжной политики, туризма и спорта администрации Сургутского района (архив УКМПТиС СР), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (ГА ХМАО), Архива автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» (АУ ХМАО – Югры «ЦОКН»), Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО «ГАТО»), Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО «ГАСПИТО»), Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»), Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» (ГАУК ТО «ТИАМЗ»), Государственного казенного учреждения Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУ СО «ГАСО»). Многие документы вводятся в научный оборот впервые.

Из письменных источников мы использовали законодательные акты (законы, декреты, постановления, подготовленные ВЦИК и СНК РСФСР, Совмином СССР), касавшиеся правовых основ охраны памятников истории и культуры в 1917–1991 гг., опубликованные в сборниках нормативно-правовых актов и в различного рода хрестоматиях⁵⁹.

Большой массив источников представлен делопроизводственной документацией, которая объединена нами в несколько групп. В первую группу входит организационная документация (уставы и положения Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР, Уральского областного бюро краеведения, Тобольского общества изучения края). Вторая группа представлена распорядительной документацией (указания, решения и распоряжения, инструкции областного, окружного и районных Советов депутатов трудящихся о деятельности культурно-просветительных учреждений по охране объектов культурного наследия). Протокольная документация (протоколы заседаний городских и районных советов депутатов трудящихся, конференций Тобольского общества изучения края и региональных отделений ВООПИиК) составляет четвертую группу. В пятую группу выделена деловая переписка (письма государственных учреждений и общественных организаций, касающиеся вопросов охраны памятников истории и культуры). К шестой группе относится плановая документация (квартальные и годовые планы отделов культуры областного, городских и районных исполкомов трудящихся, региональных отделений ВООПИиК). В седьмую группу входит отчетная документация (годовые, квартальные, статистические годовые отчеты о работе отделов по культуре областного, городских и районных исполкомов трудящихся, региональных отделений ВООПИиК). Делопроизводственные материалы дали возможность

⁵⁹ Охрана памятников истории и культуры. М., 1973; Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000; Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых актов. Екатеринбург, 2002; Охрана и использование памятников культуры: сборник нормативных актов и положений. М., 2004.

изучить механизм реализации политики государства в отношении ОКН, выявить конкретные условия, проблемы и сложности развития системы охраны памятников истории и культуры на региональном уровне, сделать выводы о роли и основных направлениях работы общественных организаций по охране памятников истории и культуры в ХМАО – Югре в 1917 – начале 1990-х гг.

Из периодической печати были использованы как центральные, так и местные газеты и журналы за 1922–2011 гг. (газеты «Известия», «Вечерний Свердловск», «Ленинская правда» («Новости Югры»), «К победе коммунизма» («Сургутская трибуна»), «Исторический вестник», «Мы вместе»; журналы «Краеведение», «Наш край», «Бюллетень Общества изучения края», «Югра» и др.). В них представлены как информативные сообщения (заметки, отчёты, репортажи о выявлении памятников истории и культуры или их утрате, интервью с археологами), так и аналитические статьи, посвящённые отдельным вопросам охраны ОКН в ХМАО – Югре.

Из источников личного происхождения мы пользовались письмами и воспоминаниями известного сургутского краеведа Ф. Я. Показаньева, в которых зафиксированы детали общественной охраны памятников истории и культуры на исследуемой территории.

К типу изобразительных источников относятся карты и схемы расположения памятников археологии, топографические планы выявленных ОКН. Изучение этих источников позволило оценить количество выявленных археологических памятников и установить соотношение выявленных и исследованных археологических памятников в ХМАО – Югре на протяжении 1917 – начала 1990-х гг.

Источниковая база исследования, представляется, на наш взгляд, репрезентативной, позволяющей решить поставленные задачи и достигнуть цели исследования.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составляет институциональный подход. Как известно, классики инсти-

туциональной теории (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) рассматривали жизнь общества через устойчивые социальные образования, акцентировав внимание на организованной форме человеческих отношений. В современной трактовке институтов этим понятием принято обозначать «такие формы организации общественной жизни, которые устанавливаются в процессе исторического развития общества и являются механизмами регулирования социальных связей и действий»⁶⁰. Одной из них является «культурный институт», который в узком смысле соотносится с различными организациями и учреждениями, осуществляющими функции сохранения и передачи культурно значимых явлений⁶¹. С этой точки зрения к «культурным институтам» можно отнести федеральные и региональные органы власти по охране объектов культурного наследия, краеведческие общества и научные организации, осуществляющие выявление, учёт, изучение, сохранение, популяризацию памятников истории и культуры. В широком смысле «культурный институт» – это «исторически сложившийся порядок осуществления какой-либо культурной функции, реализуемой в том числе при помощи какого-то учреждения, организации»⁶². При таком подходе упор делается на изучение процесса формирования системы охраны памятников истории и культуры и соблюдения законодательных норм в области охраны культурных ценностей. Таким образом, институциональный подход позволил более полно охарактеризовать особенности взаимодействия различных «культурных институтов» (федеральных и региональных органов власти, краеведческих обществ и научных организаций), их роль и функции в процессе создания и развития системы охраны культурного достояния страны.

⁶⁰ Глотов М. Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 18.

⁶¹ Кун Г. Е. Институциональное и внеинституциональное измерения художественной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). Ч. VI. С. 46.

⁶² Кун Г. Е. Указ. соч. С. 46.

В процессе исследования был использован комплекс общенаучных и специализированных (проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-генетический, синхронный) методов.

С помощью проблемно-хронологического метода были выявлены и обозначены основные направления и узловые этапы в хронологии становления и развития системы охраны памятников на Севере Западной Сибири, что предоставило возможность выявить динамику её развития.

Историко-сравнительный метод дал возможность определить общие и специфичные характеристики в области охраны объектов культурного наследия в регионе.

Применение историко-генетического метода помогло определить причинно-следственные связи и обусловленность развития памятникоохранительной деятельности в ХМАО – Югре, спрогнозировать тенденции её развития.

Синхронный метод использовались при исследовании функционирования одних и тех же процессов в одно и то же время на федеральном и региональном уровнях. В некоторых случаях мероприятия по охране объектов культурного наследия реализовывались в ХМАО – Югре одновременно с федеральными, в других – со значительным запозданием.

Практическая значимость работы. Исследование может быть применено в практической деятельности по охране памятников истории и культуры ХМАО – Югры для формирования эффективного взаимодействия между государственными органами и научными учреждениями, общественными организациями в сфере выявления, учёта, изучения, использования и популяризации культурного наследия края. Особенно важно располагать исчерпывающей информацией об ОКН и возможных мероприятиях по сохранению памятников для муниципальных органов власти, которые в настоящий момент обладают полномочиями по сохранению культурного наследия, но по-

прежнему не владеют информацией о том, каким образом осуществлять эту деятельность.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы в курсе лекций «Охрана памятников истории и культуры», который преподаётся на исторических факультетах вузов.

Структура работы носит проблемно-хронологический характер. В соответствии с поставленными задачами работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка исторических источников и литературы, графических и текстовых приложений. В первой главе анализируется охрана памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1917 – конце 1940-х гг.: создание и функционирование центральных и региональных органов по охране памятников, а также деятельность краеведческих организаций по сохранению культурного наследия. Во второй главе исследована охрана культурного наследия в ХМАО – Югре в 1950-х – начале 1990-х гг.: состояние центральной и региональной систем охраны культурного наследия, деятельность общественных и научных организаций по сохранению памятников истории и культуры. В заключении представлены общие итоги исследования и сформулированы основные выводы. В приложения включены схемы, таблицы, карты, биографическая справка об общественных деятелях и учёных, внёсших вклад в развитие охраны памятников истории и культуры в ХМАО – Югре.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1917 – КОНЦЕ 1940-х гг.

1.1. Организация охраны памятников искусства и старины на федеральном уровне

К началу XX в. в России сложилось научное понимание основных вопросов охраны памятников. Некоторыми государственными органами и большинством научных организаций были намечены пути улучшения этого дела в общегосударственном масштабе, что в значительной степени предопределило принятие будущих законов по охране российских памятников культуры⁶³. Всё вышеперечисленное подготовило почву для создания государственной системы охраны памятников в эпоху советского государства.

На протяжении 1917–1990-х гг. в процессе становления государственной системы охраны культурного наследия в РСФСР можно выделить два периода: 1917 – конец 1940-х гг. и 1950-е – начало 1990-х гг. Рассмотрим этапы формирования государственной системы охраны памятников в первый период и проанализируем особенности государственной политики в отношении культурного наследия на региональном уровне в ХМАО – Югре.

Первый этап (1917–1920 гг.) соотносится со становлением Советского государства, образованием новых государственных органов и изданием специальных законодательных актов по охране культурного наследия. Этот отрезок времени, насыщенный событиями и переменами в жизни государства и общества, является одним из наиболее изученных этапов становления системы государственной охраны памятников истории и культуры. К его изучению обращались В. К. Гарданов, Ю. Н. Жуков, Д. А. Равикович,

⁶³ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 66.

А. М. Кулемзин и многие др.⁶⁴, поэтому стоит отметить лишь ключевые моменты формирования системы охраны культурного наследия для понимания региональных направлений памятникоохранительной деятельности в это время.

Организация государственной системы охраны памятников в первые годы советской власти протекала в сложной обстановке. Эта ситуация была обусловлена несколькими факторами: внутренним расколом в среде различных политических партий (большевиков, меньшевиков, эсеров), борьбой за лидерство среди представителей творческой художественной интеллигенции, неприятием многими из них советской власти. Тем не менее, охрана памятников истории и культуры стала важной задачей государства и складывавшейся системы управления в области культурного строительства.

Одним из первых важных шагов в деле организации системы охраны памятников истории и культуры СССР стало издание нескольких основополагающих законодательных актов, регулирующих охрану культурных ценностей. Среди них можно отметить декреты Совнаркома от 18 сентября 1918 г. «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», который запрещал «вывоз из всех мест республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины» без предварительного заключения и разрешения Наркомпроса⁶⁵ и от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», предписывавшего «произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов,

⁶⁴ См. Гарданов В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История музейного дела в СССР. Сб. науч. статей. М., 1957. С. 7–36; Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. М.: Наука, 1989; Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 6–124; Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001; Полякова М. А. Охрана и использование памятников истории и культуры: 1917–1941 гг. (Воронежская и Тамбовская области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁶⁵ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М. 2000. С. 391–392.

в чьём бы обладании они ни находились»⁶⁶. Эти декреты заложили основу дальнейшей государственной охраны памятников истории и культуры в СССР.

Другим ключевым моментом становления государственной культурной политики явилось учреждение специального государственного органа, в чьём ведении сосредоточилась забота об охране памятников старины. Советское правительство – Совет народных комиссаров (Совнарком) сформировалось в Петрограде 27 октября (9 ноября по новому стилю) 1917 г. Помимо остальных комиссариатов был образован и Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), в ведении которого сосредоточились практически все сферы культурно-гуманитарного профиля, в том числе и охрана памятников истории и культуры. Этот комиссариат возглавил известный общественный и политический деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед Анатолий Васильевич Луначарский.

В мае 1918 г. в составе Наркомпроса была учреждена Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Первостепенными задачами Коллегии являлись, во-первых, «изыскание способов и путей к созданию условий, благоприятствующих процветанию музеев», а во-вторых – «забота о принятии мер к охране искусства и старины»⁶⁷. Первоначально Коллегию возглавлял искусствовед, живописец, реставратор Игорь Эммануилович Грабарь. На первом заседании Коллегии Игорь Эммануилович сложил с себя полномочия её председателя в пользу Натальи Ивановны Троцкой (Седовой) – революционного деятеля, второй жены Льва Давидовича Троцкого, одного из организаторов Октябрьской революции и основателя Коминтерна⁶⁸.

В отношении охраны ОКН Коллегия планировала в первую очередь приступить к регистрации памятников искусства и старины. Эта работа должна была вестись «по строго научной, заранее выработанной системе с

⁶⁶ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М. 2000. С. 391–392.

⁶⁷ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2306. Оп. 28. Д. 23. Л. 1.

⁶⁸ <http://ru.wikipedia.org>. Дата обращения 03.09.2012 г.

необходимыми обмерами, обозначениями подписей и дат, где они имеются отметками о степени сохранности, а в случаях более важных – с непременно фотографированием»⁶⁹.

В июле 1918 г. Коллегия была преобразована во Всероссийский отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Музейный отдел), которому и были переданы все функции по охране культурного наследия⁷⁰. С 1918 по 1928 гг. Музейный отдел Наркомпроса возглавляла Н. И. Троцкая.

В структуру Музейного отдела в 1918–1920-х гг. входило 9 подразделов: монументальной регистрации, архитектурной и живописной реставрации, центральных музеев, государственного фонда, археологии, провинциальных музеев, столичной охраны, провинциальной охраны, внешних музейно-художественных образований⁷¹. В составе подразделов столичной провинциальной охраны было по 2 секции – учётная регистрационная и по принятию мер охраны; по принятию мер охраны и связи с провинциальными подразделениями соответственно. Археологический подраздел состоял из 3 секций – по производству раскопок, составлению карт и справочников, по собиранию и распределению археологического фонда⁷². Археологический подраздел возглавил выдающийся русский археолог Василий Алексеевич Городцов⁷³.

В декабре 1918 г. по постановлению Наркомпроса были созданы региональные органы охраны памятников – губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депу-

⁶⁹ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2306. Оп. 28. Д. 23. Л. 5 об.

⁷⁰ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920. М., 1989. С. 107.

⁷¹ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2306. Оп. 28. Д. 144. Л. 1 об, 2, 2 об.

⁷² Там же. Л. 2–2 об.

⁷³ Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М., 1970. С. 13.

татов. Задачами подотделов являлись: выявление, учёт, несложный ремонт памятников⁷⁴.

Следующий важный шаг – создание научной базы системы государственной охраны культурного наследия. Если административное управление охраной памятников было заботой Музейного отдела Наркомпроса, то научная разработка проблем охраны археологических памятников была поручена Российской академии истории и материальной культуры (РАИМК)⁷⁵, созданной в апреле 1919 г. на основе Российской археологической комиссии, Московского и Петроградского археологических обществ⁷⁶. Председателем академии стал известный востоковед, лингвист и археолог Николай Яковлевич Марр⁷⁷.

РАИМК выполняла большое количество функций. Среди них можно отметить руководство научной стороной всех предпринимаемых археологических исследований, выработку основ охраны памятников, теоретическую разработку вопросов по этнологии, археологии, истории искусства, художественно-историческую оценку вновь открываемых памятников, проведение раскопок, распространение знаний, относящихся к памятникам древности⁷⁸. В соответствии с поставленными перед ней задачами РАИМК состояла из трёх отделений: этнологии, археологии и истории искусства⁷⁹.

Второй этап (1921–1927 гг.) характеризуется наибольшей централизацией органов охраны памятников.

⁷⁴ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 14.

⁷⁵ В 1926 г. РАИМК была реорганизована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), которая в 1937 г. вошла в АН СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК). Институт находился в Ленинграде, а в Москве было его Отделение. В 1943 г. Институт был переведён в Москву, а в Ленинграде осталось его Отделение (ЛОИИМК). В 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР. В 1991 г. Институт археологии АН СССР был переименован в Институт археологии РАН, а на базе его Ленинградского отделения (ЛОИА) был создан отдельный Институт истории материальной культуры РАН // Макаров Н. А. Институт археологии: прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archaeolog.ru> (дата обращения 03. 09. 2012 г.).

⁷⁶ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2306. Оп. 28. Д. 163; Макаров Н. А. Указ. соч.

⁷⁷ Подробнее о роли Н. Я. Марра в организации археологической науки см.: Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб., 2010. С. 226–232; Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 2. СПб., 2011. С. 5–11.

⁷⁸ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2306. Оп. 28. Д. 163. Л. 1.

⁷⁹ Там же.

В 1921 г. для дальнейшего совершенствования управления делами охраны памятников состоялась реорганизация Наркомпроса. В результате при Наркомпросе было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра (Главнаука) – административно-организационный орган, объединивший охрану памятников и руководство музеями. «В ведении Главнауки сосредоточились все учреждения, связанные с организацией охраны памятников, их изучением и пропагандой: отдел по делам музеев и охраны памятников, музеи, РАИМК, Институт истории искусств в Петрограде (при нем существовал Комитет по изучению художественных памятников Петрограда и его окрестностей), Музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде, Центральное бюро краеведения (ЦБК)»⁸⁰.

Одновременно произошла и реорганизация местных органов по охране памятников: на местах должны были быть сформированы губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины – губмузеи.

В результате к началу 1920-х гг., по мнению А. М. Кулемзина, сложилась «единая государственная централизованная система охраны и использования культурного наследия»⁸¹. Однако, на наш взгляд, эта система охватывала, преимущественно, центральные регионы страны, поскольку на отдалённых территориях установление советской власти и оформление структуры государственных учреждений в 1920-е гг. только началось. Соответственно, аппарат, в чьём ведении должна была быть охрана культурного наследия, к началу 1920-х гг. во многих регионах находился на стадии формирования.

К началу 1920-х гг. направления деятельности Музейного отдела были преобразованы: сугубо спасательные задачи, которые стояли перед отделом в

⁸⁰ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 34–35.

⁸¹ Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001. С. 138.

первые послереволюционные годы, сменились задачами систематического учёта и изучения культурного наследия⁸².

В начале 1920-х гг. активизировалось и охрана памятников археологии. Музейному отделу Главнауки было поручено организовать археологические исследования по единому государственному плану, сосредоточив в археологическом подотделе материалы обо всех археологических работах. Для этого археологический подотдел Музейного отдела Наркомпроса и РАИМК разработали инструкции, которые определяли организационные формы исследования археологических памятников⁸³. С 1923 г. был введён порядок, по которому каждый исследователь мог производить археологические работы только на основании специальных разрешений – Открытых листов, выдаваемых музейным отделом Главнауки. Этот документ точно устанавливал район, место и время проведения работ. Исследователь обязывался представлять в музейный отдел всю документацию, связанную с археологическими изысканиями⁸⁴. В 1927 г. была издана «Инструкция к Открытому листу на право археологических (палеонтологических) раскопок и обследований»⁸⁵, в которой уточнялось, что «открытые листы выдаются музейным отделом Главнауки на основании отзыва ГАИМК»⁸⁶. Лица, получавшие Открытые листы, рассматривались как исследователи, особо уполномоченные содействовать охране и систематическому исследованию древних памятников. О выдаче каждого Открытого листа музейный отдел должен был извещать соответствующие краевые, областные и губернские исполкомы, а также музейные органы на местах. В Инструкции подробно разрабатывались права и обязанности исследователей в процессе археологических работ, система отчётности. Таким образом, была заложена основа археологической деятельности в стране.

⁸² Полякова М. А. Охрана и использование памятников истории и культуры: 1917–1941 гг. (Воронежская и Тамбовская области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 16.

⁸³ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 45.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Инструкция к Открытому листу на право археологических (палеонтологических) раскопок и обследований. М., 1927.

⁸⁶ Там же. С. 3.

Второй этап становления системы государственной охраны памятников характеризуется дальнейшим развитием законодательной базы: в марте 1923 г. был издан декрет ВЦИК и Совнаркома «Об учёте и регистрации предметов старины и искусства», в январе 1924 г. вышел декрет «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы» и «Инструкция об учёте и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утверждённая президиумом ВЦИК в июле 1924 г.⁸⁷ Значение этих документов весьма точно оценил А. М. Кулемзин: «В этих документах окончательно утверждалось право государственной собственности на те историко-культурные ценности, на которые оно считало необходимым заявить свои права (независимо от того, в чьем владении они находятся), определена структура взаимодействия органов охраны памятников и распределены их функции. Впервые памятникам дана классификация, близкая к современной, выделены памятники зодчества, археологии, природы, сады и парки, а также музейный фонд (музейное имущество)»⁸⁸.

В отношении археологического наследия в декрете 1924 г. «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы» подчёркивалось, что «должны быть установлены достаточные меры к охране археологических памятников», а обязанность «фактической охраны памятников ... возлагается на губернские и областные исполнительные комитеты, при непосредственном участии губернских подотделов по делам музеев или заменяющих их органов»⁸⁹. Это положение оказалось в большой степени декларативным, поскольку с 1923 г. в стране началась административная реформа по преобразованию губерний в области, а уездов – в районы. В ходе этого преобразования губернские подотделы по делам музеев зачастую упразднялись, а областные не формировались.

⁸⁷ Охрана памятников истории и культуры. М. 1973. С. 35–40, 42–53.

⁸⁸ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 139.

⁸⁹ Охрана памятников истории и культуры. С. 39.

Третий этап – 1928–1940-е гг. – весьма неоднозначный период в истории охраны памятников. С одной стороны, единая государственная система охраны культурного наследия, сформированная к середине 1920-х гг., начала распадаться. В это время возникли неблагоприятные тенденции в отношении к памятникам культуры прошлого – утверждение утилитарного отношения к культурному наследию, сформировавшегося в рамках индустриализации и коллективизации страны, и усиление идеологического контроля в сфере общественных наук, что не замедлило сказаться на системе государственной охраны памятников истории и культуры.

В Наркомпросе, крупнейших музеях страны началась перестановка кадров. Вместо высококвалифицированных специалистов пришли представители новой партийной номенклатуры. Чаще всего ими были недоучившиеся студенты или случайные люди в области охраны старины. Всё это не замедлило сказаться на сфере охраны культурного наследия.

Так, в 1927 г. подвергалась проверке деятельность музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. Созданная для этого специальная комиссия пришла к выводу «о слабой связи музейного отдела с Главполитпросветом и Главсоцвосом, с политико-просветительными, партийными и советскими организациями на местах»⁹⁰. Был отмечен «отрыв научно-исследовательской деятельности подведомственных музейному отделу учреждений от политико-просветительной работы»⁹¹. Коллегия Наркомпроса приняла решение «о необходимости приближения управления музейным делом к местным политико-просветительным, научным и планирующим организациям. Часть административных функций музейного отдела предполагалось передать на места»⁹².

Таким образом, в 1920-х гг. в Наркомпросе возникла тенденция «децентрализации» управления музейным делом и охраной памятников. Охрана

⁹⁰ Неподобная Г.А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921–1929 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 20.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

памятников истории и культуры в этот период по факту была возложена на региональные музеи, которые «из-за мизерной финансовой базы не могли сохранить в целостности культурное наследие»⁹³.

В это же время произошла реорганизация Музейного отдела Наркомпроса и значительное сокращение его аппарата: из 16 человек, работавших в 1925 г. в отделе осталось 9. Подотделы Музейного отдела были ликвидированы, а организационные вопросы охраны перешли в ведение всего одного человека. Функции учёта архитектурных памятников были переданы в ЦГРМ, археологических – в ГАИМК. Непосредственная работа центра ограничилась памятниками лишь первоклассного значения⁹⁴, т. е. роль центрального органа охраны была сведена к минимуму.

В 1930 г., в связи с реорганизацией Наркомпроса, прекратила существование Главнаука, а, следовательно, и действовавший в её составе Музейный отдел. Вместо него в 1932 г. была создана музейная группа Наркомпроса, занимавшаяся преимущественно музейными учреждениями.

Таким образом, реформа Наркомпроса и местных органов народного образования в 1927 г. аннулировала все достижения Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР. Это не могло не отразиться на решении важных проблем в области охраны культурного наследия.

С другой стороны, ухудшение дальнейшего состояния культурного наследия привело к попытке вернуться к централизованному руководству, и в 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР был создан Межведомственный комитет по охране памятников революции и культуры. В состав комитета вошли представители ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, ЦГРМ, ГАИМК, Государственного исторического музея, Музея революции СССР, Интуриста.

Комитет должен был осуществлять координацию и контроль действий различных ведомств в отношении охраны памятников. Ему поручалось осу-

⁹³ Полякова М. А. Указ. соч. С. 21.

⁹⁴ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 66.

ществование нескольких задач. Во-первых, общее наблюдение за выполнением всех постановлений правительства об охране памятников. Во-вторых, составление списков памятников, подлежащих государственной охране на основе материалов, представляемых Наркомпросом РСФСР. Эти списки утверждались Президиумом ВЦИК. В-третьих, решение вопросов финансирования охраны памятников, в частности, отнесение этих расходов на государственный или местный бюджет. В-четвёртых, утверждение проектов использования памятников и ремонтно-реставрационных работ по предложению и по указанию Наркомпроса РСФСР.

Наконец, в сентябре 1933 г. при Наркомпросе вновь был создан Музейный отдел, одной из функций которого являлась охрана памятников. Исполнительными органами Музейного отдела на местах в отношении охраны памятников являлись Наркомпросы АССР, краевые и областные ОНО.

Музейный отдел сосредоточил внимание на использовании и обеспечении физической сохранности памятников архитектуры: выполнении своевременного ремонта и реконструкции, пресечении незаконных переделок сооружений, имеющих историческую ценность.

Несколько улучшилось и законодательное обеспечение охраны археологического наследия. В феврале 1934 г. было издано специальное постановление, по которому запрещалось «уничтожение, повреждение и использование без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК археологических памятников (древних городищ, селищ, стоянок, мест древних горных разработок, курганов, могильников, каменных изваяний, сооружений, столбов, древних изображений и письмен на камнях и скалах и т. п.), а также имеющих археологическое значение вещественных находок и кладов»⁹⁵.

В начале 1930-х гг. возобновилась охранная деятельность в зонах крупного строительства первых пятилеток. Так, в октябре 1932 г. был обра-

⁹⁵ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М. 2000. С. 448.

зован Комитет по работам ГАИМК на новостройках⁹⁶. В ведение комитета входила как организация научных экспедиций, так и культурно-просветительная работа на местах нового строительства (выпуск плакатов, листовок, популярной литературы, содействие созданию на строительстве музеев и общественного актива). В состав Комитета вошли представители государственных учреждений, научно-исследовательских институтов, крупных музеев. Для выявления и описания памятников была издана «Инструкция по учёту и охране памятников материальной культуры на новостройках»⁹⁷.

Тем не менее, несмотря на существенное расширение мероприятий по охране памятников, сохранялась общая тенденция игнорирования культурного наследия «буржуазного прошлого»; продолжилось расформирование органов, ответственных за охрану ОКН. Так, в 1936 г. функции Межведомственного комитета по охране памятников были переданы Всесоюзному комитету по делам искусства при Совнарком. В этом же году была расформирована и ГАИМК, а забота об археологических памятниках поручена Академии наук СССР.

Таким образом, к концу 1930-х гг. единый центр охранной деятельности был ликвидирован. Работа по сохранению памятников истории и культуры рассредоточилась по различным ведомствам (Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса, Межведомственный комитет ВЦИК, Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнарком).

Первая половина 1940-х гг. – время труднейшего испытания для народов Советского Союза – не принесло радикальных изменений в организацию дела охраны памятников. В связи с массовым разрушением культурного наследия (в основном, архитектурных сооружений, скульптур и монументальной живописи) в 1942 г. была учреждена Комиссия по учёту и охране

⁹⁶ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 83.

⁹⁷ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 83; Пряхин А. Д. Указ. соч. С. 206.

памятников искусства при Всесоюзном комитете по делам искусств Совнаркома⁹⁸. В ведении этой комиссии сосредоточились учёт разрушений и повреждений памятников искусства, организация мер по охране памятников в прифронтовой полосе и освобождённых районах, а также подготовка документации для проведения реставрации разрушенных и повреждённых объектов культурного наследия⁹⁹. Археологические памятники, по всей видимости, не входили в сферу интересов этой комиссии.

В конце 1942 г. при Совнаркоме была создана ещё одна – Чрезвычайная государственная комиссия по учёту разрушений и ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками, с более широкими функциями. Её задачами являлись не только фиксация фактов утраты культурных ценностей, разрушения памятников искусства, но и определение масштабов экономического и морального ущерба, причинённого населению¹⁰⁰. Материалы этой комиссии публиковались в центральной и местной прессе.

В сентябре 1943 г., в связи с увеличившимися масштабами работ по охране культурного наследия, при Совнаркоме РСФСР был образован Комитет по делам архитектуры, в состав которого вошло Главное управление охраны памятников¹⁰¹. После окончания войны эта организация осуществляла руководство восстановительными работами на исторических объектах.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны основная задача состояла в спасении памятников архитектуры и искусства от разграбления и разрушения. В этой связи были приняты срочные меры по эвакуации музейных ценностей на восток страны. Недвижимому археологическому наследию уделялось значительно меньше внимания.

В первые послевоенные годы произошла перестройка органов государственного управления СССР, которая усугубила ведомственную разобщённость в управлении охраной культурного наследия, и так находившуюся в

⁹⁸ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 167.

⁹⁹ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 94.

¹⁰⁰ Равикович Д. А. Указ. соч. С. 94.

¹⁰¹ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 169.

ведении различных учреждений (Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса, Межведомственный комитет ВЦИК, Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме). Так, 15 марта 1946 г. Совнарком СССР был преобразован в Совет Министров (Совмин) СССР, а Народные комиссариаты СССР – в Министерства СССР¹⁰². В состав Совмина СССР вошёл учреждённый в 1943 г. при Совнаркоме СССР Комитет по делам архитектуры и созданный в 1936 г. Комитет по делам искусств, которым было поручено руководство охраной и реставрацией памятников архитектуры и искусства.

Руководство охраной исторического и археологического наследия было возложено на Комитет по делам культурно-просветительных учреждений (КПУ) при Совнарком РСФСР, созданный в феврале 1945 г.¹⁰³ и преобразованный в марте 1946 г. в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине РСФСР¹⁰⁴.

Основополагающим законодательным документом этого периода является постановление Совмина СССР от 14 сентября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников истории и культуры»¹⁰⁵. В нём отмечалось, что «... в деле охраны памятников культуры имеются серьёзные недостатки. Контроль за сохранностью исторических и археологических памятников не осуществляется. Руководство охраной и реставрацией памятников архитектуры и искусства со стороны Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР осуществляется неудовлетворительно»¹⁰⁶. Для улучшения дела охраны памятников были предусмотрены ряд мер: 1. охрана памятников культуры и

¹⁰² Закон СССР от 15.03.1946 г. о преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик в Советы министров союзных и автономных республик [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16360.htm> (дата обращения 04.09.2012 г.).

¹⁰³ Равикович Д. А. Указ. соч. С.102; Постановление Совнаркома РСФСР от 17.11.1945 г. № 663 «Об утверждении Положения о Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совнарком РСФСР» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ Понько А. Д. Очерки истории Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации. М. 2010. С. 36.

¹⁰⁵ Охрана культурного наследия России в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 463–465.

¹⁰⁶ Там же. С. 463–464.

контроль над их сохранением и использованием были возложены на Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных и сельских депутатов трудящихся; 2. руководство и контроль над учётом, охраной, реставрацией и использованием археологических памятников поручено комитетам по делам культурно-просветительных учреждений при Советах союзных республик; 3. советы министров союзных республик должны были «в 3-месячный срок разработать и утвердить по согласованию с Академией наук СССР инструкции о порядке учёта, регистрации и содержания археологических и исторических памятников; 4. органы, ответственные за охрану культурного наследия, должны были в течение 1948–1949 гг. провести учёт всех выявленных на тот момент памятников истории и культуры¹⁰⁷. Постановление также утвердило и «Положение об охране памятников культуры»¹⁰⁸, в котором был предусмотрен раздел об охране археологических памятников¹⁰⁹.

Можно согласиться с мнением А. М. Кулемзина, который оценивал постановление 1948 г. как главный памятникоохранительный документ, выполнявший фактически функцию закона и имевшее «большое значение для совершенствования охраны памятников в стране»¹¹⁰.

После выхода постановления «О мерах улучшения охраны памятников истории и культуры» приступил к работе Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР, который возглавил И. Э. Грабарь¹¹¹. Целью совета являлось научно-методическое руководство делом охраны и изучения памятников культуры, совершенствование научных методов реставрационных работ и установление научной классификации памятников культуры¹¹².

¹⁰⁷ Охрана культурного наследия России... С. 464.

¹⁰⁸ Там же. С. 465–472.

¹⁰⁹ Там же. С. 470–471.

¹¹⁰ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 174.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Охрана культурного наследия России ... С. 465.

В развитие вышеупомянутого постановления в мае 1949 г. Совмин РСФСР утвердил «Инструкцию о порядке учёта, регистрации и содержания археологических памятников на территории РСФСР», в котором обязал Комитет по делам КПУ при Совете Министров РСФСР провести мероприятия по учёту, регистрации и содержанию археологических и исторических памятников и к 1 ноября 1949 г. предоставить списки этих объектов культурного наследия¹¹³. Региональные органы власти, в том числе и в ХМАО – Югре, незамедлительно приступили к проведению этих мероприятий¹¹⁴.

Таким образом, в процессе институализации памятникоохранительной деятельности на протяжении 1917–1940-х гг. можно отметить как учреждение «культурных институтов» – государственных органов, научных учреждений, реставрационных мастерских, ответственных за выявление, учёт, изучение и сохранение ОКН, так и нормирование социального взаимодействия в сфере охраны культурного достояния в форме издания специальных законодательных актов. Наибольшей эффективности система охраны памятников истории и культуры достигла на втором этапе (1921–1927 гг.), когда в ведении Главнауки сосредоточились все учреждения, имевшие отношение к охране памятников, а на региональном уровне в большинстве субъектов федерации сформировались её структурные подразделения.

¹¹³ Там же. С. 472.

¹¹⁴ Подробнее см. § 1.2.

1.2. Деятельность органов охраны памятников истории и культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре

Формирование региональных органов охраны памятников началось в мае 1918 г., когда был создан Музейный отдел Наркомпроса. Во многом новая культурная политика зависела от экономических и политических факторов, основой её были специальные декреты государства об охране памятников старины, а также централизованная система охраны наследия. В эту формирующуюся систему были органично включены научные государственные учреждения, целью которых являлись изучение, фиксация и реставрация памятников отдельных типологических групп.

Согласно постановлению Наркомпроса, в декабре 1918 г. на местах были созданы органы охраны памятников – губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Отделах народного образования (ОНО) губернских Советов депутатов трудящихся¹¹⁵. Задача подотделов состояла в выявлении, учёте, элементарном ремонте памятников искусства и старины. К первой годовщине Октябрьской революции количество местных организаций, призванных обеспечить сохранность произведений искусства и исторических реликвий, насчитывалось 13, они охватывали своими действиями половину губерний РСФСР¹¹⁶. К осени 1920 г. в РСФСР было образовано 64 губернских и уездных подотдела, несколько позже их стало 69¹¹⁷.

На Урале, в Сибири и других территориях, где установление советской власти осложнилось противодействием антибольшевистского движения, организация местных органов по охране памятников прошла не в 1917–1918 гг., как в центральных губерниях, а в 1919–1920-х гг. Так, в Тюмени губернский военно-революционный комитет (Губревком) был образован 8 августа 1919 г.

¹¹⁵ Народное просвещение. 1918. № 22. 7 декабря.

¹¹⁶ Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989. С. 178.

¹¹⁷ Полякова М. А. Указ. соч. С. 11.

При нём для руководства делом просвещения и культуры был организован губернский отдел народного образования (ГубОНО) с подотделами: школьным, внешкольным, дошкольным и финансово-хозяйственным. В состав внешкольного подотдела вошла секция музеев и охраны памятников старины (административное подчинение секции представлено в прил. 1), которая начала свою работу в январе 1920 г., когда Тюменский Губревком издал обязательное постановление «Об охране исторических памятников»¹¹⁸. Согласно постановлению, «все собрания и отдельные предметы, имеющие научную и художественную ценность, как-то: археологические находки, старинные рукописи, книги, предметы религиозной старины, картины, гравюры, миниатюры, фарфор, бронза, художественная мебель, старинная утварь, одежда и пр., находящиеся как в частных руках, так и в учреждениях, принимаются на учёт и охрану секций музеев и по охране памятников старины и искусства при губернском отделе народного образования»¹¹⁹. Без разрешения секции запрещалось производить «раскопки в местах нахождения археологических находок», «перестройку и ремонт исторически ценных зданий и сооружений»¹²⁰.

Функции секции в соответствии с «Планом организации местных ОНО» состояли в следующем: «1. Работа по охране памятников искусства, устройство музеев, выставок для широкого пользования культурных ценностей этого рода при содействии секции изобразительных искусств и организационного подотдела; 2. Руководство всеми работами в области изобразительных искусств в губернии, организация школ, студий, содействие подотделам [...] других культпросветучреждений по всем вопросам, касающимся изобразительных искусств. Сношение с центром и с местным Пролеткультом по этим вопросам»¹²¹. В ведение новых органов власти отошли школы, клу-

¹¹⁸ Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. Свердловск, 1980. С. 46–47.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 47.

¹²¹ АОАС. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

бы, театры, музеи и библиотеки. Военно-революционный комитет взял на учёт исторические памятники и культурные ценности¹²².

Соответственно, осенью 1919 г. были созданы ОНО во всех южных, а в конце зимы – и в северных уездах Тюменской губернии. К весне 1920 г. во всех уездах местные советы организовали волостные ОНО¹²³.

Практически все губернские органы охраны широко использовали возможности печати, что выразилось, прежде всего, в публикации различного рода решений губподотделов. В первую очередь губподотделы перепечатали декрет Совнаркома от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», в котором указывали конкретный срок и адрес, по которому все учреждения и частные лица обязаны были зарегистрировать принадлежавшие им предметы, имеющие художественно-историческое значение. Необходимость издания подобного рода постановлений, как верно заметил Ю. Н. Жуков, вызывалась, во-первых, значительным сроком, прошедшим со времени принятия декрета, во-вторых, тем, что содержание декрета, по самым разнообразным причинам, могло не дойти до сведения широкой общественности¹²⁴.

Довольно часто в местной прессе публиковались материалы, отражавшие деятельность по сохранению объектов культурного наследия – различные отчёты подотделов, сообщения о проводимой работе, намечаемых экспедициях и т. п. Например, газета «Трудовой набат» в сентябре 1920 г. сообщала о передаче сада Ермака в ведение музея Тобольского Севера с целью преобразования сада в Дендрологический музей¹²⁵, в октябре этого же года в газете писали об организации орнитологической станции и промыслового от-

¹²² Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. Свердловск, 1980. С. 7.

¹²³ Рощевский П. И. Указ. соч. С. 12.

¹²⁴ Жуков Ю. Н. Указ. соч. С. 186–188.

¹²⁵ Трудовой набат. 1921. 20 сентября.

дела при музее Тобольского Севера¹²⁶. Информация о деятельности Тюменского губернского музея появилась в местных периодических изданиях начиная с июля 1922 г.: «Вряд ли четверть населения слыхала, что в Тюмени с давних пор существует в бывшем реальном училище небольшой естественно-исторический музей. Собранный [И. Я.] Словцовым, бывшим директора училища и обслуживающий главным образом нужды воспитанников этого училища. Теперь же музей стал культурным достоянием трудового класса и тем самым имеющий обязанность быть доступным для широких слоёв населения»¹²⁷.

Итоги культурного строительства в Тюменской губернии в начальный период после установления советской власти подвёл собравшийся в июне 1920 г. первый губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На нём был избран исполнительный комитет Советов (Губисполком), которому Тюменский губернский революционный комитет передал руководство губернией¹²⁸. Органы народного образования из отделов ревкомов превратились в отделы соответствующих исполнительных комитетов. В этой связи 9 июля 1920 г. Тюменский губернский исполком продублировал постановление Тюменского губревкома об охране памятников старины и искусства. Дополнительно в постановлении отмечалось, что «предметы художественного творчества и научно-ценные раньше были мало доступны пользованию широких масс, т. к. находились большею частью в частных руках, ныне приведение в известность и сосредоточение их в музеях и хранилищах общего, самого широкого пользования является неотложно необходимым. Для осуществления этой задачи советская власть через центральную музейную коллегия предоставляет широкие денежные средства, на которые научно и художественно-ценные предметы будут приобретаться; только в случаях укрывательства или спекуляции будут приняты меры принудитель-

¹²⁶ Трудовой набат. 1921. 29 октября.

¹²⁷ Там же. 1922. 28 июля.

¹²⁸ Рощевский П. И. Указ. соч. С. 26.

ного характера. Секция по охране памятников старины и искусства уверена, что она встретит содействие всех без исключения граждан, при проведении своей задачи»¹²⁹.

Во второй половине 1920 г. Тюменский ГубОНО охватывал все отрасли народного просвещения, науки, искусства. «Отдел имел сложную и несколько громоздкую организацию, вытекавшую из характера и объема его деятельности. В нём имелось 15 подотделов и 30 секций. В конце 1920 г. внешкольный отдел, в составе которого находилась секция музеев и охраны памятников старины, выделился в самостоятельный губернский отдел политико-просветительной работы (Губполитпросвет)»¹³⁰, структура которого представлена в прил. 2. Таким образом расширились функции этого отдела от сугубо образовательных до широких просветительских. К 18 ноября 1920 г. Тюменский ГубОНО должен был состоять из 14 подотделов. Однако далеко не все подотделы были созданы, так как не хватало сотрудников. Фактически в ГубОНО из 219 штатных единиц, имелось всего лишь 110, что составляло 42% кадрового состава¹³¹.

Тем не менее, в июле 1920 г. в составе внешкольного подотдела Тюменского ГубОНО была учреждена секция музеев и охраны памятников старины¹³² (см. прил. 2). Заведующим секцией по состоянию на ноябрь 1920 г. являлся Леонид Рудольфович Шульц, директор Тюменского губернского музея, председатель Тюменского общества изучения местного края (о нём подробнее см. прил. 22). Основными направлениями деятельности секции были: 1. «меры к приведению в известность и к сохранению научных и художественных ценностей губернии»; 2. «работы по созданию губернского музея, долженствующего быть главным образом музеем местного края»¹³³.

¹²⁹ АОАС. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

¹³⁰ Рошевский П. И. Указ. соч. С. 27.

¹³¹ ГБУТО «ГАТО». Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 10. Л. 89.

¹³² Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. Свердловск, 1980. С. 65.

¹³³ Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. Свердловск, 1980. С. 65.

Для осуществления первой из названных задач в июле 1920 г. Тюменский губисполком издал уже упоминавшееся постановление о регистрации и взятии на учёт объектов культурного наследия, на основании которого был проведён осмотр различных учреждений с целью выявления культурных ценностей и передачи их в музей. Параллельно с этим были приняты меры для ознакомления общественности с задачами секции музеев и охраны памятников старины: прочитаны лекции по археологии, этнографии, и музееведению, проведены беседы о необходимости охраны памятников истории и культуры в уездных органах власти, разработаны и распространены краеведческие программы-анкеты¹³⁴.

В отношении второй задачи – организации краеведческого музея – сотрудники секции провели ряд консультаций с научными учреждениями Сибири и учредили Тюменское общество изучения местного края¹³⁵, деятельность которого подробно проанализирована в § 1.3.

Очередными задачами секции были определены: «1. Составление археологической карты губернии; 2. Сбор этнографического материала и объектов кустарной промышленности при помощи перманентных экскурсий по губернии, пользуясь зимним временем для удобнейшего передвижения в малодоступные летом области; 3. Организация летней экспедиции для обследования реки Конды в её верховьях и реки Юконды (Янь-Яг) с заданиями по этнографии, археологии, гидрографии, геологии, геоботанике, обследованию лесных богатств, экономической статистике, выяснению возможности устройства заповедной дачи по истории; 4. Организация археологических раскопок в пределах Тюменского и Ялуторовского уездов в тех местах, где это вызывается состоянием курганов и могильников; [...] 7. Принятие мер к возвращению вывезенных в различное время из губернии исторических и археологических ценностей; [...] 9. Разработка положения об охране памятни-

¹³⁴ Из истории культурного строительства ... С. 65.

¹³⁵ Там же. С. 67.

ков природы; 10. Составление библиографий по Западной Сибири»¹³⁶. Какие из этих задач были реализованы, осталось неизвестным, поскольку документальных свидетельств о деятельности этой секции практически не сохранилось.

Что касается уездных центров, то к весне 1920 г. во всех уездах Тюменской губернии действовали отделы народного образования (УОНО). В них имелись подотделы: школьный, внешкольный, дошкольный, профобразования, охраны детства и чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности»¹³⁷ (схема административного подчинения подотделов представлена в прил. 1). Однако музейная секция не была учреждена практически ни в одном уезде. Не стал исключением и Сургутский уезд, в котором УОНО был организован 27 января 1920 г.¹³⁸. В штатном расписании, утвержденном коллегией ГубОНО 12 марта 1920 г., в составе внешкольного подотдела числились лишь заведующий подотделом, он же заведующий секцией А (школьно-библиотечно-курсовой), секцией Б (народным домашним клубом), секцией В (искусств), различные инструкторы и делопроизводитель¹³⁹ (об изменениях в структуре губОНО см. в прил. 2). Секция по охране памятников старины и искусств, которую полагалось организовать при внешкольном отделе, создана не была. Причиной тому, вероятно, стала невозможность найти квалифицированных сотрудников¹⁴⁰.

Таким образом, в начале 1920-х гг. функции охраны памятников на Севере Западной Сибири были сосредоточены только в губернском центре – Тюмени.

В 1921 г. произошла реорганизация головного учреждения народного просвещения – Наркомпроса РСФСР, в результате которой было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждени-

¹³⁶ Там же. С. 67–68.

¹³⁷ Рошецкий П. И. Указ. соч. С. 28.

¹³⁸ АОАС. Ф. Р-169. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

¹³⁹ Там же. Д. 1. Л. 6.

¹⁴⁰ Наш край в документах и иллюстрациях. Хрестоматия. Свердловск. С. 116.

ями (Главнаука). Эта реорганизация повлекла за собой и преобразование местных органов. При ГубОНО были сформированы комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы – Губмузеи¹⁴¹.

Функции Губмузеев заключались в следующем: «а) организация и направление деятельности всех как существующих, так и вновь возникающих в губернии музеев, б) организация губернских музейных фондов, г) производство археологических раскопок, д) организация выставок, лекций, экскурсий, изданий»¹⁴².

В Губмузеях предполагалось создать три секции, или подотдела, – музейный, учёта и охраны памятников, и просветительный, или научно-методический¹⁴³. Соответственно, должны были увеличиться и штаты губмузея (с 1–3 сотрудников до 14). Однако из-за отсутствия денежных средств реализация реформы была затруднена. Губмузеи с увеличенным по сравнению с 1918 г. штатом сотрудников были созданы только в нескольких крупных регионах – Ленинградской, Московской губерниях, в Крыму и Татарии¹⁴⁴.

Кроме того, в связи с переходом Советской России в 1921 г. на новую экономическую политику, основанную на хозяйственном расчёте, в сфере культуры стал фиксироваться «остаточный» принцип финансирования. Большинство памятников и музеев было переведено на региональный бюджет, что привело к сокращению сети региональных учреждений по охране памятников искусства и старины.

В Тюменской губернии к созданию Губмузеев приступить не удалось. Во многом это связано с тем, что в апреле 1923 г. в стране началась реформа административно-территориального деления, в ходе которой губернии были расформированы, а вместо них созданы края и области. Вместе с губерниями

¹⁴¹ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 138.

¹⁴² ИONOBA O. B. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ музееведения. Т. 2. Вып. 2. М., 1961. С. 94.

¹⁴³ Там же. С. 94–95.

¹⁴⁴ Полякова М. А. Указ. соч. С. 14–15.

ликвидировались и Губисполкомы со всеми их структурными частями, в том числе ГубОНО.

Тюменская губерния была упразднена постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. Её территория вошла в состав вновь образованных Ишимского, Тобольского и Тюменского округов Уральской области. Сургутский район перешёл в Тобольский округ Уральской области.

Тюменский ГубОНО был ликвидирован в ноябре 1923 г.¹⁴⁵ Вместо него 1 декабря 1923 г. был создан Тюменский окружной отдел народного образования (ОкрОНО), который подчинялся Окружному Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполкому (Окрисполкому), а по отрасли – Уральскому областному отделу народного образования (изменения в структуре органов народного образования представлены в прил. 3). Музейная секция, входившая во внешкольный подотдел Тюменского ГубОНО, тоже была расформирована. Руководство над музейной деятельностью перешло в ведение Тюменского ОкрОНО¹⁴⁶, однако специального подразделения по охране памятников в структуре ОкрОНО предусмотрено не было.

В Тобольском округе руководство делом народного образования в период с 1924 г. по 1931 г. осуществлял ОНО исполнительного комитета Тобольского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, образованный в декабре 1924 г. (см. прил. 3).

Тобольскому ОкрОНО подчинялись вновь образованные районные ОНО, в том числе и Отдел народного образования Сургутского райисполкома (РайОНО), созданный в 1924 г. после ликвидации Сургутского УОНО¹⁴⁷ (см. прил. 3). Сургутский РайОНО руководил школами, дошкольными учреждениями и внешкольной работой в районе до 1945 г.¹⁴⁸ В деятельности Сургутского РайОНО в 1920-е – 1940-е гг. мероприятия по охране памятников также не зафиксированы.

¹⁴⁵ ГБУТО «ГАТО». Ф. Р-80. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1, 2.

¹⁴⁶ Там же. Ф. Р-84. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

¹⁴⁷ АОАС. Ф. Р-169. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

¹⁴⁸ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Предисловие к описи Л. 1.

Общее руководство учётом и охраной памятников передавалось Уральскому областному ОНО, однако ни подотделов, ни секций, ни должностей инспекторов по охране памятников в штатах этих учреждений создано не было.

В январе 1924 г., после издания Декрета ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы», система руководства охраной памятников в очередной раз была изменена. Функции «фактической охраны» на местах передавались местным органам власти (исполнительным комитетам автономных республик, областей, губерний и т. д.) «при непосредственном участии» специальных музейных органов (губмузеев или заменяющих их учреждений)¹⁴⁹. «Инструкция Народного комиссариата просвещения об учёте и охране памятников искусства, старины, быта и природы», изданная 7 июля 1924 г. в развитие декрета, разграничила функции исполкомов и музейных органов в деле охраны памятников. Списки памятников, подлежащих государственной охране, должны были составляться Отделом по делам музеев Наркомпроса и Губмузеями, для того, чтобы передавать их в местные исполкомы¹⁵⁰. В то же время областные и окружные исполкомы и подведомственные им местные органы (городские и районные исполкомы, городские и сельские советы) должны были осуществлять мероприятия по охране объектов культурного наследия, а именно: издавать распоряжения для проведения в жизнь мероприятий по учёту и охране памятников, содействовать выявлению памятников культуры, сообщать Губмузеям обо всех случаях значительного повреждения и разрушения памятников.

В компетенции музейных органов оставались функции учёта памятников и контроля над их состоянием. Большое значение должно было иметь право «вето» на переделки, ремонт, снос памятников, а также выдача Открытых листов на археологические раскопки.

¹⁴⁹ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 421–422.

¹⁵⁰ Там же. С. 432.

В остальном музейные органы выступали как участники в деятельности исполкомов по охране памятников. Это оговаривалось специальной статьёй Инструкции: «Все мероприятия по охране памятников искусства, старины, народного быта и природы исполнительные комитеты обязуются осуществлять при обязательном участии Губернских подотделов по делам музеев и местных органов Отдела охраны природы»¹⁵¹.

Однако претворение в жизнь положений декрета и инструкции 1924 г. вступило в противоречие с административно-территориальной реформой, повлекшей за собой смену управленческого аппарата, что и произошло на Севере Западной Сибири. Перед Наркомпросом встал вопрос о полноценной, без ущерба для осуществления предусмотренных ранее функций, замене местных органов государственной охраны памятников (Губмузеев), но решить эту проблему не удалось. Несмотря на «Положение о краевых (областных) отделах (управлениях) народного образования», утверждённое в июле 1928 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР, согласно которому общее руководство учётом и охраной памятников по-прежнему возлагалось на ОНО, в штатах отделов народного образования особого подотдела или инспекции, которые занимались бы вопросами охраны культурного наследия предусмотрено не было¹⁵². Эта ситуация в полной мере относится и к Северу Западной Сибири, на территории которого были расположены Тюменский и Тобольский округа Уральской области.

Кроме того, в декабре 1930 г. состоялся очередной этап административно-территориальной реформы Уральской области. В результате был образован Остяко-Вогульский автономный округ, в который из Тобольского округа перешёл Сургутский район. В условиях нового административного деления деятельность учреждений народного образования Тобольского Севера перешла в подчинение Остяко-Вогульского исполкома окружного Сове-

¹⁵¹ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 432.

¹⁵² Там же. С. 90–91.

та депутатов, трудящихся (Окрисполкома), образованного в декабре 1930 г. в соответствии с постановлением ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» (в прил. 4 отражены нововведения в структуре региональных органов власти, ответственных за охрану ОКН). На районном уровне руководство школами, дошкольными учреждениями, культурно-просветительной и внешкольной работой до 1945 г. находилось в ведении ОНО. Затем функции по руководству культурно-просветительными учреждениями перешли к созданному в 1945 г. отделу культурно-просветительной работы (КПР) райисполкома (эти изменения в структуре госорганов иллюстрирует прил. 5). Основная функция этого отдела заключалась в том, чтобы «довести до сведения учреждений культуры постановления, решения, указания вышестоящих инстанций и осуществлять контроль за их выполнением; координировать работу всех сельских культурно-просветительных учреждений»¹⁵³.

Главными задачами региональных культурно-просветительных учреждений в 1940-х гг., судя по данным отчётов о деятельности этих государственных органов, были осуществление мероприятий по всеобщему обучению и ликвидации неграмотности, а также политико-просветительная работа (организация клубов, читален, красных чумов, кинопередвижек)¹⁵⁴. Однако и эта основная деятельность культурно-просветительных учреждений ХМАО постоянно вызывала нарекания со стороны исполкома депутатов трудящихся. На очередном заседании Сургутского райисполкома, состоявшемся в августе 1946 г. подчёркивалось, что «содержание работы культурно-просветительных учреждений района ни в коей мере не удовлетворяет возросшие культурные запросы населения и не обеспечивает выполнения задач, поставленных «Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»¹⁵⁵. Улучшение культурно-

¹⁵³ АОАС. Ф. Р-63. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

¹⁵⁴ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 21–22 об.; Д. 6. Л. 1, 1 об.

¹⁵⁵ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 27 об.

просветительной работы состояло в направлении её на «политическое воспитание» трудящихся и на решение «очередных хозяйственных и политических задач»¹⁵⁶. Для этого необходимо было «широко организовывать повседневную политическую информацию населения»: чтение лекций по всем отраслям знаний, в первую очередь по научно-естественным вопросам, демонстрацию художественных и научных фильмов, работу общеобразовательных, военных, физкультурных и др. кружков¹⁵⁷. Основной задачей в этот период являлось «обеспечение организации и проведения культурно-массового обслуживания населения, занятого на рыбодобыче, сенокосе и уборке урожая»¹⁵⁸. О такой сфере жизни общества как сохранение памятников истории и культуры, в Сургутском райисполкоме, судя по всему, даже не знали.

Некоторое оживление деятельности по охране культурного наследия со стороны Сургутского районного культурно-просветительного отдела наблюдается после опубликования постановления Совмина СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры»¹⁵⁹. Это постановление предписывало в течение 1948–1949 гг. произвести учёт всех выявленных памятников культуры. В декабре 1948 г. отдел культурно-просветительной работы (КПР) Сургутского райисполкома получил указание от Ханты-Мансийского Окрисполкома к 7 января 1949 г. предоставить список и характеристику выявленных на территории округа памятников археологии и истории, а также «памятников, требующих неотложного ремонта, восстановления или реставрации, ориентировочные сметные соображения с примерным перечнем необходимых строительных материалов по ремонту и восстановлению этих объектов»¹⁶⁰.

Форма списка первичного учёта исторических и археологических памятников состояла из следующих пунктов: наименование памятника; краткое

¹⁵⁶ Там же. Л. 28.

¹⁵⁷ Там же. Д. 27. Л. 28.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М., 2000. С. 463–472.

¹⁶⁰ АОАС. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

описание памятника, дата, категория и сохранность; на чьей территории или в чьём пользовании находится памятник, адрес памятника¹⁶¹.

Здесь же перечислялись виды археологических памятников (в соответствии с постановлением Совмина СССР 1948 г.), и подчёркивалось, что «памятники, имеющие наиболее важное историческое и научное значение, следует выделить в группу памятников общественного значения»¹⁶².

Затем в мае 1949 г. последовал приказ Тюменского Областного отдела КПП о составлении в двухнедельный срок списков первичного учёта всех выявленных исторических и археологических памятников и их паспортизации в течение мая – июня 1949 г. Кроме того, этим приказом предусматривалось проведение инструктажа сельских культурно-просветительных работников на тему: «Задачи культурно-просветительных учреждений по охране и популяризации исторических и археологических памятников»¹⁶³.

Паспортизация исторических и археологических памятников должна была производиться в строгом соответствии с инструкцией, разосланной вместе с приказом Тюменского Областного отдела КПП¹⁶⁴.

В Инструкции по проведению паспортизации исторических и археологических памятников указывалось, что «паспортизации подлежат все исторические и археологические памятники, выявленные к 1 мая 1949 г.»¹⁶⁵, а именно: исторические, революционные, памятники мемориального значения, памятники истории техники, военного хозяйства и быта, археологические памятники. Последние включали в себя «древние курганы, городища, свайные постройки, остатки древних городов, земляные валы, рвы, следы оросительных каналов и дорог, древние кладбища, могильники, могилы, древние надмогильные сооружения, дольмены, менгиры, кромлехи, каменные бабы и пр.; древние рисунки, надписи, насечки на камнях и скалах, места находок

¹⁶¹ ГА ХМАО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 10. Л. 427.

¹⁶² Там же. Л. 427 об.

¹⁶³ АОАС. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 11. Л. 96, 96 об.

¹⁶⁴ ГА ХМАО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 10. Л. 428.

¹⁶⁵ Там же. Л. 425.

костей ископаемых животных (мамонтов, носорогов и пр.), а также находимые древние предметы»¹⁶⁶.

Руководство проведением паспортизации исторических и археологических памятников должно было осуществляться областными, краевыми, городскими отделами культурно-просветительной работы¹⁶⁷. Для обеспечения научного руководства работой по паспортизации памятников необходимо было создать специальную комиссию в составе заведующего отделом или начальника управления культурно-просветительной работы, директора областного (краевого, городского) музея, заведующего отделом истории музея и инспектора отдела (управления).

Для проведения паспортизации памятников необходимо было привлекать сотрудников музеев, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учеников средних школ, краеведов и др.

При проведении паспортизации вокруг исторических и археологических памятников размер охранных зон устанавливался «не менее 15 погонных метров от стен для памятников зданий и не менее 2 погонных метров для прочих исторических и археологических памятников»¹⁶⁸.

Следовало фотографировать «исторические памятники-здания, обелиски, надгробия, памятники истории техники, а также выдающиеся археологические памятники»¹⁶⁹.

По окончании паспортизации не позднее 1 сентября 1949 г. комиссия должна была представить доклад об итогах своей работы президиуму областного исполкома и Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине РСФСР.

Летом 1949 г. Окружной отдел (Окротдел) КПр вновь напомнил отделу КПр Сургутского райисполкома о необходимости проведения паспортиза-

¹⁶⁶ ГА ХМАО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 10. Л. 425, 425 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 425 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 426.

¹⁶⁹ Там же.

ции, которая должна была быть закончена к 10 августа 1949 г., отметив, что до сих пор не был выслан даже список первичного учёта памятников¹⁷⁰.

Однако и к осени 1950 г. ситуация в Сургутском районе не изменилась. В связи с этим Окротдел КПП отправил очередное письмо, в котором напоминалось, что отделом КПП Сургутского райисполкома не предоставлены сведения о наличии памятников археологии. Предлагалось «организовать охрану выявленных памятников, привлекая для этого жителей из местного населения», развернуть «работу по установлению исторических и археологических памятников с привлечением коренных жителей населения». На все выявленные памятники необходимо было заполнить паспорта и выслать в Окрисполком к 10 октября 1950 г.¹⁷¹

В декабре 1951 г. последовал приказ Окрисполкома «О проведении годовой статистической и информационной отчётности о работе культпросветучреждений в 1951 г.», в котором содержался раздел «Работа по сохранению археологических и исторических памятников». В этом разделе необходимо было указать «число прочитанных лекций на тему по истории местного края, количество слушателей», «количество организованных выставок в музеях, библиотеках, домах культуры и др. на тему о памятниках и исторических местах», «количество помещённых в газетах статей и заметок, переданных радиопередач, напечатанных плакатов, путеводителей о памятниках», «количество запартизанизированных исторических и археологических памятников на 1 января 1952 г.», «участие отделов благоустройства исполкомов местных советов депутатов трудящихся в работе по охране памятников»¹⁷². Обнаружить, какие данные были предоставлены для этого отчёта, нам не удалось.

В апреле 1952 г. из окружного отдела КПП в районные КПУ последовало письмо, в котором последние обязывались «выявить и зарегистрировать все памятники (культуры и археологические) находящиеся на территории

¹⁷⁰ АОАС. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 11. Л. 157.

¹⁷¹ Там же. Д. 16. Л. 68.

¹⁷² АОАС. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 16. Л. 159.

[...] района» и выслать в окружной отдел КПП «все материалы, составленные на вновь выявленные памятники»¹⁷³.

По всей видимости, организовать выявление и учёт древностей Сургутского района в конце 1940-х – начале 1950-х гг. силами отдела КПП Сургутского райисполкома, несмотря на неоднократные указания исполкома окружного Совета, не удалось.

Анализируя региональные особенности охраны культурного наследия на Севере Западной Сибири в 1917 – конце 1940-х гг., можно отметить несколько тенденций.

Во-первых, формирование региональных органов на Севере Западной Сибири, в связи с военными действиями в ходе установления советской власти, произошло позднее, чем в центральной части России. Тюменский губревком и его подразделение – ГубОНО были сформированы в 1919 г., а секция музеев и охраны памятников старины, входившая в состав Тюменского ГубОНО, приступила к работе в 1920 г. Несмотря на кратковременность существования (до 1923 г.), секции удалось осуществить ряд мероприятий по охране памятников истории и культуры в Тюменской губернии: провести выявление и учёт некоторых ОКН Тюмени, создать Тюменское общество изучения края, улучшить работу Тюменского губернского музея, осуществить популяризацию объектов культурного наследия в ходе чтения лекций по археологии и этнографии, разработать краеведческие анкеты.

Во-вторых, из-за многочисленных реорганизаций исполнительных органов власти, недостатка квалифицированных кадров, организация системы охраны культурного наследия в таких отдалённых регионах страны как Север Западной Сибири испытывала особенно большие затруднения. В 1921 г. произошла реорганизация Наркомпроса, которая предполагала создание губернских органов охраны памятников – губмузеев. Однако из-за административно-территориальной реформы 1923 г., упразднившей Тюменскую губернию,

¹⁷³ ГА ХМАО. Ф. 247. Оп. 1. Д. 10. Л. 58.

секция музеев и охраны памятников искусства и старины Тюменского ГубОНО была расформирована, а в штате Уральского ОблОНО, в ведении которого сосредоточились охрана культурного наследия Урала и Севера Западной Сибири, создание такой структурной единицы предусмотрено не было. После административно-территориальной реформы 1930 г., приведшей к созданию Остяко-Вогульского национального округа, охрана культурного наследия Севера Западной Сибири перешла в ведение Остяко-Вогульского ОкрОНО, однако и там отдел по охране памятников не был создан.

В-третьих, результаты кампании по учёту памятников истории и культуры, прошедшей в регионе в 1948–1950-х гг. в соответствии с постановлением Совмина СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» 1948 г., были совершенно неудовлетворительны: паспортизация памятников истории и культуры на территории Ханты-Мансийского округа была минимальной. Тем не менее, осознание наличия ОКН в округе, и попытка оценить количество выявленных памятников истории и культуры со стороны региональных органов власти свидетельствует о положительном сдвиге в области охраны культурного наследия в регионе в конце 1940-х гг.

1.3. Участие краеведческих организаций в сохранении объектов культурного наследия

Слово «краеведение» стало сегодня общеупотребительным, однако толкование его весьма разнообразно. Наиболее точное определение краеведению, даёт, на наш взгляд С. О. Шмидт: «Краеведение – это и наука, и научно-популяризаторская деятельность определённой проблематики: прошлое и настоящее какого-либо «края» (местности). Это и форма общественной деятельности, причём такой, к которой причастны не только учёные-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. [...] Краеведное знание – обычно комплексное знание: и природы, и общества, знание не просто историческое, но и историко-культурное, историко-экономическое; не только географическое, но и географо-биологическое, географо-астрономическое»¹⁷⁴.

Краеведение в 1920-х гг. воспринималось как «одно из характернейших явлений Советской России», как массовое историко-культурное движение. О важности краеведческой деятельности можно было прочесть в резолюциях съездов Советов. Коммунистическая партия считала сферу культурно-просветительной политики весьма значимой. В РАИМК полагали, что взаимосвязь с краеведами и научное руководство краеведением – одна из задач её деятельности¹⁷⁵.

Период первого десятилетия советской власти (1920-е – 1930-е гг.) незря назван С. О. Шмидтом «золотым десятилетием» развития краеведения¹⁷⁶. Так, с 1917 г. по 1929 г. число краеведческих организаций в РСФСР увеличилось примерно в восемь раз: с 246 до 2000. Из них в 240 краеведческих обществах имелись свои периодические и непериодические издания¹⁷⁷. Краеведче-

¹⁷⁴ Шмидт С. О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 155.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 155.

ские общества, музеи, кружки, имевшие разный масштаб (от губернских и областных до сельских и школьных), возникали повсеместно. Все они имели общие задачи: изучение родного края, сохранение памятников культуры, защита природы, широкое распространение информации об охране памятников.

1920-е гг., как верно заметила Н. Н. Тагильцева, – это «удивительное время [...], когда краеведение считалось делом государственной важности, а в заседаниях [...] краеведческих обществ с одинаковой активностью принимали участие как всемирно известные академики, так и малограмотные крестьяне из захолустных деревень»¹⁷⁸.

Спектр направлений деятельности краеведческих обществ был весьма широк. В их состав входили как гуманитарные секции – для исследования истории, археологии, этнографии, быта и народного творчества, так и естественно-научные – для изучения метеорологии, фенологии, орнитологии, а также экономики, естественных производительных сил¹⁷⁹.

Уже после окончания гражданской войны в Наркомпросе РСФСР и Академии наук СССР возникло стремление к централизации научно-методической и организационной деятельности краеведческих обществ. По их инициативе для решения наиболее существенных вопросов, определявших перспективы развития краеведения, в 1920-е – 1930-е гг. были созваны три всероссийские и одна всесоюзная краеведческие конференции.

Организатором I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края выступил академический центр Наркомпроса (Главнаука), который привлёк к этому мероприятию РАИМК и другие центральные научные учреждения, издавна связанные в своей работе с регионами. В организации конференции также приняли участие отдельные учёные, известные своим интересом к краеведению.

¹⁷⁸ Тагильцева Н. Н. Золотая пора уральского краеведения // Югра. 1994. № 7. С. 9.

¹⁷⁹ Там же. С. 10–11.

Конференция проходила в Москве с 12 по 20 декабря 1921 г. Поскольку в этот период все силы государства были направлены на восстановление экономики страны, то обратившиеся от имени Советского правительства к собравшимся А. В. Луначарский и М. Н. Покровский акцентировали внимание на учёте «всех местных ресурсов и особенностей экономики и быта», необходимых «при восстановлении хозяйства края»¹⁸⁰.

В качестве докладчиков, кроме рядовых участников конференции, выступали крупные научные деятели – А. Е. Ферсман, Д. Н. Анучин, Ю. М. Шокальский, А. В. Бакушинский и др.

По решению I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в январе 1922 г. при РАИМК было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) – руководящий центр для координирования и направления краеведческой работы в стране¹⁸¹.

Возглавляли ЦБК в 1922–1927 гг. – академик С. Ф. Ольденбург, в 1927–1937 гг. – П. Г. Смидович. В состав ЦБК вошли академик А. Е. Ферсман, академик Д. Н. Анучин, В. П. Семёнов–Тян-Шанский, Ю. М. Шокальский, И. М. Гревс и др.

В деятельности ЦБК можно выделить четыре направления: 1) учёт краеведческих обществ; 2) оказание научно-методического содействия обществам изучения края; 3) установление регулярной связи бюро с обществами; 4) пропаганда идей краеведения¹⁸².

Кроме того, решение I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края способствовало учреждению кафедр по краеведению, которые начиная с 1922 г. стали появляться при местных педагогических институтах. В каждом институте была своя программа по изучению края.

¹⁸⁰ Ионова О. В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ музееведения. Т. 2. Вып. 2. М., 1961. С. 96.

¹⁸¹ От центрального бюро краеведения // Наука и её работники. 1922. № 1. С. 54.

¹⁸² Ионова О. В. Указ. соч. С. 97.

Начиная с 1923 г. Академия наук приступила к изданию журнала «Краеведение», в котором публиковалось большое количество материалов по теории, истории, методике и практике краеведения¹⁸³.

Поскольку с каждым годом в стране количество краеведческих организаций увеличивалось, а кружки и общества охватывали широкие массы населения, то для выработки более чётких форм краеведческого движения и конкретизации направлений дальнейшей работы была созвана II Всесоюзная конференция по краеведению. Она проходила с 9 по 14 декабря 1924 г. в Москве.

На II Всесоюзной конференции по краеведению присутствовали 434 делегата, представлявших 365 краеведческих организаций, 95 из которых были музеи¹⁸⁴. Почти половину всех пленарных заседаний заняли сообщения с мест, продемонстрировавшие широкое распространение краеведческого движения в стране.

По решению II Всесоюзной краеведческой конференции ЦБК вышло из ведения Академии наук и стало самостоятельным учреждением Главнауки. На местах организовывались уездные, губернские и областные краеведческие организации. Решающее значение придавалось краеведческим конференциям.

Кроме организационного оформления краеведческого движения, на II краеведческой конференции было выделено ещё одно важное направление общественной деятельности – переориентация краеведческого движения на решение задач восстановления и строительства народного хозяйства. Именно этой теме посвящались основные доклады участников краеведческой конференции.

Таким образом, если в первые годы советской власти краеведческое движение развивалось самостоятельно, отличалось демократичностью и раз-

¹⁸³ Ионова О. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁸⁴ Вторая Всесоюзная конференция по краеведению // Краеведение. 1925. № 1–2. С. 103.

нообразиям своей деятельности, то начиная со II Всесоюзной конференции, прошедшей в Москве в конце 1924 г., государство стало всё более активно регламентировать деятельность общественных организаций и направлять её на решение хозяйственных проблем.

Количество краеведческих обществ увеличивалось очень быстро. Так, в конце 1922 г. в стране насчитывалось 516 краеведческих организаций, в том числе 285 краеведческих музеев¹⁸⁵. В январе 1924 г. в ЦБК на учёте состояло 753 краеведческих организации, 297 из которых – краеведческие общества и кружки, 446 – краеведческие музеи¹⁸⁶. На 1 сентября 1927 г. в ЦБК было зарегистрировано уже 1688 краеведческих организаций, 1112 – из них составляли краеведческие общества, 576 – краеведческие музеи. Всего же по стране к декабрю 1927 г. насчитывалось 1763 краеведческих учреждения и организации (1008 обществ и кружков, 568 музеев, 123 исследовательских учреждения и заповедника)¹⁸⁷, объединивших около 68 тысяч «организованных» краеведов¹⁸⁸. Таким образом, количество краеведных организаций с 1922 по 1927 гг. увеличилось почти в 3,5 раза.

Следующая краеведческая конференция состоялась 11–14 декабря 1927 г. В отечественном краеведении III Всероссийскую краеведческую конференцию можно назвать переломной. Начиная с декабря 1927 г. к краеведческим организациям стали предъявлять жёсткие требования: в ближайшее время достигнуть полной увязки с научно-исследовательскими учреждениями и тем самым достигнуть наилучшего обслуживания плановых органов¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Ионова О. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁸⁶ Краеведение за десять лет советской власти // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 1. С. 266.

¹⁸⁷ Краеведные учреждения СССР: Справочник. Л., 1925. С. 8; Смидович П. Г. Задачи ЦБК третьего созыва // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 1. С. 3.

¹⁸⁸ Злочевский Г. Д. Разгром краеведения в 1927–1936 годах // Архив наследия-2002. Научный сборник. М., 2004. С. 205.

¹⁸⁹ Преображенский Н. Ф. Приготовьтесь ко 2-му Всесоюзному съезду по изучению производительных сил СССР // Известия Центрального бюро краеведения. 1928. № 4. С. 3–4.

Доклады, прозвучавшие на конференции, затрагивали темы политической роли советского краеведения, его значения для социалистического строительства, развития массового краеведения. Н. К. Крупская, например, в своём выступлении отметила большое значение краеведения для народного образования.

Важнейшими задачами были признаны «повышение идейно-политического уровня работы, вовлечение в неё широких масс трудящихся, подготовка новых кадров»¹⁹⁰. Таким образом, со второй половины 1920-х гг. усилилось идеологическое влияние правящей партии на работу в области краеведческой деятельности. Об этом свидетельствовало и избрание на III Всероссийской краеведческой конференции нового председателя ЦБК. Им стал П. Г. Смидович, не научный деятель, как прежде, а партийный работник.

Часть учёных, например, известный российский историк-медиевист и краевед И. М. Гревс, в 1927–1928 гг. выступали против «однобокой реорганизации» краеведения, направленной на изучение только промышленных ресурсов края. Он предупреждал: «...чтобы служить благу края, надо его знать как целое, а «польза делу», которую ставят во главу угла «реформаторы» краеведения, практически направляет на изучение «производства» и «производительных сил»; исследования в других областях оттесняются»¹⁹¹. Учёный справедливо считал, что это недопустимо, так как «...отдельные элементы поясняют другие в общем синтезе, а оторванные друг от друга — теряют реальность и выразительность»¹⁹². Новое направление в краеведческой работе, как писал И. М. Гревс, рассматривает природу «только под знаком её хозяйственного использования», а изучение человека — одной из значительнейших производительных сил природы — отодвигает на второй план. При этом отбрасывают явления производств духовных; оттого закрывают важные сторо-

¹⁹⁰ Историческое краеведение. Екатеринбург, 2005. С. 43–44.

¹⁹¹ Гревс И. М. Очередная задача краевого культуроведения // Краеведение. 1928. Т. 5. № 6. С. 368.

¹⁹² Там же. С. 368–369.

ны в изображении культуры»¹⁹³. Однако его мнение, как и мнение других специалистов, не принималось во внимание правящими кругами.

Несмотря на такое сложное положение, к концу 1929 г. численность краеведческих организаций составила 2270, увеличившись, по сравнению с 1927 г. в 1,3 раза. Из них в 240 краеведческих организациях имелись свои периодические и непериодические издания. Количество «организованных» краеведов увеличилось в 1,5 раза, достигнув 100 тысяч человек¹⁹⁴.

Новая политика в отношении краеведческого движения незамедлительно сказалась на издательской деятельности краеведческих обществ: к концу 1920-х гг. были закрыты несколько центральных журналов ЦБК. Среди них – «Краеведение» и «Известия Центрального бюро краеведения», издававшиеся в 1925–1929 гг., сборник Общества изучения русской усадьбы», выходивший в 1927–1929 гг., периодическое издание Общества изучения Московской области «Московский краевед», публиковавшееся в 1927–1930-х гг. и др.

На смену им пришли новые журналы – такие, например, как «Советское краеведение», выходивший в 1930–1936-х гг., или «Краевед-массовик», в отношении которого Г. Д. Злочевский весьма точно заметил, что «легковесное и, в то же время, парадоксальное» название издания «вызывает сегодня ощущение не то развлекательности, не то заорганизованности»¹⁹⁵.

С такой жёсткой направленностью и идеологизированностью в «перестройке» краеведческого движения ЦБК подошло к IV Всероссийской конференции по краеведению. Она состоялась 22–24 марта 1930 г. в Москве. Участники конференции признали, что краеведение существенно отстаёт от «общего хода социалистического строительства». Отставание выражалось в «недостаточном вовлечении масс в краеведческую работу, недостаточном объеме краеведческих исследований, не разработанности методических по-

¹⁹³ Гревс И. М. Указ. соч. С. 369.

¹⁹⁴ Злочевский Г. Д. Указ. соч. С. 210.

¹⁹⁵ Там же. С. 213.

собий и программ, нечёткости методологических установок, подготовке краеведческих кадров»¹⁹⁶. Тем не менее, в резолюции по докладу председателя ЦБК П. Г. Смидовича было отмечено, что «многие краеведческие организации уже увязали свою исследовательскую работу с работой местных плановых и хозяйственных органов», и, преодолевая «значительные затруднения», свою новую деятельность «сумели достаточно широко [...] развить»¹⁹⁷.

На конференции был выдвинут лозунг: краеведение на службу социалистическому строительству. Это означало, что краеведение должно сосредоточиться на изучении промышленности края: исследовании производительных сил региона, отдельных промышленных предприятий и кустарной промышленности. Так, в уже упомянутой резолюции по докладу председателя ЦБК П. Г. Смидовича жёстко декларировалось, что «диктатура пролетариата и осуществляемое под её руководством социалистическое строительство не допускают развития советского краеведения как «самоцели», ради простого «созерцания» края и происходящих в нём изменений»¹⁹⁸. Изучение и охрана природы и истории региона, – направления, которые были наиболее характерны для краеведения в начале 1920-х гг. – становились всё менее приоритетными.

Немаловажно и то, что на IV краеведческой конференции был пересмотрен вопрос о системе работы местных краеведческих обществ. Вместо них было решено организовывать на местах бюро краеведения, избираемые окружными краеведческими конференциями. С одной стороны, организационная реформа была вызвана стремлением улучшить планирование краеведческой работы и организовать краеведческие силы по единому принципу. С другой стороны, добровольные общественные организации заменялись административными органами, оторванными от общественности. Всё это при-

¹⁹⁶ Ионова О. В. Указ. соч. С. 150.

¹⁹⁷ Из резолюции IV Всероссийской конференции по краеведению 22–24 марта 1930 г. // Краевед-массовик Московской области. 1930. № 2. С. 8.

¹⁹⁸ К итогам Всероссийской конференции по краеведению // Краевед-массовик Московской области. 1930. № 2. С. 2.

водило к выхолащиванию основы краеведческого движения — его общественного характера. В дальнейшем «бюрократизация» краеведения в немалой степени повлияла на сокращение сети краеведческих организаций.

Конференция также избрала новый состав ЦБК, в который, в частности, вошли такие партийные деятели, как Г. М. Кржижановский и Н. К. Крупская. Председателем ЦБК по-прежнему оставался П. Г. Смидович.

С IV Всероссийской краеведческой конференции началась «новая страница» истории краеведения. Конференция не только подвела итоги «классовой борьбы и размежевания в рядах краеведения», но и определила задачи краеведов. Им предписывалось активно участвовать в «разработке отдельных сторон плана посевной кампании», их обязывали «включаться в работу по проектированию новых социалистических городов, новых перепланировок и перестроек существующих городов»¹⁹⁹.

Вскоре краеведение и вовсе объявили лженаукой, мотивируя это решение стремлением уберечь советских людей от «идеализации старины» и мобилизовать их на решение «насущных» проблем»²⁰⁰. В первую очередь пострадало историко-культурное краеведение, которое окрестили «гробокопательско-архивным» и незамедлительно ликвидировали. Многих краеведов репрессировали, а из всей выпущенной до 1931 г. краеведческой литературы изъяли «политически вредные издания»²⁰¹.

В продолжение политики государства по реформированию краеведения в 1930 г. при Коммунистической академии²⁰² была организована секция по краеведению. В 1931 г. здесь же создано Общество краеведов-марксистов «как общесоюзный центр по подготовке кадров краеведов-марксистов для

¹⁹⁹ Московское временное областное бюро краеведения. Всем краеведным организациям Московской области // Краевед-массовик. 1930. № 4. С. 1.

²⁰⁰ Злочевский Г. Д. Указ. соч. С. 217.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Коммунистическая академия — высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам, действовавшее в период 1918–1936 гг. Научные задачи заключались в «исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма», учебные — в «подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства», организационные — в «объединении и сплочении работников научного социализма» // Коммунистическая академия [Электронный ресурс] URL <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10. 10. 2012 г.).

научной разработки и пропаганды марксистско-ленинской методологии в области краеведения»²⁰³. В мае 1930 г. Центральное бюро краеведения было переведено из Ленинграда в Москву. Теперь оно должно было направлять «деятельность местных организаций на решение очередных задач социалистического строительства и разработку актуальных научных проблем»²⁰⁴. Так, в марте 1931 г. Совнарком РСФСР принял постановление «О мерах по развитию краеведческого дела», в котором перед краеведами выдвигались следующие задачи: «Изучение производительных сил и природных богатств страны, изыскание дополнительных местных ресурсов, могущих быть использованными в интересах развития социалистического строительства и ускорения культурного роста страны»²⁰⁵.

Немалое значение придавалось смене кадрового состава краеведческих организаций. В производственный план работы Главнауки на 1929–1930 гг. были включены учёт, изучение и проверка личного состава музеев и краеведческих обществ, с целью «коммунизации учреждений». В результате таких проверок специалистов не просто увольняли, а зачастую осуждали к заключению в Соловецком²⁰⁶ или Беломорско-Балтийском лагерях²⁰⁷ по обвинению в контрреволюционной деятельности. Поэтому, как вполне обоснованно заметили авторы «Исторического краеведения», «не приходится удивляться, что в краеведческой работе всё чаще стала наблюдаться «частая смена и текучесть кадров, случайность подбора и недостаток подготовки их к музейной работе»²⁰⁸.

Пятую Всероссийскую конференцию по краеведению планировали созвать в январе 1936 г., чтобы «подвести итоги «борьбы и побед». Однако об

²⁰³ Историческое краеведение. Екатеринбург: УрГПУ, 2005. С. 44.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 45.

²⁰⁶ Соловецкий лагерь особого назначения – крупнейший исправительно-трудовой лагерь 1920-х годов, находившийся на территории Соловецких островов // Соловецкий лагерь особого назначения [Электронный ресурс] URL <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10. 10. 2012 г.).

²⁰⁷ Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, основной задачей которого было строительство и обслуживание Беломорско-Балтийского канала // Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь [Электронный ресурс] URL <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10. 10. 2012 г.).

²⁰⁸ Историческое краеведение. Екатеринбург: УрГПУ, 2005. С. 44–45.

этом быстро забыли и более не упоминали, так как в подобном «мероприятии» уже не было никакой необходимости: партийно-административная система свою борьбу с краеведением успешно завершила²⁰⁹.

Логическим окончанием этого этапа, проходившего под знаком борьбы с представителями так называемого «старого краеведения», не принимавшими установок на его идеологизацию, явилось постановление Совнаркома РСФСР от 10 июня 1937 г. о ликвидации краеведческих организаций в стране.

Рассмотрев общую схему развития краеведения в стране, обратимся к региональным особенностям краеведческого движения в ХМАО – Югре. Поскольку в 1920–1930-е гг. исследуемая нами территория входила в состав Уральской области, то начать анализ системы краеведческих организаций в регионе следует с деятельности Уральского областного бюро краеведения (УОБК), учрежденного по решению второго Уральского съезда краеведов в октябре 1924 г.²¹⁰ (в прил. 7 изображена схема административного подчинения УОБК и его подразделения в исследуемый период).

Необходимость создания такого центра, руководящего всей краеведческой деятельностью на столь обширной территории как Урал, была очевидна: «Разбросанная по всей Уральской области, начиная от Обдорска на Полярном Севере и кончая Верх-Уральском на юге – в Ильменских горах, сеть краеведных обществ и музеев в количестве 20 до сего времени не имеет своего областного объединяющего органа, направляющего и регулирующего краеведную научно-исследовательскую работу, музейное строительство, связующего эту работу с задачами Госплана и производящего учёт краеведных сил для целесообразного использования. Нет учреждения, ведающего делом охраны памятников природы, старины, искусства и народного быта, и требующего умелого руководства по учёту, описанию и инвентаризации на

²⁰⁹ Злочевский Г. Д. Указ. соч. С. 219.

²¹⁰ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 10. Л. 81.

местах»²¹¹, говорилось в докладе председателя УОБК на втором Уральском областном съезде деятелей краеведения.

Областное бюро краеведения избиралось на областных краеведческих конференциях сроком на один год. Количество и состав членов бюро устанавливались в зависимости от местных условий и утверждались Главнаукой по представлению ЦБК. В состав членов УОБК входили представители Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), УралОНО, Уральского политехнического института (УПИ) и др. учреждений и организаций области²¹².

В ведомственном отношении УОБК до 1930 г. находилось в подчинении Главнауки Наркомпроса РСФСР, а с 1930 г. вошло в структуру сектора науки Наркомата²¹³. В 1934 г. в связи с ликвидацией Уральской области УОБК переименовано в Свердловское областное бюро краеведения²¹⁴.

Полномочия УОБК распространялись на окружные и районные краеведческие организации, и учреждения. К 1934 г. на Урале было создано 162 краеведческих организаций различного уровня, в том числе 5 окружных бюро краеведения, 32 музея, 23 общества изучения края²¹⁵ (систематизированные данные о количественном составе краеведческих учреждений Уральской области приведены в прил. 9).

В ведении УОБК сосредоточились следующие задачи: учёт работы краеведческих организаций на территории области, научное руководство краеведческой работой; планирование краеведческой деятельности, содействие выполнению задач советского государственного, культурного и хозяй-

²¹¹ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 10. Л. 89.

²¹² Там же. Д. 2. Л. 2.

²¹³ Высшие органы государственной власти и центрального управления РСФСР. 1917–1967 гг. М., 1971. С. 458.

²¹⁴ Тагильцева Н. Н. Краеведческое движение и становление музейного дела на Урале (1924–1936 гг.) // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. научн. тр. НИИ культуры. М., 1987. С. 161.

²¹⁵ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–20 об, 21–21 об.

ственного строительства, популяризация краеведения, организация областных и окружных краеведческих конференций²¹⁶.

Для осуществления всех этих мероприятий областное бюро организовывало экспедиционные обследования и экскурсии, издавало краеведческий журнал и отдельные труды по краеведению, выпускало различные плакаты и инструкции по краеведческой работе; устраивало лекции, доклады, дискуссии по вопросам краеведения; организовывало библиотеки и разные научно-вспомогательные учреждения²¹⁷.

Возглавлял бюро краеведения президиум из трёх или пяти человек, избранных на пленуме бюро (организационная структура УОБК приведена в прил. 8). В состав президиума входили председатель (в случае его отсутствия – заместитель председателя) и учёный секретарь. Первым председателем УОБК был избран заведующий УралОНО Я. А. Истомин, учёным секретарем – краевед, химик Л. М. Хандросс²¹⁸.

Исполнительным органом УОБК являлся секретариат, который отвечал за делопроизводственную и финансовую стороны деятельности бюро (вёл переписку с различными учреждениями и организациями, составлял отчёты и доклады о деятельности УОБК), а также контролировал его издательскую деятельность.

В состав УОБК также входила редакционная коллегия, которая осуществляла популяризацию краеведческого движения на Урале. Сотрудники редколлегии разрабатывали программу изданий и подбирали материалы для периодических изданий УОБК – «Информационного Бюллетеня», журнала «Уральское краеведение» и «Краеведческой радиогазеты», редактировали и литературно обрабатывали эти материалы, готовили к печати. В состав редколлегии обязательно входили председатель УОБК, его заместитель и учёный секретарь.

²¹⁶ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. Л. 2.

Организационно-методическая работа относилась к компетенции краеведческого кабинета, в состав которого входили представители всех секций и комиссий УОБК. При кабинете работали три секции: по организации краеведческой работы на местах, по подготовке краеведов и библиографическая.

В структуру УОБК входили шесть постоянных секций и комиссий: национальных меньшинств, Севера, школьного краеведения, экскурсионно-туристическая, содействия обороне страны, распространения краеведческой печати и пособий²¹⁹. Кроме того, в 1925 г., ввиду отсутствия в штате УралО-НО подотдела по охране объектов культурного наследия, в составе УОБК была организована комиссия по охране памятников искусства и старины²²⁰. В течение 1925–1926 гг. секцией охраны памятников искусства и старины было проведено 10 заседаний, на которых были заслушаны доклады: «Об охране горнозаводской старины Урала, об охране памятников бытовой старины Края, об учёте и охране старых и редких книг, о стоянках и других древностей Курганского округа, о Далматовском музее-монастыре, его исторической и художественной ценности, об организации кружка Уральской старины, о результатах некоторых археологических разведок в Курганском и Челябинском округах, о Горбуновском торфянике, доклад профессора Грабаря о задачах настоящей комиссии на Урале, о методах современной археологической работы, о результатах обследования Ревдинского и Сысертского заводов». Особенное внимание комиссией по охране памятников искусства и старины уделялось учёту исторических и археологических памятников Уральской области. Немаловажно и то, что большинство заседаний комиссии по охране памятников искусства и старины проходило совместно с археологической комиссией при УОЛЕ²²¹. Так, результатом их сотрудничества было проведение в 1925–1926 гг. археологических разведок в Курганском районе

²¹⁹ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²²⁰ Там же. Л. 35 об.

²²¹ Там же.

под руководством Н. Н. Бортвина и в районе Горбуновского торфяника во главе с А. А. Берс²²².

К концу 1920-х гг. УОБК, благодаря «активности энтузиастов краеведческого движения», возглавляло деятельность 120 краеведческих организаций различного масштаба²²³. По количеству краеведческих организаций в 1928 г. Уральская область, в которую входила, и территория ХМАО – Югры, занимал третье место, по числу членов этих организаций – пятое, несмотря на то, что по материальной обеспеченности краеведческие организации Уральской области находились практически на последнем месте²²⁴.

Одним из наиболее активно действующих подразделений УОБК была секция Севера²²⁵. Основная задача этой секции состояла в развитии краеведческой работы на северных окраинах Уральской области (преимущественно, на Тобольском Севере) с целью выявления природного, культурного и экономического потенциала территории²²⁶.

Секция Севера УОБК работала в тесной связи как с административными органами управления областью (Уралпланом, Уральским областным и Тобольским окружным Комитетами Севера, УралОНО, Уралохотсоюзом и др.), так и с местными краеведческими организациями (обществами изучения местного края: Тобольским, Тюменским, Чердынским, кружком Севера при Пермском государственном университете)²²⁷.

Текущая работа секции Севера была весьма обширна: разработка вопросов, связанных с краеведческой деятельностью в деле изучения природы, культуры, быта и экономики Тобольского Севера; проведение заседаний для сообщений и докладов по этим вопросам; поддержание связи с Уральским областным государственным музеем по вопросам организации музейной работы, описанию музейных коллекций и проведению экспедиций для изуче-

²²² ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 35 об.

²²³ Тагильцева Н. Н. Указ. соч. С. 160.

²²⁴ Там же. С. 160–161.

²²⁵ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 56. Л. 9.

²²⁶ Там же. Д. 40. Л. 18.

²²⁷ Там же.

ния Севера; собирание печатных и картографических изданий, ведение библиографической работы, составление справочников и других краеведческих материалов о Тобольском Севере; разработка и контроль исполнения планов, программ и методов развития краеведческой работы на северных окраинах; содействие публикации краеведческих работ по Северу и текущей информации по вопросам, связанным с жизнью Уральского Севера²²⁸.

В целом, работа УОБК на протяжении 1920–1930-х гг. заключалась в методическом руководстве краеведческими организациями, что выражалось в «постоянной письменной связи с местами, в ответах на их многочисленные запросы и просьбы, в рассылке циркулярных отношений методического и справочного характера, в бесплатном снабжении краеведческой литературой, в посредничестве по определению научных материалов и т. д.»²²⁹. Однако к началу 1930-х гг. УОБК не удалось в должной мере установить «постоянную связь с местами». Во многом это было связано с финансовой необеспеченностью бюро краеведения. Кроме того, ощущалась нехватка квалифицированных кадров, а УОЛЕ и областной музей – основные «поставщики» профессиональных сотрудников, – не спешили принимать участие в деятельности УОБК. В докладе председателя УОБК Д. М. Бобылева «О постановке работы Уральского областного бюро краеведения в 1929–1930 гг.» подчёркивалось, что необходимо «установить более активное, чем ныне, участие в работах бюро краеведения со стороны Областного государственного музея и УОЛЕ, которое дало бы возможность вовлечь в краеведческую работу основные кадры квалифицированных работников этих организаций»²³⁰.

Положение краеведения «на местах» было не менее сложным. Октябрьская революция и гражданская война вызвали в краеведении Тюменской губернии кратковременный спад, но уже в первой половине 1920-х гг. началось его оживление, связанное с деятельностью Тюменского и Тоболь-

²²⁸ ГКУ СО «ГАСО». Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 40. Л. 18–18 об.

²²⁹ Там же. Д. 2. Л. 35–35 об.

²³⁰ Там же. Л. 12.

ского обществ по изучению местного края и музеев в этих же городах. Несмотря на сходные задачи, области интересов обществ были чётко разделены: первое занималось сбором материалов по археологии и этнографии сибирских старожилов, тюменских татар и бухарцев, второе – археологией и этнографией северных народов²³¹.

Тюменское общество изучения местного края (ОИМК) было образовано 3 августа 1920 г. усилиями инициативной группы, состоявшей из сотрудника Московского археологического института П. В. Албычева, председателя народного университета²³² В. А. Макарова, заведующего губернской музейной секцией Л. Р. Шульца (подробнее о нём см. прил. 22), который также являлся директором созданного в 1920 г. Тюменского губернского музея, и др. Устав Общества был утвержден Главнаукой в 1922 г.²³³

К 1923 г. деятельность Тюменского ОИМК приобрела достаточно организованный характер: научные собрания стали еженедельными, определились основные направления работ – сбор данных по биографии И. Я. Словцова – видного сибирского исследователя, организатора Тюменского краеведческого музея, подготовка библиографии по истории Западной Сибири, сбор фольклорных данных²³⁴.

Всего же, по состоянию на 1925 г., в Тюменском ОИМК состояло 56 участников, работало 3 секции – историко-археологическая, этнографическая и экономическая. Председателем правления Общества в это время являлся Л. Р. Шульц, секретарем – П. А. Мартэн, основатель сельскохозяйственного образования в Тюмени, активный научный, педагогический и об-

²³¹ Карпухин В. И. Тюменский музей в 1940-е гг. // Словцовские чтения-2002. Материалы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень, 2002. С. 131.

²³² Народные университеты в советский период – общественные учебные организации, способствующие самообразованию, культурному развитию и повышению профессионального уровня трудящихся // Народные университеты [Электронный ресурс] URL <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 10. 10. 2012 г.).

²³³ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2307. Оп. 2. Д. 334. Л. 3.

²³⁴ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 991. Л. 6.

щественный деятель²³⁵. В 1925 г. Тюменским ОИМК был издан первый выпуск «Записок» Общества²³⁶.

В своей деятельности Тюменское ОИМК было тесно связано с областным краеведческим музеем, который был основан в 1879 г. И. Я. Словцовым. Основой собрания музея послужили две частные коллекции сибирских древностей. Одна из них была собственноручно собрана И. Я. Словцовым, другая пожертвована музею известным тюменским купцом и меценатом Н. М. Чукмалдиным. Первоначально музей располагался в здании Александровского реального училища, директором которого в тот период являлся И. Я. Словцов. После его смерти музей остался «беспризорным», и в годы гражданской войны бытовала даже уверенность, что музей погиб. Лишь в начале 1920-х гг. его деятельность была оживлена группой местных энтузиастов, которыми руководил Л. Р. Шульц. Музей продолжал числиться по ведомству просвещения – теперь он подчинялся уездному ОНО²³⁷. В июле 1920 г. музей был реорганизован, а в 1922 г. переехал в здание бывшей городской управы.

До 1926 г. директором Тюменского краеведческого музея был Л. Р. Шульц, которого сменил на этом посту П. А. Россомахин – тюменский историк и художник, занявшийся, помимо руководства музеем, и археологическим изучением края. К исследованию древностей П. А. Россомахин обратился, по мнению А. В. Жука, под влиянием И. Я. Словцова, «которого знал как учителя с детства, ещё по Тюменскому реальному училищу»²³⁸.

Тюменский музей и ОИМК в 1920–1930-х гг. осуществляли различные мероприятия по сохранению культурного наследия: составление и распространение рекомендаций по сбору материалов по естествознанию, археологии, этнографии, истории, подготовка программы для организации экскурсий

²³⁵ ФКУ «ГА РФ». Ф. А2307. Оп. 2. Д. 334. Л. 7.

²³⁶ ГАСО. Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 13. Л. 50; Краеведные учреждения СССР. Л., 1925. С. 82.

²³⁷ Жук А. В. Организация археологических исследований в Тобольском крае в 1850–1920-е годы // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 133.

²³⁸ Жук А. В. Указ. соч. С. 134.

по губернии, начало составления археологической карты губернии и библиографии Западной Сибири. В 1924 г. Тюменское ОИМК провело экономическое и этнографическое обследование Прикондинского края²³⁹, а в 1925 г. организовало проведение археологических изысканий в окрестностях г. Тюмени. Своё отражение эта деятельность нашла в местной прессе. В газетной заметке, датированной августом 1925 г., сообщалось, что «музей [...] и общество изучения местного края со времени своего основания ведут учёт этих [археологических – А. С.] памятников»²⁴⁰. Ещё в 1924 г. сотрудниками Тюменского музея возле с. Липчинского была открыта стоянка неолитического периода, аналогичная памятникам на Андреевском озере. «Судя по отдельным находкам, направленным для определения специалистами в Ленинград, стоянка обещает много чрезвычайно интересного материала и в то же время грозит разрушением от разлива протекающей вблизи речкой»²⁴¹. Тем не менее, из-за недостатка финансовых средств и «ввиду отсутствия лиц с соответствующей подготовкой» приступить к археологическим раскопкам стоянки не удалось²⁴².

В газете «Трудовой набат» от 8 августа 1925 г. сообщалось, что «при работах по устройству полотна под мостовую, на Ленинской улице рабочие наткнулись на следы древнего кладбища» и «следы строений», которые «принадлежат «рубленому городу» – «укреплению из бревен, окружавшему место первой крепости, построенной русскими»²⁴³. Музей принял меры «к дальнейшему обследованию находки, к охране и описанию добытых вещей»²⁴⁴.

Кроме организации и проведения археологических и этнографических исследований, Тюменский музей занимался и просветительской деятельностью: совместно с обществом изучения местного края сотрудники музея ор-

²³⁹ Югория: Энциклопедия ХМАО. Т. 4. Ханты-Мансийск, 2005. С. 358.

²⁴⁰ Трудовой набат. 1925. 4 августа.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же. 8 августа.

²⁴⁴ Там же.

ганизовывали экскурсии по Тюменскому округу²⁴⁵ и летние научные экспедиции, в том числе археологические, в окрестности Андреевского озера²⁴⁶.

Помимо этого, Тюменское ОИМК и музей внесли свой вклад в осуществление комплексных исследований хозяйственных ресурсов Севера Западной Сибири, развернувшихся здесь в 1920-х гг. под руководством Комитета по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) и Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК СССР (Комитет Севера). В 1926 г. Л. Р. Шульц, председатель Тюменского ОИМК и заведующий Тюменским музеем, был назначен ответственным руководителем Приполярной переписи (1926–1927 гг.) – комплексной экспедиции, направленной на изучение экономики, быта, материальной культуры, духовной жизни коренного населения Севера Западной Сибири. Ценность этого исследования, по весьма точному определению Е. М. Главацкой, состояла в том, что «оно проводилось в период, когда социалистические преобразования ещё не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни»²⁴⁷. Л. Р. Шульц провёл пробную регистрацию коренного населения в окрестностях Обдорска, разработал поправки в регистрационные бланки, осуществлял контроль над проведением переписи в Берёзовском, Сургутском, Самаровском, Кондинском и других районах Тобольского округа Уральской области²⁴⁸. В осуществлении этой переписи участвовали известные учёные – этнограф Р. Н. Митусова²⁴⁹ и археолог, этнограф, лингвист В. Н. Чернецов²⁵⁰, которые выявили и изучили уникальный пласт этнографического и археологического наследия Севера Западной Сибири²⁵¹.

²⁴⁵ Красное знамя. 1928. 9 марта.

²⁴⁶ Красное знамя. 1929. 17 февраля.

²⁴⁷ Е. М. Главацкая. Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926–1927 гг.: история организации [Электронный ресурс] URL: <http://www.abdn.ac.uk> (дата обращения 21.08.2013 г.).

²⁴⁸ Подробнее о Приполярной переписи см.: Главацкая Е. М. Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926–1927 гг.: история организации [Электронный ресурс] URL: <http://www.abdn.ac.uk> (дата обращения 12.05.2013 г.); Она же. По следам «забытой» экспедиции: приполярная перепись в Северо-Западной Сибири // Родина. 2005. № 12. С. 16–19.

²⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2453. Л. 34; Наш край. 1925. № 4. С. 35–36.

²⁵⁰ Подробнее о В. Н. Чернецове см.: Китова Л. Ю. Начало археологической деятельности В. Н. Чернецова в Сибири // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и

В 1926 г., в соответствии с новой политикой в отношении краеведческой работы, руководство Тюменского музея намеревалось провести реорганизацию учреждения, чтобы «музейную работу из кабинетно-замкнутой [...] сделать массовой, доступной всем»²⁵². Предполагалось организовать шесть отделов: 1) природа Тюменского округа, 2) быт, 3) искусство, 4) история края, 5) хозяйство края, 6) библиотека-читальня²⁵³. Кроме устройства выставок «на различные темы, с беседами, объяснениями», музей намеревался «давать задания (учёт, охрана памятников природы, искусства и т. п.), оказывать помощь местам советом, выделением небольших коллекций для организуемых в районах музеев местного края, руководить и организовывать краеведческие экскурсии, проводить беседы, лекции»²⁵⁴. К сожалению, документальных свидетельств о реализации этого проекта обнаружить не удалось.

Гораздо больше сведений сохранилось о деятельности Тобольского общества изучения края (ОИК). Тобольское ОИК было создано при музее Тобольского Севера, преобразованном из Тобольского губернского музея²⁵⁵. Организационное собрание «по восстановлению в Тобольске научно-исследовательского общества изучения края»²⁵⁶ состоялось 6 июня 1921 г. На собрании профессор И. В. Кучин (подробнее о нём см. прил. 22) сделал доклад о необходимости такого общества в Тобольске. Он доложил, что «существующее в Екатеринбурге УОЛЕ уполномочило его установить связь с научно-исследовательскими работниками в Тобольске и, если возможно, ор-

сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 22–24; Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья. Екатеринбург, 2002. С. 17–20.

²⁵¹ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. М., 1953. С. 7–71.

²⁵² Красное знамя. 1926. 19 ноября.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Основан в 1870 г. И. Н. Юшковым, служащим Тобольского губернского статистического комитета. До конца XIX в. музей существовал на общественных началах при губернском статистическом комитете. В музее имелось пять отделов: естественно-исторический, этнографический, археологический, промышленный, общеобразовательный.

²⁵⁶ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 970. Л. 6.

ганизовать здесь соответствующее общество»²⁵⁷. Вопрос о необходимости организации в Тобольске научно-исследовательского общества был принят единогласно²⁵⁸.

Цели и задачи Тобольского ОИК формулировались следующим образом:

«§ 1. [...] изучение Тобольского Севера, его природы, истории, литературы, промышленности и социальной жизни, распространение знаний среди широких масс населения и всемерное содействие развитию деятельности Музея Тобольского Севера и других музеев края.

§ 2. [...] соби́рание и разработка научных материалов и коллекций по всем отраслям знаний, перечисленным в § 1. Сюда входят: [...] соби́рание этнографических, археологических, исторических [...] и прочих материалов, устройство [...] постоянных и периодических выставок, содействие устройству местных музеев с целью пополнения точных знаний о местном крае, организация экскурсий и экспедиций с целью всестороннего изучения края, организация докладов по всем отраслям науки и знания, лекций и бесед для широких масс по вопросам [...], связанным с изучением края [...], установление и поддержание постоянной связи с другими учёными обществами»²⁵⁹.

Общество состояло из нескольких секций – орнитологической, охраны памятников старины, естественно-исторической, промышленно-экономической, культурно-исторической, педагогической, пчеловодной²⁶⁰. В него также входили кружки юных краеведов и юных натуралистов (структура общества представлена в прил. 11).

Общество стремилось сделать краеведение массовым, организовало филиалы и отделения в сёлах Демьянском, Кондинском, Шеркальском, Обдорском, в городах Берёзове и Сургуте (карта-схема расположения филиа-

²⁵⁷ Там же. Д. 981. Л. 1.

²⁵⁸ Там же. Д. 970. Л. 6.

²⁵⁹ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 967 «А». Л. 10.

²⁶⁰ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 225. Л. 6.

лов Общества изображена в прил. 10). Одним из наиболее деятельных филиалов был краеведческий кружок в с. Кондинское (ныне Октябрьское). В 1925–1927 гг. возглавлял его Д. П. Реут (подробнее о нём – см. прил. 22), высланный сюда за участие в революции 1905 г.²⁶¹ Кондинскими краеведами были заполнены и посланы в Тобольский музей и Ленинградский гидрометеорологический институт анкеты о половодье 1925 г., составлена рукопись «Откуда произошли Сухоруковские юрты»²⁶². В планах кружка было приведение в порядок архива Кондинского Троицкого монастыря, изучение истории местной политической ссылки, проведение раскопок в юртах Кормужиханских и Низямских²⁶³.

10 ноября 1924 г. организован Обдорский филиал Тобольского ОИК, в состав правления которого вошел заведующий Обдорским музеем В. Дехтерев. В начале 1930 г. в с. Обдорском краеведческая работа велась «довольно интенсивно» и «в разрезе задач текущего момента»: проводились консультации различных учреждений и организаций, члены Общества выступали с докладами на пленуме Обдорского райисполкома, на курсах по коллективизации²⁶⁴. Из достижений Обдорского отделения общества изучения края президиум Обдорского райисполкома отметил «приведение в порядок научно-краеведческой библиотеки и музея и рост членов Общества до 61 человека». Недостатками были признаны «слабость организованно-массовой работы и отсутствие материальной базы»²⁶⁵. В этом же году на заседании Президиума Обдорского райисполкома, где со специальным докладом по работе местного краеведческого Общества выступил член Тобольско-

²⁶¹ Макарова Г. И. Угорское наследие Октябрьского района, его состояние, сохранность и использование в образовании и науке // Угры: Материалы VI-го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 541.

²⁶² Наш край. 1925. № 7. С. 35–36.

²⁶³ Макарова Г. И. Указ. соч. С. 542.

²⁶⁴ Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 1. С. 2–3.

²⁶⁵ Там же.

го ОИК Т. А. Гурьев, в Обдорске было создано районное бюро краеведения²⁶⁶.

20 ноября 1924 г. образовалось отделение Тобольского общества изучения края в с. Шеркальском Берёзовского района. В состав правления вошёл и известный краевед А. И. Кречмер²⁶⁷ (подробнее о нём – см. прил. 22). В начале 1930 г. в краеведческий кружок в с. Шеркальском входило 30 человек. Кружок состоял из 7 секций, в том числе и археологической²⁶⁸. В Берёзовском районе по вопросам реорганизации краеведческой работы консультировал член Общества И. Телишев²⁶⁹.

О точной дате создания Сургутского отделения Тобольского ОИК информации нет, но в справочнике «Краеведческие учреждения СССР» отмечено, что отделение основано в 1924 г.²⁷⁰ К середине 1930 г. в Сургутском отделении Тобольского ОИК состояло более 30 участников. Кроме индивидуальных членов общества, в него входили и юридические лица: местные кооперативные товарищества, отделения Госторга и Райисполкома. В 1920-е гг. деятельную краеведческую работу в Сургутском районе вёл лесничий С. А. Куклин (подробнее о нём – см. прил. 22), который проводил как естественно-географические, так и археологические изыскания: изучал флору и фауну, «современный туземный быт», обследовал расположенные в окрестностях г. Сургута «древние городища»²⁷¹. В начале 1930-х гг. Сургутским отделением Тобольского ОИК был разработан план «рекогносцировочного экспедиционного обследования р. Чёрной и озёрной системы р. Тром-Югана в целях выявления имеющихся здесь лесных массивов и возможностей лесосплава, а также изучения рыбных запасов озёр»²⁷². В состав исследователь-

²⁶⁶ Там же. № 3. С. 3.

²⁶⁷ Из жизни общества изучения края // Наш край. 1924. № 4. С. 52.

²⁶⁸ Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1930. № 1. С. 2–3.

²⁶⁹ Там же. № 3. С. 3.

²⁷⁰ Краеведные учреждения СССР. Л., 1925. С. 82.

²⁷¹ Наш край. 1925. № 7. С. 35–36.

²⁷² ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1101. Л. 16 об.

ского отряда вошли члены краеведческого общества А. С. Знаменский, С. Ф. Пестов и др.²⁷³ (подробнее о них – см. прил. 22).

Таким образом, если в 1922 г. Тобольское ОИК насчитывало 89 человек, к концу 1927 г. – 170, то в 1930 г. в нём состояло уже 290 членов²⁷⁴. К 1930 г. в Обществе функционировало четыре отделения – в Обдорске, Кондинске, Шеркальском и Сургуте.

Организаторами краеведческой работы в Тобольском округе были М. П. Тарунин, М. П. Копотилов, В. М. Новицкий, П. И. Лопарев и др. (подробнее о них см. прил. 22). Непосредственное участие в деятельности Тобольского общества изучения края принимали и представители Сургутского уезда. Среди них можно отметить не только рядовых жителей г. Сургута – А. И. Пospelову и Тетюцкую²⁷⁵, А. Г. Змановскую из д. Кушниково Сургутского уезда²⁷⁶, но и таких известных личностей как А. С. Знаменского – педагога-новатора, краеведа, почётного гражданина г. Сургута, и С. А. Куклина – охотоведа и краеведа, который составил научное описание Сургутского района и опубликовал его в небольшой брошюре²⁷⁷. Почётным членом Тобольского ОИК также являлся А. А. Дунин-Горкавич – известный этнограф, географ, краевед, который предпринял полномасштабное исследование Тобольской губернии (подробнее о нём – см. прил. 22). Результаты своих экспедиций автор опубликовал в обобщающем трёхтомном труде²⁷⁸.

Тобольские краеведы отличались активной издательской деятельностью: в 1924–1925 гг. ими было выпущено 12 номеров ежемесячного журна-

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Коновалова Е. Н. Общество изучения края при музее Тобольского Севера // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2000. С. 287.

²⁷⁵ В источнике без инициалов.

²⁷⁶ Из жизни Общества изучения края при музее Тобольского севера // Наш край. 1925. № 2–3. С. 76.

²⁷⁷ Куклин С. А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистическое описание. Тобольск, 1925.

²⁷⁸ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М., 1995. Он же. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М., 1996. Он же. Т. 3. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1996.

ла «Наш край»²⁷⁹, в 1928–1930 гг. ежеквартально издавался «Бюллетень общества изучения края при Музее Тобольского Севера».

Деятельность Тобольского ОИК по сохранению культурного наследия была весьма разнообразной. Одной из первоочередных задач, намеченных Тобольским ОИК, была охрана памятников старины²⁸⁰. Для её осуществления создавалась специальная комиссия, секретарём которой был избран М. П. Копотилов²⁸¹. Секция «Охраны памятников старины и культурных ценностей» организовывалась в целях «наилучшей охраны местных памятников старины и культценностей, для правильной постановки их научного и материального учёта и изучения и целесообразной организации для сего на местах соответствующих органов»²⁸². Позднее эта секция вошла в состав культурно-исторической секции.

В сентябре 1922 г. на собрании, посвящённом годовщине со дня организации ОИК, тобольские краеведы отметили, что «Общество, несмотря на самые неблагоприятные условия и отсутствие малейшей государственной поддержки продолжает расти и развиваться, довольно интенсивно работают секции, проявляется много научной инициативы в смысле различного рода научных докладов, проектов и что только отсутствие необходимых материальных средств принуждает суживать круг практических мероприятий»²⁸³.

Традиционно краеведение уделяло особое внимание археологическим исследованиям. Так, для организации выявления и учёта археологических памятников, культурно-историческая секция Тобольского ОИК подготовила список объектов культурного наследия Тобольского округа, выявленных к 1925 г. Ближайшей задачей было поставлено «производство перерегистрации

²⁷⁹ Два последних номера назывались «Тобольский край».

²⁸⁰ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 981. Л. 10, 10 об.

²⁸¹ Там же. Л. 101.

²⁸² Там же. Д. 999. Л. 17.

²⁸³ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 981. Л. 101.

всех курганов и городищ округа, сделав каждому хотя бы краткое научное описание по принятой в археологии форме»²⁸⁴.

К тому времени на территории Тобольского округа было выявлено 29 памятников, из них на территории Тобольского района – 14, в Демьянском районе – 1, в Сургутском – 2, в Берёзовском – 8, в Обдорском – 4²⁸⁵ (анализ количества выявленных памятников приведён в прил. 18). Из них археологическими раскопками в 1920-е гг. исследован только один памятник, остальные оказались неописанными и незарегистрированными²⁸⁶.

Археологические памятники Сургутского района в середине 1920-х гг. были представлены «огромным городищем» в урочище Барсова Гора²⁸⁷ и резиденцией легендарного хантыйского князя Бардака, расположенной «при впадении в Обь с правой стороны реки Трем-Югана, в 30 верст[ах] от Сургута»²⁸⁸. В отношении археологических памятников Барсовой Горы заметим, что долгое время краеведы воспринимали разновременный огромный комплекс археологических объектов в урочище Барсова Гора как единое городище с отдельными «жилищами», поэтому количество выявленных памятников археологии в Сургутском районе в середине 1920-х гг. составляло далеко не 2 единицы. Что касается Бардакова «городка», то его поиски не увенчались успехом вплоть до настоящего времени.

Кроме этих двух памятников археологии, в списке археологических объектов Тобольской губернии, подготовленном И. Я. Словцовым ещё в конце XIX в., в пределах Сургутского района значились и несколько «городков» возле Ляминского сора²⁸⁹. Эти археологические памятники, точное количество которых на тот момент оставалось неизвестным, сотрудники Тобольского ОИК ошибочно отнесли к объектам культурного наследия Берё-

²⁸⁴ Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. 1925. № 4 (8). С. 31.

²⁸⁵ Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Указ. соч. С. 32–33.

²⁸⁶ Там же. С. 31.

²⁸⁷ Из жизни общества изучения края при музее Тобольского севера // Наш край. 1925. № 7(11). С. 36.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Словцов И. Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Известия Императорского Томского университета. Кн. II. Томск, 1890. С. 85.

зовского района. На эту неточность указал сургутский лесничий С. А. Куклин в письме, направленном летом 1925 г. в Тобольское ОИК: «... в списке городищ Берёзовского района (под № 25) упомянуты «несколько городков, расположенных близ «Ляминского сора». Р[ека] Лямин впадает в р. Обь по территории Сургутского района. При устье этой реки имеется большой «Ляминский сор», а вблизи несколько городков. Не об этих ли городках говорится ошибочно при перечислении городищ Берёзовского района?»²⁹⁰.

Позднее, когда Тобольское ОИК издало работу «Курганы и городища Тобольского округа и их изучение» в качестве краеведческой инструкции, в ней уже были учтены все три археологических памятника, известные к концу 1920-х гг. в Сургутском районе²⁹¹.

Возвращаясь к теме учёта археологических памятников Тобольского округа, отметим, что работу по регистрации древностей предполагалось провести силами филиальных отделений Общества, членов-корреспондентов и «вообще всех граждан на местах, интересующихся данным вопросом и желающих помочь обществу»²⁹².

Задачей местных краеведческих ячеек и отдельных краеведов являлось проверить по составленному списку курганы и городища своего района и дополнить не попавшими в него памятниками, если таковые имеются.

Зарегистрировав находящиеся в своей местности курганы и городища, краевед должен был составить краткое описание на каждый памятник по специально разработанной анкете. В ней содержались, например, такие пункты: «Местонахождение городища: – близ какого поселения и в каком от него направлении и расстоянии, на какой реке, на каком берегу находится городище. Высота берега, где расположено городище. Форма городища – треугольный, круглый, четырёхугольный. Размер площадки, занимаемой горо-

²⁹⁰ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1022. Л. 49.

²⁹¹ Курганы и городища Тобольского округа и их изучение: (краеведческая инструкция). Тобольск, 1929.

²⁹² Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Указ. соч. С. 31.

дищем, при чём должно быть обращено особое внимание на все её углубления, наклоны, присутствие камней, целость: обнесено ли городище валом и рвом. Форма и длина вала»²⁹³ и т. д. К описанию желательно было приложить планы памятников и окрестностей. После этого составленные описания отправлялись в Тобольск в Общество изучения края и в местные отделения краеведческого общества.

В Сургутском районе Тобольского округа инициатором проведения выявления и учёта археологических памятников выступил лесничий Сургутского района и активный участник Тобольского ОИК С. А. Куклин. В своём письме, направленном в Тобольское ОИК в июле 1925 г., он сообщил: «В связи с появлением в № 4 (8) журнала «Наш край» статьи «Курганы и городища Тобольского округа и их изучение» я задался целью собрать сведения о городищах Сургутского района. Работа по осмотру и описанию этих памятников старины начата с огромного городища, находящегося на правом берегу р. Обь в 8 верстах ниже г. Сургута на «Барсовой Горе»²⁹⁴. В итоге летом 1925 г. группой тобольских краеведов (К. А. Верёвкин, А. С. Мerezизов, Н. Я. Павлов) при активном участии С. А. Куклина была проведена первая топографическая съёмка археологических памятников Барсовой Горы – снят схематичный план её восточной части (представлен в прил. 16). Всего здесь было зафиксировано 30 городищ и 1 могильник. Участник топографической экспедиции Н. Я. Павлов составил также пояснительную записку к плану, в которой дал описание памятников и сведения об их исследованиях²⁹⁵.

Выявление археологического наследия продолжало оставаться основным направлением работы культурно-исторической секции Тобольского ОИК и в 1928 г. В плане работы секции на этот год значились: «1. Археология; 2. История; 3. Этнография; 4. Современное культурно-советское строи-

²⁹³ Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Указ. соч. С. 34.

²⁹⁴ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1022. Л. 49.

²⁹⁵ АОАС. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–6; Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 41.

тельство»²⁹⁶. Основными «разрезами» деятельности предполагались: «1. Научное исследование; 2. Популяризация; 3. Консультации»²⁹⁷. Темы археологических исследований были намечены следующие: «а) Археологическая библиография края; б) Регистрация и внешнее описание археологических памятников; в) Археологические разведки и исследования по отдельным памятникам»²⁹⁸.

Кроме тобольских краеведов выявлением археологического наследия на территории ХМАО – Югры в 1920-е – 1950-е гг. занимались исследователи из других регионов, научные интересы которых сосредоточились преимущественно в Берёзовском районе. Упомянувшийся выше исследователь Севера В. Н. Чернецов совершил в 1925–1927 гг. первые археологические разведки по р. Северной Сосьве и Конде, а в 1933–1935 гг. – по левому берегу р. Северной Сосьвы между с. Сартынья и устьем р. Сартынья и в окрестностях с. Саранпаул на р. Ляпин²⁹⁹. Им же в 1946 и 1948 гг. были организованы две большие экспедиции в Нижнее Приобье и на р. Таз. Результаты своих работ В. Н. Чернецов изложил в двух фундаментальных работах – «Древняя история Нижнего Приобья» и «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры»³⁰⁰. В 1929, 1930 и 1935 гг. в бассейнах рек Северная Сосьва и Конда работал геолог С. Г. Боч, а в 1930-х гг. в окрестностях с. Ломбовож побывал этнограф А. Н. Баландин. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в окрестностях п. Берёзово, п. Ляпин и п. Люликар Берёзовского района проводил разведку сотрудник Омского краеведческого музея А. Ф. Палашенков³⁰¹. Всего же к началу 1950-х гг. на территории ХМАО – Югры был учтён 71 памятник ар-

²⁹⁶ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1005. Л. 4.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Китова Л. Ю. Указ. соч. С. 23–24.

³⁰⁰ Чернецов В. Н. Указ. соч.; Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М., 1957. С. 136–245.

³⁰¹ Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 17–20.

хеологии³⁰² (см. прил. 18). В течение 1950-х – 1960-х гг. археологические изыскания на территории ХМАО – Югры не проводились.

Заметный интерес археологов и этнографов в 1920-е – 1940-е гг. вызывала и территория Ямало-Ненецкого округа (ЯНАО). В 1928 г. руководитель экспедиции Уральского комитета Севера В. П. Евладов открыл первый археологический памятник на мысу Тиутей. Ещё два археологических памятника, расположенных на берегу Карского моря и залива, образованного слиянием рек Тиутей-яха и Сер-яха, выявил в 1929 г. член экспедиции научно-исследовательской секции Комитета Севера В. Н. Чернецов³⁰³. Всемирно известный археологический памятник – святилище Усть-Полуй, расположенный в черте г. Салехарда, был открыт в 1932 г. в ходе строительства здания гидропорта. В 1935–1936 гг. состоялись первые стационарные исследования этого памятника под руководством В. С. Адрианова – сотрудника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Следующий этап изучения Усть-Полуя связан с именами В. Н. Чернецова и его жены археолога В. И. Мошинской. В 1946 г. они посетили знаменитый археологический памятник и заложили на нём несколько шурфов с целью проверки стратиграфии культурного слоя.³⁰⁴ В этом же году В. Н. Чернецов впервые обследовал другой археологический памятник общероссийского значения – городище Мангазея³⁰⁵, а также выявил поселение Зелёная Горка в черте г. Салехарда. Таким образом, можно согласиться с мнением Н. В. Фёдоровой, что «В. Н. Чернецовым были сделаны первые шаги по изучению археологических памятников на полуострове Ямал. Он соотнес их с древностями таёжного региона и включил в общую культурно-хронологическую схему эпохи железа, предложенную им для всей территории Западной Сибири»³⁰⁶. Затем

³⁰² Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. Древняя история Приобья. М., 1953. С. 242–357.

³⁰³ Фёдорова Н. В. Призраки и реальности Ямальной археологии // Российская археология. 2002. № 2. С. 99.

³⁰⁴ Усть-Полуй [Электронный ресурс]. URL <http://www.mvk-yamal.ru/zemlya-yamal/drevnosti-yamalskoy-zemli-ust-poluy> (дата обращения 12. 07. 2014 г.); Никифорова А. А. Указ. соч. С. 128.

³⁰⁵ Никифорова А. А. Указ. соч. С. 129

³⁰⁶ Фёдорова Н. В. Указ. соч. С. 105.

также последовал большой перерыв в изучении памятников истории и культуры ЯНАО: исследования здесь возобновились только в 1960-е гг.

Возвращаясь к деятельности Тобольского ОИК, отметим, что большое внимание тобольские краеведы уделяли выявлению и изучению памятников истории. Культурно-исторической секцией общества были разработаны программы и инструкции по сбору материалов по истории декабристского восстания, революции 1905 г., революции 1917 г., гражданской войны в Тобольском округе³⁰⁷. Производилась закупка экспонатов по истории декабристского восстания – личных воспоминаний о декабристах, рисунков мест пребывания политических ссыльных в Тобольске и т. д.³⁰⁸. Осуществлялся ремонт надгробий революционеров, казнённых в Тобольской тюрьме, регистрация братских могил «товарищей, погибших в борьбе с Колчаком и во время бандинского восстания 1921 г.»³⁰⁹.

Научно-методическое руководство краеведческой работой также являлось составной частью деятельности Тобольского ОИК. В 1924 г. в журнале «Наш край» был опубликован ряд рекомендаций по организации краеведческого музея с перечнем его основных задач и составляющих частей: «Музей распадается на три отдела: А) природа, Б) труд, В) общество, или: А) естественно-географический, Б) промышленно-экономический, В) историко-культурный»³¹⁰. После IV Всероссийской краеведческой конференции Тобольское ОИК подготовило и опубликовало в Бюллетене ряд справочных материалов для практического руководства реорганизацией краеведческой работы. В этих материалах «конкретно изображены новые организационные формы краеведения и новые плановые установки в отношении содержания работы в Тобольском округе»³¹¹.

Членами Тобольского ОИК проводилась и просветительская работа

³⁰⁷ Наш край. 1925. № 2–3. С. 3, 76.

³⁰⁸ Там же. № 8–9. С. 48.

³⁰⁹ Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1929. № 4. С. 1.

³¹⁰ В. Н. Организация научно популярного районного музея краеведения // Наш край. 1924. № 2. С. 32.

³¹¹ Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 3. С. 2, 10–11.

среди самых широких масс населения. В июне 1925 г. под руководством М. П. Копотилова была совершена «большая экскурсия, в количестве до 150 человек, на Чувашский мыс – место решительной битвы Ермака с татарами 23 апреля 1581 г.», а в июне – июле 1925 г. В. М. Новицкий провёл «курс краеведения на происходивших в Тобольске политико-педагогических курсах»³¹².

Активное участие тобольские краеведы принимали в работе краеведческих съездов, конференций и совещаний различного уровня – от местных до всесоюзных.

В декабре 1924 г. в Москве состоялся II Всесоюзный съезд краеведения, на котором присутствовал и председатель Тобольского общества изучения края С. Ф. Скороспехов. «Работа съезда протекала на пленумах и в организованных секциях: общего краеведения, архивно-исторической, школьно-экскурсионного краеведения и любителей мироведения. [...] Съезд сопровождался выставкой краеведческой литературы, изданной с 1917 г. Были представлены и издания Тобольского общества изучения края»³¹³.

Однако после II Всесоюзной конференции по краеведению, состоявшейся в 1924 г., получил развитие новый курс краеведческой работы, направленный на изучение естественно-производительных сил страны³¹⁴. В соответствии с ним исследования по археологии не являлись приоритетными и финансирования не получали. В отчёте о деятельности Тобольского ОИК за 1926 г. прямо говорилось: «Уже простой перечень вопросов [годового плана научно-исследовательской работы ОИК – А. С.] показывает, что внимание Общества было заострено, главным образом, на изучении производительных сил края»³¹⁵. Для культурно-исторической секции Тобольского ОИК на 1926 г. было запланировано решение следующих вопросов: «История профессионального движения в Тобольском округе, революционная

³¹² Копотилов М. П. Из жизни общества изучения края // Наш край. 1925. № 7. С. 35–36.

³¹³ Второй Всесоюзный съезд краеведения // Наш край. 1924. № 4. С. 51.

³¹⁴ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 970. Л. 49.

³¹⁵ Там же. Л. 64.

ссылка и каторга в Тобольской губернии, история и современный быт татар Тобольского округа, народное творчество в Тобольском округе за годы революции и гражданской войны, библиография музея Тобольского Севера и Общества изучения края за 1922–1925 гг., история библиотечного дела в Тобольске, Тобольская духовная администрация XVII и XVIII вв.»³¹⁶.

После III Всероссийской краеведческой конференции, прошедшей в 1927 г., краеведение окончательно было направлено на изучение промышленных ресурсов края. Так, в июне 1928 г. в Тобольске состоялся первый окружной съезд по народному образованию, в котором приняли участие и члены Тобольского ОИК. С докладом «Краеведческая работа просвещенца в Тобольском округе» выступил М. А. Протопопов. В своём выступлении он подчеркнул, что «краеведение является неотъемлемой частью общего плана индустриализации страны и развития народного хозяйства», отметил громадную роль краеведческого движения, как во всем Советском Союзе, так и на Севере, где культурно-хозяйственное строительство затруднено из-за малой изученности края. Тем не менее, среди задач краеведческой работы Общества по отделу истории на предстоящий год были отмечены мероприятия по выявлению и учёту памятников археологии и памятников истории (преимущественно, по истории революции и гражданской войны в округе)³¹⁷.

Однако продолжить работу по выявлению и учёту археологических памятников Тобольского округа сотрудникам Тобольского ОИК, по всей видимости, не удалось. О причинах неполного выполнения поставленных задач в области краеведения говорилось в информационном докладе В. М. Новицкого на заседании Президиума УОБК, состоявшегося в 1929 г. Президиум в своём решении признал, что «работа Тобольского музея и Общества изучения края протекала в «чрезвычайно неблагоприятных условиях». Целый ряд фактов усложнял деятельность Общества и музея Тобольско-

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 2(3). С. 3–8.

го Севера: отсутствие финансирования, малочисленность квалифицированного кадрового состава, «огромная, весьма слабо заселённая и почти лишённая дорог, территория округа»³¹⁸. На заседании была признана необходимость оказать помощь Обществу изучения края и музею Тобольского Севера, а их работа была признана «значительной и ценной». Особенно были отмечены методологическая, научно-исследовательская и издательская работы краеведческих учреждений Тобольского округа³¹⁹.

На IV Всероссийской краеведческой конференции, прошедшую 22–26 марта 1930 г. в Москве был направлен Т. А. Гурьев, назначенный в январе 1930 г. заведующим музеем Тобольского Севера³²⁰. Конференция прошла «под знаком теснейшей увязки краеведения с задачами социалистического строительства», о чём свидетельствует тематика докладов: «Роль краеведения на путях социалистического строительства», «Задачи и пути краеведческой работы в области промышленности» и т. п.³²¹.

На заседании правления Тобольского общества изучения края 10 апреля 1930 г. Т. А. Гурьев сообщил о принятых IV Всероссийской краеведческой конференцией постановлениях, среди которых особое место занимали постановления о преобразовании краеведческих обществ в областные, окружные и районные Бюро краеведения³²². По итогам заседания М. П. Копотилову и Т. А. Гурьеву было поручено разработать план реорганизации Тобольского общества изучения края в окружное бюро краеведения, составить смету на его содержание в 1930–1931 гг. и план работы, а также план созыва 1-й окружной краеведческой конференции и популяризовать постановления конференции на широких краеведческих собраниях»³²³. Целью работы краеведческих организаций, согласно решению IV Всероссийской

³¹⁸ Там же. 1929. № 1–2. С. 4–8.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Прежний руководитель – М. П. Тарунин – остался заведующим естественно-географическим отделом.

³²¹ Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 1. С. 2.

³²² Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 1. С. 2.

³²³ Там же.

краеведческой конференции, должна была стать «помощь делу социалистического строительства» в области промышленности, сельского хозяйства и культуры. Особенно важными представлялись работы краеведов по изучению ресурсов края (местного топлива, торфа, стройматериалов), а также их участие в составлении геологических и других карт, изучении трудовых ресурсов, природных богатств и промыслов (рыбного, охотничьего и др.)³²⁴. Как видно из этого перечня задач, археологическое изучение территории и сохранение культурного наследия не являлось необходимым для развития Тобольского региона и страны в целом.

Во второй половине 1930 г. руководством Тобольского общества изучения края был разработан проект реорганизации краеведческой работы в округе в соответствии с решениями IV Всероссийской Краеведческой Конференции, состоявшейся 22–26 марта 1930 г. Новая схема краеведческих организаций была следующей: «Окружное бюро краеведения, избираемое на Окружной краеведческой конференции, районные бюро краеведения, избираемые на районных краеведческих конференциях и низовые ячейки-кружки при отдельных предприятиях, учреждениях, профсоюзах, фабриках, заводах, колхозах, совхозах и школах»³²⁵. Таким образом, с одной стороны, краеведческое движение организовывалось по единому принципу, что улучшало планирование и выполнение краеведческой работы. С другой стороны, добровольные общественные организации заменялись административными органами, что приводило к «бюрократизации» краеведения и сокращению сети краеведческих организаций.

К 1932 г. Тобольское ОИК было преобразовано в Тобольское районное бюро краеведения. В его состав по-прежнему входили организаторы краеведческой работы на Тобольском Севере М. П. Копотилов, М. П. Тарунин и В. М. Новицкий. В плане работы Тобольского районного бюро краеведения

³²⁴ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1105. Л. 66.

³²⁵ Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1930. № 3. С. 2.

на ноябрь – декабрь 1933 г. основная задача была сформулирована как «добиться привлечения внимания советской общественности к содержанию и формам советского краеведения, к его очередным задачам, его огромной роли в деле социалистического строительства путём изучения края и применения результатов этого изучения к хозяйственному и культурному переустройству края»³²⁶. В рамках организационно-массовой работы в районном бюро краеведения предполагалось создать и культурно-бытовую секцию, задачей которой было изучать «историю нашей культурной революции прошлого и пути строительства нашей новой политехнической школы» с подсекцией «по сбору сведений о памятниках культуры, искусства»³²⁷. Тем не менее, в 1930-х гг. работа Тобольского краеведческого общества не отличалась активностью. Например, на заседании оргкомитета районного бюро краеведения в феврале 1935 г. отмечалось, что «работа по организации ячеек как в городе, так и в деревне развёртывается слабо, что оттягивает срок созыва районной конференции»³²⁸. Улучшить состояние дел в Тобольском районном бюро краеведения не удалось.

В 1930 г. в очередной раз произошло реформирование административно-территориального деления Западной Сибири, в результате которого были образованы автономные округа – Остяко-Вогульский (с 1940 г. – Ханты-Мансийский) и Ямало-Ненецкий. Соответственно, была перестроена, и работа учреждений народного образования, к которым относились музеи и общества изучения края. В итоге Сургутский, Кондинский и Берёзовский районы, в которых велась наиболее активная краеведческая деятельность, вышли из сферы влияния Тобольского ОИК и были передан под руководство вновь образованного ОкрОНО в Остяко-Вогульске. Тобольское краеведческое бюро отныне руководило краеведческой работой в пределах Тобольского, Вагай-

³²⁶ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1370. Л. 39.

³²⁷ Там же. Л. 41.

³²⁸ Там же. Д. 1379. Л. 7.

ского и Уватского районов³²⁹. В итоге преобразований в Остяко-Вогульске в начале 1930-х гг. было создано окружное Общество изучения края, к 1935 г. насчитывавшее 17 краеведческих ячеек, в которые входили 275 человек³³⁰. По мнению В. К. Белобородова, «наиболее продуктивно работы велись на Казымской и Сосьвинской культбазах, руководили ею штатные краеведы В. С. Денисенко и М. А. Воскобойников»³³¹ (подробнее о них – см. прил. 22). Основными направлениями работ были естественно-географические исследования (поиск полезных ископаемых, изучение почв, исследование водоемов, фенологические наблюдения). Изучение исторического наследия сосредоточилось на сборе фольклорных данных и материалов по истории революции.

В июле 1932 г. вышло постановление малого президиума Уральского облисполкома о создании в Остяко-Вогульске краеведческого музея³³². Работа по его организации началась в 1934 г., а официальное открытие музея состоялось в ноябре 1936 г. Тем самым было положено начало формированию системы охраны культурного наследия в ХМАО – Югре (музейные учреждения округа представлены в прил. 15).

В конце 1930-х гг. состояние краеведческого движения резко ухудшилось в результате проведения массовых репрессий в отношении наиболее активных членов общественного движения. В феврале 1936 г. первый директор Остяко-Вогульского краеведческого музея И. А. Шабалин был отстранён от должности без объяснения причин, в июле 1937 г. арестован, а в августе 1937 г. – расстрелян в Тобольске³³³. В октябре 1938 г. участников Тобольского ОИК – историка М. П. Копотилова, биолога К. П. Самко, геолога А. Г. Фокина, художника П. П. Чукомина, этнографа А. М. Чернобая рас-

³²⁹ ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 1380. Л. 6.

³³⁰ Югория: Энциклопедия ХМАО. Т. II. Ханты-Мансийск, 2000. С. 76.

³³¹ Там же.

³³² Архивы Югры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arhivugra.admhmao.ru> (дата обращения 23. 10. 2013 г.).

³³³ Архивы Югры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arhivugra.admhmao.ru> (дата обращения 23. 10. 2013 г.).

стреляли на хозяйственном дворе Тобольской тюрьмы. Через 20 лет они были реабилитированы³³⁴.

К августу 1937 г. все краеведческие организации, согласно постановлению Совнаркома РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах»³³⁵, были закрыты.

Таким образом, краеведческие общества (Тюменское, Тобольское, Остяко-Вогульское) и УОБК внесли немалый вклад в дело охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири. Несмотря на сложные географические, политические и экономические условия, краеведческие общества занимались выявлением, описанием и учётом культурного наследия, т. е. по сути, выполняли функции государственных органов по охране памятников истории и культуры. Вместе с тем, не обладая реальными полномочиями, а также необходимыми финансовыми и кадровыми ресурсами, краеведческие организации объективно не могли в полной мере осуществлять деятельность по охране памятников.

Подводя итоги первому периоду формирования системы охраны культурного наследия в советское время, необходимо отметить, что сохранение памятников истории и культуры после установления советской власти стало рассматриваться как составная часть государственной политики в области культурного развития страны. Основой государственной системы охраны культурного наследия были специальные законодательные акты об охране как всей совокупности памятников истории и культуры, так и их отдельных видов.

В результате преобразований органов государственной власти к 1921 г. государственная система охраны памятников приобрела законченную чёткую структуру с административно-организационным центром в Отделе по делам

³³⁴ Петрушин А. Чёрные дни югорского краеведения // Краевед. 31 октября 1996 г. № 10. С. 7.

³³⁵ Постановление Совнаркома РСФСР от 10. 06. 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

музеев и охране памятников Наркомпроса РСФСР и научно-исследовательским – в РАИМК.

Новая система охраны культурного наследия предусматривала создание специальных подразделений на местах, входивших в структуру Наркомпроса – губмузеев, ответственных за охрану памятников истории и культуры в регионах. Однако далеко не во всех областях государства такие учреждения были созданы, они не обладали кадровыми и финансовыми возможностями для осуществления деятельности по сохранению культурного наследия. На Севере Западной Сибири, в связи с развернувшимися военными событиями в ходе установления советской власти, из-за труднодоступности и удалённости территории и в результате проведения нескольких административно-территориальных реформ возникли большие затруднения в организации дела охраны и сохранения культурных ценностей. Тюменский ГубОНО, в составе которого была образована секция охраны памятников старины, просуществовал недолго: с 1920 по 1923 гг. Позднее функции охраны памятников истории и культуры перешли в ведение Уральского ОблОНО, а затем Ханты-Мансийского ОкрОНО, однако в структуре этих учреждений ни отделы, ни специалисты по охране памятников предусмотрены не были.

Практической работой по выявлению, описанию и учёту памятников истории, археологии, архитектуры, т. е. его сохранением в регионах, занимались общества изучения местного края, возникшие в начале 1920-х гг. во многих российских городах, в том числе в Тобольске и Тюмени. УОБК в течение 1924–1934 гг. осуществляло методическое руководство краеведческой работой в Уральской области: издавало журналы и инструкции по краеведческой теме. Комиссия по охране памятников искусства и старины, УОБК регулярно проводила выявление и изучение памятников археологии Свердловской области, а Секция Севера УОБК оказывала помощь краеведческим обществам Тобольского Севера, выпуская библиографические подборки, справочники, картографические материалы о северных территориях.

Тюменское ОИМК в 1920-е – 1930-е гг. проводило выявление памятников природы, археологии, этнографии, истории г. Тюмени и его окрестностей, организовывало археологические и этнографические экспедиции, приняло участие в проведении Приполярной переписи, проведя пробную регистрацию коренного населения и разработав поправки в регистрационных бланки.

Тобольское ОИК в 1920-е – 1930-е гг. отличалось наибольшей активностью в деле охраны памятников Севера Западной Сибири. Культурно-историческая секция Общества проводила разведки и ознакомительные экскурсии в окрестностях г. Тобольска. В 1925 г. тобольскими краеведами была проведена регистрация археологических памятников Тобольского округа, в том числе и первая топографическая съёмка уникального комплекса археологических памятников на Барсовой Горе в Сургутском районе ХМАО – Югры. Всего же к началу 1950-х гг. на территории ХМАО – Югры было учтено более 70 памятников археологии. В отношении памятников истории были разработаны программы и инструкции по сбору материалов, осуществлялась регистрация и реконструкция памятников истории. Составной частью деятельности Тобольского ОИК являлось научно-методическое руководство краеведческой работой (разработка и публикация инструкций, рекомендаций по организации краеведческих музеев и бюро краеведения), обширная издательская деятельность и энергичное участие в работе краеведческих съездов, конференций и совещаний. Таким образом, именно Тобольское и Тюменское общества изучения края, по сути, выполняли функции региональных органов исполнительной власти, на которые законодательством были возложены обязанности по охране памятников.

К концу 1920-х гг., наряду со стремлением к демократизации культуры, появились первые признаки утилитарного отношения к культурным ценностям, усилилось регламентирующее вмешательство партийно-государственных структур в культурные процессы. В результате усиливав-

шегося контроля и бюрократизации органов государственной власти к концу 1930-х гг. краеведческие организации были упразднены.

Всё это не замедлило сказаться на формировании системы охраны культурного наследия. Вместе с ликвидацией в 1930-е гг. негосударственных памятникоохранительных организаций ранее созданная система охраны памятников старины стала активно разрушаться. К концу 1940-х гг. вместо стройной централизованной системы охраны памятников, организованной при Наркомпросе, была создана малоэффективная разрозненная структура при Комитете по делам искусств в Совете народных комиссаров РСФСР. На региональном уровне охрана культурного наследия в конце 1930-х – конце 1940-х гг. находилась вне сферы действия местных органов власти, которые сосредоточились на решении хозяйственных и политических задач.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

2.1. Совершенствование охраны объектов культурного наследия в Ханты- Мансийском автономном округе – Югре

Процесс дезинтеграции системы охраны памятников подошёл к завершению в начале 1950-х гг. Это было связано с образованием в 1953 г. Министерства культуры СССР – централизованного государственного органа, в ведении которого, после длительного перерыва (с конца 1920-х гг.) сосредоточилась охрана всех видов памятников истории и культуры.

В структуру Министерства культуры СССР вошли научно-исследовательские и методические организации: Научно-методический совет по охране памятников истории и культуры, Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР), Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат (ВПНРК), Всесоюзный институт искусствознания, Научно-исследовательский институт по комплексным проблемам развития и управления отраслями культуры (НИЦ), Информационный центр по проблемам культуры и искусств при Государственной библиотеке им. В. И. Ленина («Информкультура»).

В марте 1953 г. было образовано и Министерство культуры РСФСР, которое выполняло задачи, аналогичные Министерству культуры СССР, но действовало оно в рамках Российской Федерации. При Минкультуры РСФСР в 1954 г. было создано особое структурное подразделение – Управление по делам музеев и охраны памятников, через которое осуществлялась организация, руководство, контроль и координация всей работы³³⁶. В 1957 г. ему было

³³⁶ По некоторым данным Управление охраны исторических и археологических памятников появилось в Комитете по делам КПУ при Совмине РСФСР ещё в 1948 г. // ГА ХМАО, Ф. 247. Оп. 1. Д. 10. Л. 426.

передано всё руководство охраной памятников в РСФСР. В эту структуру на региональном уровне входили Минкультуры автономных республик, в областях и краях – областные и краевые управления культуры, в районах и городах – районные и городские отделы культуры. Наиболее важные вопросы выносились на заседание коллегии Министерства культуры³³⁷. В 1959 г. Управление музеев и охраны памятников Минкультуры РСФСР было реорганизовано в отдел при Главном управлении культпросветработы.

Подъём во всех направлениях деятельности по охране культурного наследия наметился к середине 1960-х гг. В октябре 1964 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором были осуждены «субъективистские оценки» и «волевые решения» в вопросах культуры, градостроительства и охраны памятников. В соответствии с новой культурной политикой государства отношение к культурным ценностям стало коренным образом меняться. Это привело к позитивным изменениям в государственном аппарате управления, укреплению материальной базы охраны памятников в РСФСР³³⁸.

Важнейшим событием конца 1960-х гг. следует считать постановление Совмина РСФСР № 473 от 24 мая 1966 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР». В целях «укрепления государственных органов охраны памятников и улучшения научно-методического руководства делом охраны и реставрации памятников истории и культуры» в Минкультуры РСФСР была образована Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры³³⁹. В структуру органа входило три отдела: охраны и использования памятников, учёта и пропаганды памятников, реставрации памятников. Функции госинспекции предусматривали контроль и осуществление практических мер по устранению недостатков в режиме охраны конкретных памятников. Основными задачами яв-

³³⁷ Кулемзин А. М. Указ. соч. С. 175.

³³⁸ Панкратова Т. Н. Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. научн. тр. НИИ культуры. М., 1987. С. 27.

³³⁹ Охрана памятников истории и культуры. М. 1973. С. 153.

лялись «обеспечение на территории РСФСР государственной охраны памятников и их эффективного использования в общественной жизни, разработка предложений по дальнейшему развитию и совершенствованию охраны памятников в РСФСР, а также руководство исследовательской и экспериментальной деятельностью, связанной с памятниками»³⁴⁰. Реально выполняемые ею функции были гораздо шире: методическое руководство инспекторами, производственными группами, реставрационными мастерскими, планирование и координация реставрационной детальной, распределение финансовых средств, организация выявления и учёта памятников, проверка и приём научно-учётной документации на них и т. п. Таким образом, осуществление основной задачи госинспекции – контроля над сохранением и использованием памятников – отодвигалось на второй план.

Существенную проблему представляла собой кадровая обеспеченность инспекции. В штатах министерств культуры автономных республик, краевых и областных управлений культуры введение должностей старших инспекторов и инспекторов по охране памятников предусматривалось в пределах численности и фонда заработной платы, существовавших ранее. Поэтому в большинстве случаев их обязанности были возложены на имевшихся штатных работников, одновременно занимавшихся местными музеями, а зачастую и другими культурно-просветительными учреждениями, что приводило к перегруженности инспекторов и невозможности оперативно предпринимать меры по охране памятников истории и культуры. Кроме того, у большинства инспекторов отсутствовали практические навыки в сфере охраны культурного наследия, так как из-за текучести кадров их стаж работы не превышал в среднем трёх лет.

Учитывая все эти факторы, основная доля работы по конкретной охране памятников в 1960–1990-х гг. приходилась на организации областного масштаба. Однако и здесь охрана, сохранение, использование и пропаган-

³⁴⁰ Охрана памятников истории и культуры. М., 1973. С. 153.

да памятников сталкивалась со значительными затруднениями. Одним из них было то, что объекты культурного наследия зачастую располагались на значительном расстоянии от областных и районных центров. Поэтому действенный контроль над их состоянием был возможен только со стороны районных органов власти. Однако районные органы культуры по различным причинам (отсутствие необходимых должностей и квалифицированных сотрудников в штате отделов культуры, сосредоточенность на проведении культурно-массовых мероприятий) не осуществляли постоянный контроль над сохранением культурного наследия, а областной инспектор не находил для этого времени и сил. Пробудить интерес к памятникам удавалось лишь на время – путём проведения отдельных государственных кампаний, таких, например, как Всероссийские смотры памятников или подготовка Свода памятников по областям. Вся вышеописанная ситуация характерна и для Севера Западной Сибири, где областное управление культуры находилось в Тюмени, на весьма удалённом от районных центров расстоянии.

К 1970-м гг. высшим государственным органом по охране памятников в республике окончательно было утверждено Министерство культуры РСФСР. При нём было создано Главное управление по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. На местах руководство осуществлялось через Министерства культуры автономных республик, автономных областей, краевые и областные управления культуры, районные и городские отделы культуры. При местных органах власти в областях были созданы специальные инспекции или отделы по охране памятников. Наиболее важные вопросы решались на заседаниях Коллегии министерства. Разработку проблем в области охраны памятников производил отдел памятников в НИИ культуры при Министерстве культуры РСФСР. Кроме того, при Министерстве культуры были созданы научно-методические учреждения: Научно-методический совет по охране памятников истории и культуры, производственный научно-реставрационный комбинат, Центральная научно-

исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных и художественных ценностей, Информационный центр по проблемам культуры и искусства при Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Научно-методическое руководство учётом памятников истории и культуры РСФСР осуществляли институты Академии наук СССР³⁴¹ и Министерства культуры СССР. Научные разработки этих организаций изучались Государственной инспекцией и направлялись в местные органы её системы для сведения и руководства.

К участию в охране и пропаганде памятников была привлечена общественность в лице ВООПИиК и других обществ и организаций³⁴², деятельность которых мы подробно рассмотрим далее. Они включилась не только в практическую деятельность, но и в разработку методических вопросов.

Популяризацию объектов культурного наследия через туризм и разработку её методики осуществляло Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров РСФСР. Организация туризма для советских граждан была поручена профсоюзам. Для этого при Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов был организован Центральный совет по туризму и экскурсиям³⁴³.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. окончательно сложилась законодательная база системы государственной охраны культурного наследия в СССР. Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры СССР» был принят в 1976 г.³⁴⁴ Через два года последовал аналогичный закон

³⁴¹ Институт истории АН СССР, Институт археологии АН СССР, Институт истории естествознания и техники АН СССР, Институт истории, философии, филологии Сибирского отделения АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного центра Сибирского отделения АН СССР; Всесоюзный институт искусствоведения Министерства культуры СССР.

³⁴² Комиссии содействия охране памятников при Совете Министров РСФСР и исполкомах местных Советов. Общественный научно-методический совет по охране памятников Министерства культуры РСФСР, кафедра охраны памятников при общественном совете содействия народным университетам культуры; Всероссийское общество охраны природы, Всероссийское пожарное общество, Советский комитет ветеранов войны (Российское отделение), творческие организации.

³⁴³ Панкратова Т. Н. Указ. соч. С. 30–33.

³⁴⁴ Закон СССР от 29. 10. 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Об охране и использовании памятников истории и культуры»³⁴⁵, но уже в рамках РСФСР. Новые законодательные акты включали в себя всю систему правовых норм, устанавливающих функции и полномочия государственных органов власти, общественных организаций и граждан по охране и использованию памятников истории и культуры, а также по государственному контролю над охраной памятников, в чьей бы собственности они ни находились. Они были призваны учесть не только требования к охране памятников в современных условиях, но и положения международных правовых документов об охране культурного наследия, и, прежде всего – требования Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г.³⁴⁶

Механизм реализации закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» был определён в «Положении об охране и использовании памятников истории и культуры», утверждённом постановлением Совмина СССР 16 сентября 1982 г.³⁴⁷ В последующие годы эти нормативные документы были дополнены «Инструкцией по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР, утверждённой приказом Минкультуры СССР 24 января 1986 г.,³⁴⁸ и «Инструкцией о порядке учёта, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», утверждённой приказом Минкультуры СССР 13 мая 1986 г.³⁴⁹

В отношении раскопок и разведок памятников археологии в законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»

³⁴⁵ Закон РСФСР от 15. 12. 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых актов. Екатеринбург, 2002. С. 371–390.

³⁴⁶ Конвенция ЮНЕСКО от 16. 11. 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org> (дата обращения 18. 11. 2012 г.)

³⁴⁷ Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых актов. Екатеринбург, 2002. С. 390–410.

³⁴⁸ Там же. С. 410–421.

³⁴⁹ Там же. С. 422–494.

1978 г. закреплялся порядок, сложившийся на основе декрета 1924 г. и постановления 1934 г. об охране археологического наследия, при котором эти работы допускались только при наличии именных разрешений – Открытых листов, которые выдавались отделом полевых исследований Института археологии АН СССР³⁵⁰.

К началу 1960-х гг. система государственной охраны памятников истории и культуры приобрела многоуровневую структуру. Региональными учреждениями являлись управления культуры областей и краёв. На местном уровне охрану памятников осуществляли городской и районный Советы народных депутатов, поселковые Советы народных депутатов и подразделения Советов по вопросам культурной политики – Отделы (или комитеты) по культуре (схема региональных органов власти ответственных за охрану ОКН в регионе, представлена в прил. 6). В их задачи входили обеспечение охраны, использования выявления, учёта, реставрации, использования и пропаганды памятников, привлечение общественности к проведению этих мероприятий, организация шефства предприятий, учреждений и организаций над памятниками, обеспечение соблюдения законодательства об охране и использовании памятников³⁵¹.

В литературе сложилась довольно негативная оценка деятельности местных органов власти по сохранению культурного наследия в 1950-х – 1990-х гг. Так, Т. Н. Панкратова отмечает следующее: «Что же касается организации охраны памятников [...] в районных и городских Советах, то приходится констатировать их пассивность в этих вопросах. Ещё большая инертность наблюдалась со стороны сельских и поселковых Советов. Здесь нередко вообще не знали, что объект, расположенный на их территории, является памятником истории и культуры»³⁵².

³⁵⁰ Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых актов. Екатеринбург, 2002. С. 387.

³⁵¹ Там же. С. 375.

³⁵² Панкратова Т. Н. Указ. соч. С. 37.

В этой связи необходимо провести общий анализ ситуации в сфере охраны объектов в ХМАО – Югре, и попытаться выяснить, насколько подобное мнение обоснованно. Поскольку в этот период наиболее активные работы по выявлению культурного наследия, в связи с разработкой нефтегазовых месторождений, происходили в Сургутском районе, то основываться мы будем на данных этой территории.

В соответствии с постановлением Совмина РСФСР от 9 июня 1953 г. «О примерной структуре и штатах местных органов Министерства культуры РСФСР» отделы кинофикации и культпросветработы Сургутского райисполкома в июле 1953 г. были преобразованы в Сургутский отдел культуры райисполкома³⁵³ (см. прил. 6). Эта реорганизация практически не отразилась на направлениях деятельности Сургутского отдела по культуре: в 1950-х гг. по-прежнему актуальными оставались проблемы ликвидации неграмотности, организации досуга, улучшения санитарно-гигиенических условий населения Сургутского района. На очередном заседании райсовета в июне 1953 г. от заведующего отделом КПП требовали «активно вести пропаганду книги, добиться безусловного выполнения планового задания по привлечению читателей и книговыдаче, покончить с формализмом в библиотечном деле», обязывали «создать при каждом КПУ кружки по ликвидации неграмотности, привлечь к этой работе сельскую интеллигенцию и, в первую очередь, учителей. Поставить основной задачей культпросветработников ликвидировать неграмотность в районе в 1953–1954 гг.»³⁵⁴. Необходимо было улучшить и кинообслуживание населения, особенно национального³⁵⁵.

В середине 1960-х гг. произошли изменения в структуре местных органов власти в Сургутском районе: в июне 1965 г. рабочий посёлок Сургут был преобразован в город окружного подчинения, а в августе образовался город-

³⁵³ Архив УКМПТиС СР. Книга приказов отдела культуры. Приказы № 1–69 по личному составу за 1951–1953 год. Л. 41.

³⁵⁴ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 83. Л. 98.

³⁵⁵ Там же. Л. 98 об.

ской Совет депутатов трудящихся³⁵⁶. Тем самым произошло разделение функций между городским и районным Советов депутатов трудящихся во всех сферах деятельности, в том числе и в культурно-просветительной (см. прил. 6). В декабре 1967 г. исполком городского Совета депутатов трудящихся принял решение о постановке на учёт исторических памятников и предложил городскому отделению Всероссийского общества охраны памятников провести ряд мероприятий по сохранению исторических памятников, в перечень которых входили установление мемориальных досок о различных исторических событиях в городе³⁵⁷.

В июле 1969 г. Сургутский горсовет принял решение поставить на учёт ещё три памятника – К. Марксу и В. И. Ленину, памятник сургутянам, погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войн и установить ещё один новый памятник – обелиск декабристу А. И. Шахиреву в сквере у городского Дома культуры³⁵⁸.

Таким образом, охрана памятников, которая являлась прерогативой КПУ, сосредоточилась, в условиях города, на исторических памятниках – скульптурных и мемориальных сооружениях, количество которых было не более десяти.

Если городская администрация проявляла заинтересованность в охране скульптурных сооружений, то администрация Сургутского района в 1960-е гг. свои усилия сосредоточила исключительно на осуществлении культурно-массовых мероприятий. Об этом наглядно свидетельствует деятельность Сургутского районного отдела по культуре, который занимался, преимущественно, обеспечением культурного досуга трудящихся и планировал «шире развивать художественную самодеятельность, поднять её художественное и идейное содержание; смелее привлекать к участию в кружках художествен-

³⁵⁶ К победе коммунизма. 1965. 11 августа.

³⁵⁷ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 20. Л. 87.

³⁵⁸ Там же. Д. 38. Л. 85.

ной самостоятельности колхозников, рабочих, особенно из числа национального населения»³⁵⁹.

Во второй половине 1960-х гг. в структуре государственных органов появилось новое учреждение – Госинспекция по охране памятников при Минкультуры РСФСР, в состав которой вошли три отдела: охраны, реставрации, эксплуатации и пропаганды памятников. Функциями инспекторов являлись: координация охранной деятельности в своем районе; организация использования местных памятников; проведение реставрационных работ. Подобные же учреждения должны были быть созданы и на местных уровнях – в областных, районных и городских отделах культуры. Однако в штатах Сургутского городского и районного отделов культуры такие учреждения созданы не были. По существу, можно согласиться с цитируемой выше Н. В. Михайловой, что работа по охране памятников на районном и поселковом уровнях, была минимальной, а порой и вообще не проводилась³⁶⁰. Описанная ситуация в полной мере относится и к исследуемому нами региону.

Таким образом, приходится признать, что к 1970-м гг. в Сургутском районе Тюменской области не существовало ни действенной структуры государственной охраны памятников, ни действенных организаций и учреждений по их сохранению и использованию.

Ситуация начала меняться лишь в начале 1970-х гг., что было связано с распространением практики археологических исследований новых объектов строительства, в том числе и в нефтегазодобывающей отрасли. Благодаря уральским археологам, проводившим археологическое обследование территорий промышленного освоения Севера Западной Сибири, местные органы власти узнали о наличии большого количества археологических памятников в регионе и о необходимости обеспечения охраны археологического наследия.

³⁵⁹ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. 83. Л. 99.

³⁶⁰ Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М., 2001. С. 115.

К началу 1970-х гг. органы власти – Сургутский горисполком, райисполком и их структурные подразделения были поставлены в известность о наличии археологических памятников на территории района. Причём на некоторые из них были заключены охранные обязательства³⁶¹. Но дальнейшее развитие и контроль мероприятий по охране археологического наследия со стороны местных органов власти по-прежнему не производился.

Основными задачами в работе учреждений культуры в 1973 г., судя по данным годового отчёта о деятельности Сургутского районного отдела культуры, являлись «развитие художественной самодеятельности на селе» и «активизация работы с подростками и детьми»³⁶². Мало что изменилось и через 9 лет. Как гласит отчёт отдела культуры Сургутского райисполкома за 1982 г., одним из главных направлений в работе отдела культуры «является культурное обслуживание вахтовых и трассовых поселков. Эту задачу осуществляет районная АКБ [агитационно-концертная бригада – А. С.] и коллективы художественной самодеятельности сельских Домов культуры, находящиеся на территории вахтовых и трассовых поселков»³⁶³. Судя по годовым отчётам, деятельность по охране археологических памятников ни городской, ни районной администрацией не осуществлялась и даже не планировалась. На фоне такой позиции администрации Сургутского района, на Барсовой Горе, в непосредственной близости от г. Сургута, уральские археологи развернули широкомасштабные исследования крупнейшего археологического комплекса. В условиях сжатых сроков, огромного объёма работ, нестабильного финансирования и без поддержки местной власти археологи пытались изучить хотя бы часть археологических объектов, пока они не оказались уничтожены в ходе строительства промышленных и хозяйственных объектов.

Летом 1975 г. уральские археологи обратились в Сургутский райисполком, описав плачевность существующей ситуации в охране памятников ар-

³⁶¹ ГБУТО «ГАТО». Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 684. Л. 2–18.

³⁶² АОАС. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 61. Л. 27.

³⁶³ Там же. Д. 155. Л. 119.

хеологии и необходимость её урегулирования. Директор Сургутского краеведческого музея А. А. Нифонтов опубликовал статью в местной газете «К победе коммунизма», в которой сообщил об удручающей ситуации с охраной древностей окрестностей Сургутского района: на огороды жителей поселка Барсово вывезен культурный слой городища Барсов городок I/31, а также «в значительной степени разрушено машинами и людьми» ещё одно крупное скопление археологических памятников около д. Ермаково. Кроме того, «в районе не раз находили кости мамонтов и других животных. Но ни разу никто не сообщил о находках в музей [...]. В большинстве случаев эти находки или уничтожаются, или разбираются на сувениры. В том же мостоотряде № 29 находятся остатки найденного скелета мамонта, там же известно о находке серебряного блюда. Но где оно? Исчезло в нечестных руках»³⁶⁴.

Лишь вопиющие случаи разрушения уникальных археологических памятников привели к активизации действий Сургутского райисполкома. 18 июля 1975 г. Сургутский райисполком принял решение, в котором были зафиксированы факты разрушения городищ в окрестностях п. Барсово и д. Ермаково и перечислены меры для предупреждения дальнейшего уничтожения памятников археологии в Сургутском районе³⁶⁵. Согласно этому решению, исполкомы Белоярского, Тром-Аганского, Угутского, Аганского, Локосовского, Сытоминского, Усть-Юганского сельских Советов должны были осуществлять надзор за состоянием охраны археологических памятников на их территории, а руководителям промышленных и строительных предприятий и организаций, занимающихся обустройством нефтегазодобывающих месторождений района, рекомендовалось «практиковать заключение хозяйственного договора с Уральской археологической экспедицией с целью проведения археологических разведок» до начала строительных работ³⁶⁶.

³⁶⁴ К победе коммунизма. 1975. 7 июня.

³⁶⁵ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 289. Л. 12.

³⁶⁶ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 289. Л. 12–13.

Однако, как верно заметил Ю. П. Чемякин, «наказания не были адекватны содеянному, а нередко виновные вообще уходили от ответственности, что породило у их «последователей» уверенность в безнаказанности»³⁶⁷.

В дальнейшем хоздоговорные работы велись практически ежегодно, но темпы строителей намного превосходили возможности археологов. Сказывались и существовавшие в 1970-х гг. предварительное финансирование и реализация северных новостроек ещё до утверждения генплана и сметы, куда закладывались и расходы на раскопки.

В 1970-х гг. уральские археологи неоднократно ставили вопрос о необходимости действенной охраны уникальных археологических памятников на Барсовой Горе. И каждый раз в Сургутском горисполкоме и райисполкоме получали заверения, что новые строительства в урочище не планируются. К сожалению, каждый год, возвращаясь на Барсову Гору, археологи убеждались в обратном³⁶⁸.

Улучшить ситуацию в деле охраны археологических памятников была призвана специальная комиссия, образованная решением Сургутского райисполкома № 96 от 22 августа 1980 г., созданная в целях «использования памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании трудящихся, их охраны и реставрации»³⁶⁹. Согласно этому решению, комиссия по охране памятников, в которую входили представители отделов культуры сельских и поселковых Советов народных депутатов и руководители Сургутского городского отделения ВООПИиК, должны были составить перспективные планы реставрации и использования памятников по территории, подведомственной каждому Совету, осуществлять мероприятия по популяризации памятников истории и культуры, привлекать общественность к охране памятников, поощрять инициативу коллективов предприятий, организаций и учреждений в

³⁶⁷ Чемякин Ю. П., Носкова А. В. Хроника разрушений на Барсовой Горе // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 58.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 395. Л. 15.

деле охраны объектов культурного наследия³⁷⁰. Выявить указанные планы работы и отчёты о деятельности этой комиссии нам не удалось.

Если в 1960-х – 1970-х гг. усилия Сургутского горисполкома были сосредоточены на охране и установлении скульптур и мемориальных знаков, то в 1980-е – начале 1990-х гг., благодаря Сургутскому городскому отделению ВООПИиК, перед городской администрацией встал куда более существенный вопрос – организация охраны исторической части г. Сургута – деревянных домов XIX в., которая подверглась разрушению в ходе застройки одного из микрорайонов города³⁷¹.

Более подробно обстоятельства этого весьма непростого дела мы рассмотрим в разделе по общественной охране памятников, сейчас же отметим, что городская администрация, по сути, сама санкционировала разрушение зданий, имевших историческую ценность, когда в 1969 г. утвердила генеральный план застройки города без учёта существующих исторических зданий³⁷². Кроме того, данные археологических изысканий, проведённых в историческом центре г. Сургута в 2008 и 2012 гг., показали наличие и более ранних культурных слоёв, датируемых XVII–XVIII вв.³⁷³

В итоге многочисленных совещаний, проведённых Сургутским горсоветом в начале 1980-х гг., было достигнуто соглашение между Сургутским горисполкомом, Сургутским городским отделением ВООПИиК и застройщиком микрорайона РЭУ «Тюменьэнерго» о том, что здания, имеющие историческую ценность, будут перемещены на специально отведённую территорию, названную «Музейно-этнографической зоной», а затраты на её организацию и строительство будут возложены на РЭУ «Тюменьэнерго». К сожалению, эта идея не была осуществлена: здания были разобраны, но впоследствии утрачены, а построенный взамен «Историко-культурный центр» не соответствовал исторической действительности.

³⁷⁰ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 395.. Л. 16.

³⁷¹ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 265. Л. 127–128; Д. 487. Л. 69–72.

³⁷² Там же. Д. 265. Л. 127.

³⁷³ БИИКФ СР. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 461.

Что касается изучения и популяризации археологических памятников, то в работе райисполкома и его органов мы встречаем всего лишь несколько косвенных свидетельств наличия этой деятельности.

Например, тема доклада председателя Сургутского отделения Всероссийского общества охраны памятников Ф. Я. Показаньева на Пленарном заседании Семинара работников отдела культуры Сургутского района 9–11 декабря 1974 г. звучит как «Роль учреждений культуры в изучении и пропаганде истории родного края»³⁷⁴.

В программе пребывания шведского писателя и журналиста Уве Андерссона в Сургуте и Сургутском районе на 16 марта 1981 г. запланированы «экскурсия по городу, в музей, посещение Барсовой горы»³⁷⁵.

В конце 1980 – начале 1990 гг. деятельность Сургутского райисполкома в сфере охраны памятников несколько оживилась и приняла новые направления. Так, в годовом информационном отчёте Сургутского районного отдела культуры за 1991 г. впервые озвучена тема сохранения культурного наследия коренного населения, в том числе и археологических памятников: «Национальные особенности, культурная жизнь людей неотделимы от образа жизни в целом. Об этом шёл разговор на круглом столе по проблемам сохранения национальной культуры, который состоялся 19 октября 1991 г. в рамках программы Дней культуры финно-угорских народов. Представители национальной культуры – хантыйский писатель Еремей Айпин, ненецкий и хантыйский поэт и писатель Юрий Вэлло видят проблему сохранения национальной культуры неразрывно связанной со средой обитания человека через осознание условий своей жизни»³⁷⁶. По результатам этого круглого стола Институт истории и археологии Уральского отделения АН СССР разработал программу «Наследие», которая включила в себя комплекс мероприятий по охране памятников истории и культуры, музеефикации памятников археоло-

³⁷⁴ АОАС. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 39а. Л. 7.

³⁷⁵ Там же. Д. 141. Л. 119.

³⁷⁶ АОАС. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 141. Л. 3.

гии и этнографии, научные исследования, мероприятия по декоративно-прикладному искусству и народным промыслам, по сбору и сохранению музыкального и устного фольклора.

В этом же отчёте сообщалось о намерении осуществить ещё один крупный проект – создания государственного природно-археологического национального парка «Барсова Гора»³⁷⁷, технико-экономическое обоснование которого подготовил Институт урбанистики г. Киева. В результате многочисленных реорганизаций национальный парк был преобразован в районный орган по охране памятников истории и культуры, который в настоящее время называется Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»³⁷⁸.

Таким образом, на федеральном уровне государственная политика в области охраны культурного наследия в 1950-е – 1990-е гг. приобрела многоуровневый и централизованный характер. На протяжении 1950-х – 1960-х гг. в РСФСР была сформирована государственная структура, ответственная за сохранение культурного наследия – Министерство культуры РСФСР и его региональные подразделения – областные, окружные, районные и городские отделы культуры, которая практически без изменений функционировала вплоть до начала 1990-х гг. В 1970-е – 1980-е гг. были изданы и основополагающие законодательные акты по охране ОКН, установившие полномочия и функции «культурных институтов» (государственных органов власти, общественных организаций и научных учреждений) в области выявления, учёта, изучения и популяризации культурных ценностей.

Региональные особенности охраны культурного наследия в ХМАО – Югре в этот период состояли в том, что, во-первых, в штатах местных органов власти – окружном, районных и городских отделах культуры, в чьём ведении, согласно законодательству, находились функции охраны памятников

³⁷⁷ Там же. Д. 216. Л. 1–2.

³⁷⁸ Подробнее см. п. 2.3.

истории и культуры, специалисты в области охраны культурного по-прежнему предусмотрены не были.

Во-вторых, местные органы власти ХМАО – Югры были крайне пассивны в деле охране памятников, и принимали решения о произведении мероприятий по сохранению объектов культурного наследия только в чрезвычайных ситуациях, как например, в случае разрушения археологических памятников в урочище Барсова Гора и в окрестностях д. Ермаково Сургутского района.

Несмотря на явно выраженную пассивность региональных органов власти, некоторые мероприятия в области охраны памятников истории и культуры в ХМАО – Югре в 1960-1990-е гг. всё же были проведены: поставлены на учёт памятники истории г. Сургута, предпринята попытка организация охраны исторической части г. Сургута, издан ряд постановлений об организации охраны особо ценных комплексов археологического наследия в Сургутском районе (Барсова Гора, д. Ермаково), сделаны первые шаги по созданию музея-заповедника на Барсовой Горе.

2.2. Деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

В середине 1960-х гг. наметилось улучшение отношения к культурным ценностям. Одним из показателей позитивных сдвигов в сфере охраны культурного наследия можно назвать учреждение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Решение об организации этого Общества было принято Совмином РСФСР в июле 1965 г.³⁷⁹, а через год, в июле 1966 г., состоялся учредительный съезд. В это же время был утверждён и устав Общества³⁸⁰.

Членами ВООПИиК могли быть как физические (индивидуальные члены), так и юридические лица (коллективные члены).

Структура ВООПИиК была достаточно сложной (она отражена в прил. 12). Высший руководящий орган общества – съезд – созывался не реже одного раза в четыре года. Центральный совет ВООПИиК играл ведущую роль в период между съездами. Исполнительным органом центрального совета служил его президиум. Основные направления деятельности общества отражали отделы, секции и комиссии, созданные в структуре Центрального совета. Таковыми являлись: отдел пропаганды с секциями памятников музыкальной культуры и по работе среди молодёжи и детей; отдел исторических памятников с секцией исторических памятников и комиссией археологических памятников; отдел архитектурных памятников с комиссиями – градостроительной, реставрационной, по учёту памятников³⁸¹.

В автономных республиках, краях, областях, национальных округах, городах, районах и посёлках были организованы местные отделения ВООПИиК, в которые входили первичные организации общества, созданные на

³⁷⁹ ФКУ «ГА РФ». Ф. А639. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³⁸⁰ Там же. Л. 3.

³⁸¹ Там же. Л. 2-3.

предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях и др. организациях и учреждениях³⁸².

Общество финансировалось из нескольких источников: за счёт вступительных и ежегодных членских взносов, из доходов от издательской и хозяйственной деятельности, из добровольных взносов.

Отделения Общества были открыты во всех областях, краях и республиках РСФСР, в Москве и Ленинграде. Появилось огромное количество первичных организаций ВООПИиК на фабриках, заводах, в институтах.

Целью созданного добровольного Общества являлось «активное содействие осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания советского народа, повышения его образованности и культуры»³⁸³.

Задачами ВООПИиК были: «а) привлечение широких слоёв населения к активному и непосредственному участию в охране памятников истории и культуры [...]; б) активное содействие государственным органам охраны памятников в их работе по сохранению, пропаганде и реставрации памятников и памятных мест; в) пропаганда среди населения знаний о памятниках истории и культуры и воспитание на этой основе любви к Родине, её истории, уважения к труду и таланту народа»³⁸⁴.

Полномочия в сфере охраны памятников истории и культуры, возложенные государством на ВООПИиК, были настолько широки, что некоторые направления деятельности общества, по вполне справедливому мнению Т. Н. Собольниковой, можно отнести уже к административно-управленческой сфере. Среди них – участие в выявлении, изучении и охране всех видов памятников, разработка предложений и рекомендаций, внесение их в соответствующие органы, принятие мер к их осуществлению силами

³⁸² Охрана памятников истории и культуры. М. 1973. С. 162.

³⁸³ Там же. С. 157.

³⁸⁴ Там же.

общества, участие в рассмотрении государственными органами и другими организациями вопросов об охране и пропаганде памятников истории и культуры, установление связи с государственными, общественными, научными, хозяйственными органами РСФСР и других союзных республик в целях привлечения их к изучению, охране и пропаганде памятников истории и культуры³⁸⁵.

Среди основных направлений деятельности общества первое место занимали пропагандистское и просветительное. Все отделения ВООПИиК, помимо устной лекционной и экскурсионной работы, осуществляли популяризацию культурного наследия через районные и областные газеты. Большое пропагандистское значение имели специальные газетные рубрики, в которых помещались материалы о памятниках культуры. Многие отделения общества объявляли конкурсы на лучшие публикации, посвящённые охране памятников, присуждали победителям премии.

Некоторые отделения ВООПИиК имели регулярно выходящие информационные сборники. В РСФСР – это сборник «Памятники Отечества» объёмом более 20 печатных листов, выходящий один раз в два года. Эти издания активно способствовали выполнению задач, стоящих перед отделениями ВООПИиК.

В совокупности все формы массовой пропаганды ВООПИиК, как заметил В. Н. Иванов, оказывали большое влияние на формирование общественного мнения в пользу сохранения памятников³⁸⁶.

Ещё одним важнейшим направлением деятельности ВООПИиК была работа с молодёжью. Региональные отделения общества организовывали туристические краеведческие экспедиции, походы по местам боевой и трудовой славы, устраивали месячники по благоустройству уникальных памятни-

³⁸⁵ Соболюникова Т. Н. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников: к истории становления и функционирования // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск, 2009. Вып. 7. С. 110.

³⁸⁶ Иванов В. Н. Задачи общественной охраны памятников истории и культуры // Музееведение и охрана памятников. Общественная охрана памятников истории и культуры в СССР. Научный реферативный сборник. М., 1976. Вып. I. С. 8–11.

ков, привлекали студентов к составлению паспортов на памятники истории и культуры, к участию в археологических раскопках и в реставрации памятников³⁸⁷.

Существенную помощь ВООПИиКу оказывало общество «Знание»³⁸⁸, с которым была достигнута договорённость о создании при его областных отделениях секций по охране памятников и проведении специальных циклов лекций³⁸⁹. Такое сотрудничество повышало качество лекционной работы, так как общество «Знание» имело больше возможностей обеспечить квалифицированную методическую помощь лекторам.

На учредительном съезде ВООПИиК, состоявшемся в июле 1966 г., был и делегат от Сургутского района – известный краевед, а позднее и организатор отделения ВООПИиК в Сургуте – Ф. Я. Показаньев³⁹⁰ (подробнее о нём – см. прил. 22). В своих воспоминаниях он приводит впечатления от работы съезда и поездки в Москву. «Мне была оказана большая честь – я был делегатом Первого Всероссийского учредительного съезда общества охраны памятников истории и культуры [...] На съезд было избрано 392 делегата, а всего присутствовало 420 человек. [...] С докладом о задачах общества выступил председатель оргкомитета В. И. Кочемасов [...], [который] рассказал о том, что [...] памятники есть культурный фонд нации, источник познания многих поколений, они являются излюбленным местом посещения для туристов. Лучшие памятники ежегодно посещают многие миллионы людей, получая величайшее эстетическое удовлетворение. Товарищ В. И. Кочемасов

³⁸⁷ Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001. С. 181–182.

³⁸⁸ Всесоюзное общество «Знание» – общественная организация, учреждённая в СССР в 1947 г., целью создания которой было распространение политических и научных знаний. Обществом организовывались публичные лекции, научные доклады и конференции, семинары, тематические вечера, устные журналы, народные чтения, творческие отчёты учёных в производственных коллективах, беседы, научные консультации по всем отраслям знания. Членами Общества являлись 2 тыс. академиков, более 25 тыс. докторов наук и профессоров, 383 тыс. инженеров, 208 тыс. врачей, 184 тыс. специалистов агрокомплекса // Общество «Знание» [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 09. 12. 2013 г.).

³⁸⁹ Иванов В. Н. Указ. соч. С. 8.

³⁹⁰ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

охарактеризовал состояние памятников и поставил задачи по их охране и использованию.

В прениях выступило 28 человек. Записалось для выступления 69 человек. Профессор С. В. Кафтанов в своём выступлении сказал, что будущие поколения будут оценивать нас не только по тому, что мы создали, но и по тому, что мы сохранили из созданного до нас. Далее он сказал: «Иногда люди спрашивают: «От кого же вы будете охранять памятники, от Советской власти что ли?» и даёт ответ: «От тех, кто от имени Советской власти своим безрассудством и безответственностью приводит к уничтожению великих ценностей Советской власти».

Сергей Михалков развивая эту мысль, сказал: «Мы будем охранять памятники, с одной стороны, от невежества, с другой стороны, от равнодушия».

Директор Института археологии АН СССР т. Б. А. Рыбаков говорил в частности о том, что лучшим методом познания является сравнение и сопоставление. За последние годы Москва поглотила сотни деревень, и он предложил оставить в новых районах города несколько деревянных изб для сравнения условий жизни и быта.

Первый секретарь Союза архитекторов СССР т. Г. М. Орлов и заслуженный деятель искусств доктор филологических наук Ираклий Андроников говорили о художественной индивидуальности городов, о том, что каждый город имеет свое лицо и нельзя их превращать в безликие, нельзя нарушать исторически сложившиеся архитектурные ансамбли. Все выступления были интересными, яркими»³⁹¹.

Учреждение региональных отделений ВООПИиК (республиканских АССР, краевых, областных, районных), согласно постановлению Совмина РСФСР об организации этого общества, необходимо было провести до 1 января 1966 г.³⁹² В октябре 1965 г. Тюменский облисполком, принял реше-

³⁹¹ АОАС. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–7.

³⁹² Охрана памятников истории и культуры. М., 1973. С. 149.

ние «Об образовании организационного Комитета по подготовке областной учредительной конференции Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры»³⁹³ и поручил областному управлению культуры, в чьём ведении в этот период находилась сфера охраны памятников истории и культуры, организовать отделения Общества на местах. Рассмотрим последовательность создания и направления деятельности трёх отделений ВООПИиК – областного Тюменского, окружного Ханты-Мансийского, и городского Сургутского, имевших ключевое значение для понимания процесса организации охраны археологического наследия на Севере Западной Сибири. Отметим, что по неизвестным нам причинам окружное отделение ВООПИиК было создано раньше, чем областное.

Учредительная конференция ВООПИиК в Ханты-Мансийске состоялась 24 декабря 1965 г.³⁹⁴ На ней присутствовали 44 делегата, 29 из которых «представляли окружные и городские организации окружного центра. [...] Первым председателем окружного отделения общества стал А. Н. Лоскутов – директор окружного краеведческого музея»³⁹⁵ (подробнее о нём см. прил. 22). От города Сургута присутствовал Ф. Я. Показаньев – заведующий отделом пропаганды и агитации райкома КПСС, директор Сургутского краеведческого музея, от Сургутского района – заведующая районным отделом культуры В. П. Бастркова³⁹⁶. В своём докладе «О целях и задачах общества охраны памятников истории» А. Н. Лоскутов достаточно большое внимание уделил вопросам охраны археологических памятников, приведя статистические данные: «Советские археологи открыли на территории округа более 65³⁹⁷ древних стоянок и городищ...» и перечислил наиболее крупные из них – Барсово городище, Саранпаульские, Щекуринское, Карымское, Полушаим-

³⁹³ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 3.

³⁹⁴ Там же. Л. 11.

³⁹⁵ Собольников Т. Н. Указ. соч. С. 112.

³⁹⁶ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 48.

³⁹⁷ По данным И. А. Талицкой – более 70.

ское, Цингалинское, Белогорское, Вежакарское, Шеркальское, Низямское городища³⁹⁸.

В докладе подробно рассмотрена и проблема физического сохранения памятников: «В связи с широко развернувшимся строительством в нашем округе новых городов, рабочих поселков, железных и шоссейных дорог, газовых и нефтяных трубопроводов и других объектов приходится нередко встречаться с этими историческими и археологическими памятниками»³⁹⁹.

В обсуждении доклада выступили несколько человек, в том числе и Ф. Я. Показаньев, который затронул тему сохранения археологических памятников на Барсовой Горе: «Пора, наконец, взяться за охранение памятников истории и культуры, многие из которых исчезают бесследно потому, что с ними неправильно обращаются. Вот Барсово городище в нашем районе длиною в 6 километров. Оно представляет исключительную ценность для исторической и археологической науки. Но ведь оно ещё совсем не изучено, а уже начинает застраиваться. По плану строительства города Сургута оно со временем полностью застроится. Но разве можно вести застройку, не изучив эту ценную стоянку? Конечно, нет»⁴⁰⁰. Несмотря на искреннюю озабоченность Флегонта Яковлевича судьбой археологических памятников Барсовой Горы, повлиять на сохранность объектов культурного наследия в урочище он так и не смог.

В решение учредительной конференции, кроме мероприятий по подготовке к празднованию 50-летия Советской власти и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, вошли и разделы по охране археологического наследия. Конференция осудила «вредную практику отдельных хозяйственных руководителей, которые без ведома научно-исследовательских учреждений разрушают ценнейшие памятники истории – древние стоянки, городища, могильники», и разъяснила, «что в связи с большим строительством в округе будут

³⁹⁸ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 29–30.

³⁹⁹ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 31.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 11.

встречаться археологические памятники, о которых необходимо немедленно ставить в известность исполкомы сельских Советов и районного Совета, которые после консультации с научными учреждениями дадут разрешение о дальнейшем производстве работ на этих местах»⁴⁰¹. Отдельные пункты решения конференции касались двух археологических памятников – Барсова городища и Юильского городка: «[...] 5. Просить Областной Совет по охране памятников истории и культуры поставить вопрос перед соответствующими органами об ускорении изучения богатейшего памятника археологии «Барского городища»⁴⁰², на месте которого началось строительство города Сургута; 6. Конференция выступает с ходатайством перед исполкомом окружного Совета о восстановлении старейшего архитектурного памятника в Берёзовском районе – Юильской деревянной крепости XVII в.»⁴⁰³.

Делегатами на областную учредительную конференцию общества были выбраны 10 человек, представлявших все районы округа: А. Н. Лоскутов – директор окружного музея, председатель окружного отделения ВООПИиК, З. А. Прибыльская – секретарь окружного отделения ВООПИиК, Р. П. Бурхард – заведующий окружным отделом культуры, В. П. Велемкова – заместитель председателя Окрисполкома, Ф. Я. Показаньев – директор Сургутского музея, Г. Д. Лазарев – редактор Ханты-Мансийской окружной газеты «Ленинская правда», А. В. Котович – архитектор Нижневартовского района, В. М. Петров – заместитель председателя Кондинского райисполкома, У. Н. Зуева – директор Берёзовской средней школы, В. Д. Граховский – заместитель председателя Октябрьского райисполкома⁴⁰⁴.

Структура окружного отделения общества практически полностью копировала структуру Центрального Совета ВООПИиК. На отчётно-выборной конференции, созывавшейся с периодичностью один-два раза в два года, избирался совет окружного отделения общества, возглавляемый председате-

⁴⁰¹ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д.3. Л. 12–13.

⁴⁰² Так в тексте, имеются в виду археологические памятники Барсовой Горы.

⁴⁰³ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 13.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 14.

лем. Из членов совета формировались три секции, отражавшие основные направления деятельности – историческая, пропагандистская и молодёжная (структура региональных отделений ВООПИиК представлена в прил. 13). Историческая секция занималась сбором материалов о героях, которым устанавливались памятники, разрабатывала планы строительства памятников, издавала плакаты, брошюры. Пропагандистская секция отвечала за чтение лекций и проведение тематических экскурсий, освещала проблемы охраны памятников и деятельность общества в средствах массовой информации. Молодёжная секция вовлекала школьников и студентов в деятельность по охране культурного наследия, организовывая шефство над памятниками и походы по историческим местам, преимущественно, связанным с революционными событиями⁴⁰⁵. Благодаря тому, что руководителями секций были, как правило, представители и руководители государственных органов, комсомольских организаций и учреждений культуры, Ханты-Мансийскому окружному отделению ВООПИиК удавалось организовывать широкое сотрудничество с музеями, библиотеками и другими учреждениями и организациями.

На отчётно-выборных конференциях избиралась и финансовая комиссия, в обязанности которой входили сбор взносов и их распределение на нужды общества, в том числе на реставрацию и ремонт памятников⁴⁰⁶.

В административном отношении Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИиК подчинялось Тюменскому областному отделению общества, созданному несколько позднее, в феврале 1966 г. (см. прил. 13).

Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИиК действовало до конца 1980-х гг. В 1970-е гг. в его состав входило 7 районных и 4 городских отделения общества⁴⁰⁷.

Далеко не сразу Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИиК смогло приступить к осуществлению своей деятельности. Тому было не-

⁴⁰⁵ Соболенкова Т. Н. Указ. соч. С. 114–115.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Кузина А. В. Охрана архитектурного наследия в ХМАО в 1960–1980-х гг. (по документам ВООПИиК) // ХМАО в зеркале прошлого: сб. статей. Томск, 2011. Вып. 9. С. 162–163.

сколько причин. Во-первых, общие положение и устав ВООПИиК были приняты только в 1967 г., в то время как формально окружное отделение общества было создано в декабре 1965 г. Во-вторых, вплоть до второй половины 1968 г. в окружном отделении общества не было введено штатной единицы ответственного секретаря общества, что значительно сужало круг его деятельности. По сути, работа общества в 1965–1968 гг. сводилась к популяризации памятников истории, организации шефства над братскими могилами и сбору документов об участниках установления советской власти на территории округа⁴⁰⁸.

Со второй половины 1968 г., когда должность ответственного секретаря окружного отделения ВООПИиК занял учитель, переводчик, краевед В. С. Алачев (о нём подробнее см. прил. 22), деятельность окружного отделения общества активизировалась. В первую очередь, увеличилось количество индивидуальных и коллективных членов общества, и, соответственно, количество внесённых членских взносов. Всего к 1968 г. в окружном отделении ВООПИиК насчитывалось 29 коллективных членов, которые внесли 4600 рублей взносов, и 1147 индивидуальных членов. Из них 16 коллективных членов, внёсших 2847 рублей, входили в Сургутское отделение ВООПИиК, которое, заметим, административно подчинялось Тюмени, и, соответственно, не обязано было подавать сведения в округ. Все индивидуальные члены также относились к Сургутскому отделению⁴⁰⁹.

Большой заслугой Ханты-Мансийского окружного отделения ВООПИиК было то, что в 1960-х – 1970-х гг. оно уделяло значительное внимание вопросам охраны археологического наследия в Сургутском районе, где развернулись широкие работы по его выявлению и изучению. Позднее окружное отделение Общества сосредоточилось на культурном наследии только тех районов, которые непосредственно подчинялись Ханты-Мансийскому

⁴⁰⁸ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 4. Л. 52–53.

⁴⁰⁹ Там же.

окружному отделению ВООПИиК (Берёзовское, Кондинское, Октябрьское и др.).

Областная учредительная конференция ВООПИиК в Тюмени состоялась 9 февраля 1966 г.⁴¹⁰, хотя её проведение было намечено на декабрь 1965 г.⁴¹¹ На конференцию было избрано 167 делегатов, из них присутствовало 140 человек. Выступило в прениях 12 человек⁴¹². В состав рабочего президиума областной учредительной конференции ВООПИиК вошёл и представитель Сургутского района – Ф. Я. Показаньев⁴¹³.

На этой конференции с отчётным докладом выступил председатель Ханты-Мансийского окружного отделения общества А. Н. Лоскутов. В докладе он сообщил об учреждении окружного и районных отделений ВООПИиК в Ханты-Мансийском национальном округе и о том, что эти отделения уже приступили к выполнению своих обязанностей. Среди проведённых мероприятий им отмечены публикация статей о памятниках истории и культуры в местных газетах, организация выступлений в защиту культурного наследия по радио, на собраниях, совещаниях, в школах и других учреждениях, проведение выявления и учёта памятников⁴¹⁴. А. Н. Лоскутов поставил перед областным советом общества и облисполкомом вопрос об организации мероприятий по сохранению двух наиболее ярких объектов культурного наследия в округе – комплекса археологических памятников на Барсовой Горе близ г. Сургута, где требовалось интенсифицировать изучение археологических памятников в связи с активной хозяйственной деятельностью, и Юильского городка – остатков крупного поселения ханты и русских в Берёзовском районе, существовавшем в XV–XVIII вв. Деревянными сооружениями

⁴¹⁰ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁴¹¹ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 3. Л. 6.

⁴¹² ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁴¹³ Там же. Л. 12; Необходимо отметить, что в документах учредительной конференции должность Ф. Я. Показаньева звучит как «председатель Сургутского районного совета Общества охраны памятников», однако это отделение ВООПИиК было образовано после проведения областной учредительной конференции – 15 февраля 1966 г.

⁴¹⁴ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 4. Л. 8–9.

этого поселения уже давно требовалось проведение срочных реставрационных работ⁴¹⁵.

В решении учредительной конференции констатировалось, что делу охраны памятников в Тюменской области со стороны региональных органов власти уделялось недостаточно внимания: учёт памятников всё ещё не налажен, паспортизация объектов культурного наследия отсутствует, памятники истории, архитектуры и археологии находятся в «неудовлетворительном состоянии» и зачастую подвергаются разрушению⁴¹⁶. Однако действенных мер для преодоления проблем сохранения культурного наследия в Тюменской области в решении конференции предложено не было. Государственные органы, ответственные за охрану культурного наследия в области, проигнорировали призывы общественности к улучшению деятельности по охране культурного наследия, и также не принимали никаких мер в этой сфере.

Формирование сети отделений ВООПИиК продолжилось, и к 1968 г. в Тюменской области было образовано 6 городских, 18 районных и 2 окружных отделения ВООПИиК, создана 141 первичная организация, членами которых состояли 15213 человек. В коллективные члены вступили 88 организаций и учреждений⁴¹⁷. В 1970 г. в отделениях ВООПИиК Тюменской области насчитывалось уже 26678 членов общества⁴¹⁸. К 1970 г. в Тюменском областном отделении ВООПИиК работали четыре секции – историческая, пропаганды, молодёжная и архитектурная⁴¹⁹ (см. прил. 13). В 1978 г. в Тюменской области числилось 19 отделений ВООПИиК, из них 8 городских, 10 районных и 1 окружное отделение⁴²⁰ (в прил. 14 изображена карта-схема расположения региональных отделений ВООПИиК). Количество индивидуальных членов общества в 1978 г. составило 170278 человек, коллективных членов – 443 организации и учреждения. От участников общества поступили

⁴¹⁵ Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН». Ф. 5. Д. 4. Л. 9–10.

⁴¹⁶ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28.

⁴¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 191–192.

⁴¹⁸ Там же. Л. 10.

⁴¹⁹ Там же. Л. 11.

⁴²⁰ Там же. Д. 31. Л. 46–47.

взносы в сумме 55823 рублей⁴²¹ Всё это немалое количество человек и достаточно большой объём собираемых взносов было направлено, преимущественно, на осуществление популяризации объектов культурного наследия⁴²².

После того, как в феврале 1966 г. состоялась Областная учредительная конференция Тюменского отделения ВООПИиК, были проведены учредительные конференции в тех регионах, где к этому времени ещё не были созданы отделения Общества. Учредительная конференция прошла и в г. Сургуте. 15 февраля 1966 г. на районном съезде работников культуры по инициативе известного сургутского краеведа Ф. Я. Показаньева было создано Сургутское районное (позднее городское) отделение ВООПИиК⁴²³ (структура отделения представлена в прил. 13). Организационно Сургутское отделение подчинялось Тюменскому отделению ВООПИиК, и лишь в 1984 г. президиум областного совета Общества «признал возможным подчинить в организационно-пропагандистском плане работу вашего отделения окружному совету Общества охраны памятников истории и культуры» в Ханты-Мансийске⁴²⁴. Решение это оказалось формальным и вплоть до приостановления деятельности Общества в 1991 г.⁴²⁵ Сургутское городское отделение ВООПИиК подчинялось Тюменскому отделению Общества.

Обязанности председателя Сургутского отделения общества с 1966 г. по 1971 г., и с 1975 г. по 1979 г. исполнял Ф. Я. Показаньев⁴²⁶. Кроме него пост председателя общества занимали как руководители различных подразделений местных органов власти, так и руководители городской администрации. Например, главные архитекторы города – Б. М. Абелис и А. П. Аболонин руководили Сургутским отделением ВООПИиК в 1979 –

⁴²¹ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 31. Л. 46–47.

⁴²² Там же. Д. 6. Л. 10.

⁴²³ Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени. Тюмень, 1998. С. 48–49.

⁴²⁴ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 123. Л. 37.

⁴²⁵ В 1991 г., в связи с политическим и экономическим кризисом в стране, деятельность общества была прекращена, затем, в 2001 г., Сургутское городское отделение ВООПИиК было создано вновь // Сургутская трибуна. 2001. 20 апреля.

⁴²⁶ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 15. Л. 237; Д. 39. Л. 11.

1981 г.⁴²⁷ и 1981–1985 гг.⁴²⁸ соответственно, председатель Сургутского горисполкома Л. Ю. Рокецкий возглавлял городское отделение общества в 1986–1987 гг.⁴²⁹, а П. А. Мунарев – один из первых председателей Сургутского горисполкома – являлся председателем Сургутского городского отделения ВООПИиК в период с 1988 г. по 1990 г.⁴³⁰

В состав членов Сургутского городского отделения ВООПИиК входили многие руководители учреждений и организации города. Так, по данным на ноябрь 1979 г. Сургутском городском отделении ВООПИиК состояли: А. М. Ахетов – заместитель председателя горисполкома; Л. А. Конев – заместитель председателя райисполкома; В. Я. Русинов – заведующий отделом пропаганды и агитации горкома КПСС; С. П. Малахов – второй секретарь горкома ВЛКСМ; С. В. Липявко – заведующая городским отделом культуры; В. И. Николаенко – заведующий горОНО; И. Е. Коровин – председатель Локосовского сельского совета; А. Н. Карпович – председатель Тундринского сельского совета; Б. С. Рябов – заместитель начальника отдела объединения «Сургутнефтегаз»; А. Ф. Ничушкин – заместитель директора ГРЭС; В. П. Ивашкеев – заместитель директора объединения «Сургуттрансгаз»; В. В. Архангельский – начальник ПТО объединения «Обьнефтегазгеология»; Л. В. Степанова – директор Сургутского краеведческого музея и др.⁴³¹

Первая городская отчётно-выборная конференция Сургутского отделения ВООПИиК, прошедшая в январе 1968 г., постановила считать главной задачей Общества «содействие осуществлению мероприятий партии и правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания трудящихся, повышению их образованности и культуры»⁴³².

⁴²⁷ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

⁴²⁸ Там же. Д. 74. Л. 98.

⁴²⁹ Там же. Д. 139. Л. 146.

⁴³⁰ Исторический вестник. 2006. № 4. С. 1.

⁴³¹ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 59. Л. 18.

⁴³² ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 9. Л. 302.

Таким образом, одним из основных направлений деятельности Сургутского отделения ВООПИиК, как и всего Общества в целом, была популяризация знаний о памятниках истории и культуры. Она велась «путём чтения лекций в коллективах рабочих и служащих на предприятиях и учреждениях, в школах для учителей и учащихся, а также через районную газету и радио»⁴³³. Всего в 1968 г. было прочитано 93 лекции, во втором полугодии 1969 г. – 40, в первом полугодии 1970 г. – 20 лекций. Проведено экскурсий во втором полугодии 1969 г. – 15, в первом полугодии 1970 г. – 10. Численность индивидуальных членов Сургутского отделения Общества составляла в 1968 г. – 918, в 1969 г. – 1774, в 1970 г. – 1959 человек⁴³⁴.

В июне 1968 г. прошла первая отчётно-выборная конференция Тюменского областного отделения ВООПИиК, на которой ответственный секретарь Сургутского городского отделения В. П. Худяшова сделала небольшое сообщение и поделилась некоторыми трудностями в осуществлении деятельности отделения Общества: «Большая часть населения в Сургуте вновь прибывшие и большинство из них живут 2–3 года, а потом уезжают. С таким контингентом работать очень трудно [...] У нас нет наглядных памятников, только мемориальные доски, есть братская могила. Когда нас спрашивают – покажите памятники, мы говорим, что у нас их много, много исторических мест, и мы проводим экскурсии [...] Мы выступаем по радио, в газете, правда, редко, проводим много бесед, в которых мы рассказываем больше о самом Сургуте, чем о памятниках»⁴³⁵. Неясны были также и направления деятельности, которые следовало осуществлять: «придя на работу, я не знала, что делать, за что приняться. Собрала членские взносы, вовлекла в члены, а что делать дальше я не знала»⁴³⁶. Таким образом, в первые годы своего существования Сургутское городское отделение ВООПИиК испытывало значительные затруднения в осуществлении памятникоохранительной деятельности.

⁴³³ Там же. Л. 244.

⁴³⁴ Там же. Л. 194, 199–199 об, 200–200 об.

⁴³⁵ Там же. Д. 6. Л. 216.

⁴³⁶ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 6. Л. 217.

К V отчётно-выборной конференции Сургутского городского отделения ВООПИиК, состоявшейся 13 марта 1974 г., были достигнуты следующие результаты: «... количество первичных организаций возросло с 38 до 115, количество индивидуальных членов увеличилось с 845 до 4965 человек, коллективных членов с 22 до 31»⁴³⁷, было «... проведено 723 лекции и беседы на исторические темы, 163 экскурсии по городу и 98 в музей»⁴³⁸.

Количество индивидуальных членов Сургутского городского отделения Общества в 1975 г. составляло 5300 человек, в 1978 г. – 3671, коллективных – 31 и 36 соответственно⁴³⁹.

В период с 1976 г. по 1979 г. Сургутским городским отделением Общества «выявлено 10 памятников трудовой славы, обследованы историко-революционные памятники, составлена картотека. Открыт памятник трудового подвига рыбаков в годы Великой Отечественной войны. Открыто 4 мемориальные доски»⁴⁴⁰. Таким образом, основное внимание уделялось охране исторических памятников. Об этом прямо говорится в отчётных документах общества: «Совет общества направлял работу первичных организаций и секций на выявление памятных мест и событий из истории г. Сургута и Сургутского района, на увековечение этих событий, на их пропаганду и воспитание молодёжи на революционных, боевых и трудовых традициях партии и народа»⁴⁴¹.

В отношении археологического наследия, по утверждению заместителя председателя Общества Ф. Я. Показаньева, в течение 1971–1973 гг. была проведена «значительная работа»⁴⁴², однако в чём она заключалась, не совсем понятно, так как памятники Барсовой Горы исследовали археологи, а не члены ВООПИиК⁴⁴³. Тем не менее, заметен искренний интерес

⁴³⁷ Там же. Д. 22а. Л. 404.

⁴³⁸ Там же. Л. 406.

⁴³⁹ Там же. Д. 41. Л. 12, 149.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 59. Л. 24.

⁴⁴¹ Там же. Д. 22а. Л. 404.

⁴⁴² ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 22 а. Л. 407.

⁴⁴³ К победе коммунизма. 1973. 4 октября.

Ф. Я. Показаньева к археологическим памятникам Барсовой Горы: «Товарищи! Я лично хорошо знаком с Барсовым городищем и могу сказать, что проведённая работа – это малая часть того, что предстоит ещё обследовать и изучить. В то же время хочу предупредить, чтобы никто не посмел коснуться лопатой к этому удивительному памятнику»⁴⁴⁴.

Несмотря на столь благие начинания, работа по сохранению культурного наследия в Сургутском отделении Общества, особенно в первые годы его существования, не отличалась существенными успехами. В ноябре 1969 г. на III городской отчётно-выборной конференции Сургутского отделения ВООПИиК ответственный секретарь Тюменского отделения Общества отметила следующие недостатки в работе Сургутского отделения общества: «Полностью отсутствуют секции, не работает совет общества, не избран Президиум Совета»⁴⁴⁵. Лишь к концу 1969 г. в Сургутском отделении Общества были образованы три секции – исторических памятников, пропаганды памятников и работы среди молодёжи⁴⁴⁶, из которых к 1979 г. работали только две – историческая и молодёжная.

Деятельность всех секций была направлена, преимущественно, на выявление, сохранение и пропаганду в Сургутском районе «исторических мест, связанных с революционными выступлениями рабочего класса, политической ссылкой»⁴⁴⁷, а также мест, «связанных с именами погибших во время мятежа 1921 г. и во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁴⁴⁸. Историко-революционные памятники, к которым относились братские могилы и места боёв за советскую власть, имели особую ценность. Таковые были выявлены в Сургуте, Тундрино, Локосово и Покуре⁴⁴⁹. Все известные памятники и памятные места г. Сургута и Сургутского района, были «поставлены на учёт, зафотографированы, на все памятники составлены учётные карточ-

⁴⁴⁴ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 22а. Л. 408.

⁴⁴⁵ Там же. Д. 9. Л. 239.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 200 об.

⁴⁴⁷ Там же. Д. 15. Л. 153–154.

⁴⁴⁸ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 15. Л. 154.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 228.

ки»⁴⁵⁰. К середине 1975 г. количество выявленных и поставленных на учёт историко-революционных памятников на территории Сургутского района составляло не более десяти.

Другим направлением деятельности Сургутского городского отделения ВООПИиК была забота о монументальных памятниках и установление новых мемориалов в Сургуте и Сургутском районе. «За шесть лет существования отделение общества совместно с исполкомом городского Совета депутатов трудящихся и горкомом ВЛКСМ [...] установлено 10 мемориальных досок, усовершенствован внешний вид обелиска борцам за советскую власть, открыты памятник-мемориал воинам-сургутянам, погибшим в годы Отечественной войны, памятник Карлу Марксу. В Тундрине и Локосове тоже построены памятники»⁴⁵¹.

В 1973–1975-х гг., согласно генеральной схеме размещения объектов монументальной пропаганды и наглядной агитации, утверждённой бюро горкома КПСС и исполкомом городского Совета депутатов трудящихся, предполагалось установить памятники, посвящённые В. И. Ленину и А. И. Шахиреву, событиям Октябрьской революции 1917 г., гражданской войны 1919–1921 гг., в честь трудовых подвигов сотрудников рыбоконсервного комбината в годы Великой Отечественной войны и нефтегазового освоения Севера Западной Сибири в 1960-е – 1970-е гг.⁴⁵².

На этот период также было запланировано обновление ранее установленных мемориальных досок⁴⁵³ и строительство новых мемориальных комплексов⁴⁵⁴.

Из всего этого перечня Сургутскому городскому отделению, не без помощи горисполкома, удалось осуществить установку трёх мемориальных знаков – «В. И. Ленину на площади у Дома Советов», «на месте расстрела

⁴⁵⁰ Там же. Л. 229.

⁴⁵¹ К победе коммунизма. 1972. 13 мая.

⁴⁵² Там же. 1973. 23 января.

⁴⁵³ К победе коммунизма. 1973. 23 января.

⁴⁵⁴ Там же.

коммунистов и комсомольцев в 1921 г.» и памятный знак «в честь трудового подвига, совершённого рабочими рыбоконсервного комбината и колхозниками Сургутского района в годы Великой Отечественной войны».

Одной из форм привлечения общественности к решению задач по сохранению культурного наследия были всенародные смотры памятников. Смотры были рассчитаны на активизацию памятникоохранительной деятельности на местах в ходе изучения, учёта, охраны, пропаганды памятников, их благоустройства. Однако проводились такие мероприятия в отношении объектов культурного наследия, связанных, преимущественно, с важными историческими датами социалистического периода в РСФСР. Так, в 1965–1967 гг. был проведён смотр памятников, посвящённый 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции; в 1965–1970 гг. – смотр-конкурс в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина; в 1972 г. – посвящённый 50-летию образования СССР; в 1975 г. – смотр памятников боевой славы, посвящённый 30-летию Победы; в 1976–1977 гг. – посвящённый 60-летию Великого Октября; в 1987 г. – посвящённый 70-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Такой однобокий выбор объектов культурного наследия самым печальным образом сказывался на сохранности других видов памятников, в том числе и археологических.

Сургутское городское отделение ВООПИиК в 1972 г. приняло участие в смотре, посвящённом 50-летию образования СССР⁴⁵⁵. Участниками общества за время смотра были осуществлены большинство поставленных перед ними задач: «закончено благоустройство памятников, проведены манифестация молодёжи, торжественные линейки пионеров, походы и выезды комсомолки и пионерии по местам революционной, боевой и трудовой славы Сургутского района. Кроме того, построен памятник комсомолке Александре Новосельцевой в деревне Юган, проведено 550 лекций и экскурсий, создано в школах семь клубов «Поиск», начаты работы по составлению летописи

⁴⁵⁵ Там же. 1972. 23 мая.

предприятий»⁴⁵⁶. Несмотря на то, что смотры внесли существенный вклад в развитие патриотизма граждан, в отношении охраны ОКН, на наш взгляд, эти мероприятия производили впечатление формальности и нерегулярности.

Члены Сургутского городского отделения ВООПИиК в 1976 г. приняли активное участие в обсуждении проекта Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры и даже разработали ряд поправок:

«1. По статье 4. Виды памятников истории и культуры. Пункт 2. «Памятники искусства – произведения монументального, изобразительного и декоративного прикладного искусства» добавить слова «музыкального искусства» и «музыкальные инструменты».

2. По статье 7, где говорится об участии общественных организаций и граждан в осуществлении мероприятий по охране и использованию памятников истории и культуры, следует оговорить, что и содействие в охране, и, тем более, реставрации, должно быть под строгим контролем специализированных организаций и учёных.

3. По статье 21. Переделка и снос построек, хотя и не состоящих под охраной, запрещается без заключения органов охраны памятников, без оценки специалистов»⁴⁵⁷.

Помимо традиционных мероприятий по выявлению и сохранению историко-революционных памятников, во второй половине 1970-х гг. в Сургутском городском отделении ВООПИиК возникло новое для него направление – сохранение архитектурного наследия. 18 декабря 1975 г. на заседании президиума Сургутского городского отделения ВООПИиК ответственный секретарь отделения Т. И. Кейнер выступила с предложением взять под государственную охрану памятники деревянного зодчества – «здания музыкальной школы № 1, краеведческого музея, станции скорой помощи, телефонной станции»⁴⁵⁸. Президиум отделения Общества постановил просить ис-

⁴⁵⁶ К победе коммунизма. 26 декабря.

⁴⁵⁷ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 39. Л. 131 об, 132.

⁴⁵⁸ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 39. Л. 82.

полком городского совета депутатов трудящихся образовать экспертную комиссию для определения технического состояния и архитектурно-художественной ценности этих зданий для принятия их под государственную охрану⁴⁵⁹.

В 1980-х гг. в ходе работы по сохранению отдельных памятников деревянного зодчества в Сургутском горисполкоме появилась идея создания историко-этнографической зоны – территории с исторической застройкой г. Сургута.

Решению проблемы сохранения исторической застройки г. Сургута были посвящены ряд заседаний президиума Сургутского городского отделения Общества. В июне 1981 г. собравшиеся обсуждали вопрос о местонахождении «этнографической зоны»: оставлять её на месте исторической застройки г. Сургута или переместить сооружения в специально отведённое место. Большинство высказалось за первый вариант. Президиум принял решение ходатайствовать перед горисполкомом о создании «мемориальной историко-этнографической зоны г. Сургута»⁴⁶⁰.

В декабре 1981 г. на отчётно-выборной конференции Сургутского городского отделения ВООПИиК вновь был поднят вопрос об исторической застройке г. Сургута. Первый секретарь городского комитета ВЛКСМ С. П. Малахов сообщил, что «обществом было принято решение о фотографировании наиболее ценных участков, отводимых под снос, но выполняется это решение или нет, мне неизвестно»⁴⁶¹. Он также высказал пожелание, чтобы «общество более активно реализовывало свои решения, доводило их до конца. Конечно, определённая работа обществом проводилась, но необходимо более активно привлекать новых членов, специалистов-историков и энтузиастов»⁴⁶².

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Там же. Д. 55. Л. 190–190 об.

⁴⁶¹ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 74. Л. 100.

⁴⁶² Там же. Л. 100.

Главный архитектор г. Сургута и председатель Сургутского отделения ВООПИиК А. П. Аболонин напомнил, что «было принято решение в районе 10 микрорайона энергетиков зарезервировать площадь (около 3 га), представляющую историческое значение. На этой территории предполагается не только оставить часть наиболее ценных в историческом и культурном значении зданий, но и реконструировать и восстановить, воспроизвести некоторые дома. Восстановить деревянные тротуары улиц, ворота домов, резные наличники на домах»⁴⁶³.

В 1983 г. городской Совет народных депутатов принял постановление о создании историко-этнографической зоны под открытым небом на основе наиболее ценных в историческом и архитектурном плане деревянных зданий⁴⁶⁴.

Это решение, помимо архитектурной ценности исторических зданий, было обусловлено и тем, что «Сургут включён в четыре Всесоюзных туристических маршрута. Именно с историко-этнографической зоны и должен начаться рассказ об истории развития города, внесшего неоценимый вклад в освоение просторов Восточной и Западной Сибири»⁴⁶⁵.

К сожалению, решение предусматривало перенос архитектурных сооружений на специально отведённую территорию⁴⁶⁶, хотя многие специалисты не одобряли такого подхода. Например, заместитель председателя Тюменского отделения ВООПИиК В. В. Аликов категорически возражал «против осуществления сноса, перемещения и изменения домов, находящихся в старой части г. Сургута и представляющих историческую и культурную ценность»⁴⁶⁷. Наиболее целесообразным, по его мнению, было применение II варианта проекта создания историко-этнографической зоны, разработанного

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 265. Л. 127–128; К победе коммунизма. 1986. 12 июля.

⁴⁶⁵ К победе коммунизма. 1986. 12 июля.

⁴⁶⁶ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 265. Л. 127–128.

⁴⁶⁷ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 102. Л. 49.

филиалом института ЛенЗНИИЭП, который предусматривал размещение данной зоны на месте исторического расположения памятников⁴⁶⁸.

Однако это нисколько не повлияло на ход событий. В марте 1984 г. президиум Сургутского городского отделения ВООПИиК постановил перенести наиболее ценные деревянные здания на берег реки Саймы и создать там «историко-этнографическую зону»⁴⁶⁹.

Реализация плана по созданию «этнографической зоны» проходила с многочисленными затруднениями, что было вызвано, в основном, отсутствием единого мнения между РЭУ «Тюменьэнерго» – заказчиком по застройке микрорайона № 10, где были расположены здания, имеющие историческую ценность, разработчиком проекта застройки микрорайона институтом ЗапсибЗНИИЭП и Сургутским отделением ВООПИиК⁴⁷⁰. Другим сложным вопросом являлось создание специализированного прорабского участка: в Сургуте в то время не было квалифицированных специалистов для проведения реставрационных работ сооружений, имеющих историческую ценность⁴⁷¹.

Всё же к 1986 г. сотрудниками института «Спецпроектреставрация» был проведён ряд мероприятий по организации сохранения архитектурного наследия г. Сургута: повторно обследована оставшаяся застройка старой части города, уточнён список домов, подлежащих переносу, проведена их фотофиксация, подготовлен эскиз проекта историко-этнографической зоны. Согласно этому проекту на выделенной территории было предусмотрено разместить несколько функциональных зон: музейную, туристско-экскурсионную, зону общественных организаций⁴⁷². В историко-этнографическую зону должны были войти и объекты из приобских поселений Сургутского района. Территориальное развитие предусматривалось и на противоположном берегу реки Саймы. Кроме того, институтом «Спецпроектреставрация» велись ар-

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же. Д. 116. Л. 36.

⁴⁷⁰ К победе коммунизма. 1986. 12 июля.

⁴⁷¹ АОАС. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 487. Л. 69–72; К победе коммунизма. 1986. 12 июля.

⁴⁷² К победе коммунизма. 1986. 12 июля.

хивные изыскания, обмерные работы и подготовка домов к перевозке. Первые здания планировалось перевезти уже в августе – сентябре 1986 г.⁴⁷³,

Проект историко-этнографической зоны был реализован только во второй половине 1990-х гг. К этому времени большинство домов из «старой сургутской застройки» были утрачены, а в самой историко-этнографической зоне установлены «новоделы», совершенно не соотносящиеся с оригиналами домов XIX в.

В отношении археологических памятников в первые годы своей работы Сургутское отделение ВООПИиК, в первую очередь благодаря Ф. Я. Показаньеву, ещё планировало проведение некоторых мероприятий. Так, на июнь 1969 г. было предусмотрено «совершить экскурсию на Барсово городище и зафотографировать наиболее интересные и ярко выраженные места стоянок»⁴⁷⁴. То же самое предполагалось провести и в 1970 г.⁴⁷⁵, но были ли проведены эти изыскания, осталось неизвестным.

В плане работы Общества на 1972 г. значилось «оказать помощь археологам Уральского университета в проведении археологических работ на Барсовом городище в районе строительства железной дороги Тюмень – Сургут»⁴⁷⁶. В течение 1972 г. об этих археологических изысканиях не раз упоминалось в различных отчётах Сургутского отделения ВООПИиК⁴⁷⁷, но совершенно неясно, какую роль выполняли члены этого Общества в раскопках на Барсовой Горе. Сами руководители раскопок никогда не упоминали об участии членов ВООПИиК в археологических исследованиях.

Мероприятия по сохранению и пропаганде археологического наследия Сургутского района были запланированы и на 1974 г.: летом предполагалось «обследовать древние городища по речке Почекуйке и на Першином острове», а осенью – «проверить состояние Барсова городища в связи с большим

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 9. Л. 278.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 205.

⁴⁷⁶ ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 15. Л. 218.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 166, 206.

строительством в этом районе»⁴⁷⁸. В октябре 1974 г. планировалось выпустить плакат: «Археологические памятники»⁴⁷⁹. Данных о выполнении запланированных мероприятий также не сохранилось.

В 1976 г. Сургутское городское отделение ВООПИиК совместно с краеведческим музеем намеревалось выпустить сводный каталог археологических памятников Сургутского района⁴⁸⁰, но, по всей видимости, это начинание так и не было осуществлено.

Лишь в 1983 г. отмечена слабая попытка заняться учётом археологического наследия Сургутского района. На заседании президиума Сургутского городского отделения ВООПИиК было принято решение «после предоставления соответствующих документов от Уральской археологической экспедиции взять на государственный учёт памятник археологии – Барсово городище»⁴⁸¹. По всей видимости, это решение так и не было осуществлено. В целом, учётной деятельности в Сургутском отделении уделяли крайне мало внимания. Об этом свидетельствуют данные полугодовых отчётов, в которых практически всегда стояли прочерки в графе о выявлении и учёте памятников. Исключение составляли лишь объекты исторического наследия, но их количество редко превышало 1–2 памятника⁴⁸².

Таким образом, даже эти весьма скромные начинания Сургутского городского отделения ВООПИиК в области охраны археологического наследия не увенчались сколько-нибудь заметными успехами.

В дальнейшем усилия членов общества сосредоточились на исторических и архитектурных памятниках. Например, в плане работы Сургутского отделения на 1979 г. в разделе «Выявление, изучение, учёт памятников» значится: «принять участие в исследовании памятников, с историей развития нефтяной промышленности Сургутского района и предложения по увекове-

⁴⁷⁸ Там же. Д. 22а. Л. 432.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 430.

⁴⁸⁰ Там же. Д. 39. Л. 85.

⁴⁸¹ Там же. Д. 97а. Л. 27.

⁴⁸² ГБУТО «ГАСПИТО». Ф. 4005. Оп. 1. Д. 9. Л. 199–199 об, 200–200 об; Д. 15. Л. 138–138 об.

чению этих событий», «ускорить установку памятного знака декабристу А. И. Шахиреву», «организовать совместно с музыкальным училищем изучение музыкального фольклора народов Севера и популяризация фольклора»⁴⁸³. На 1980 г., кроме вышеперечисленного, было намечено организовать «выявление и изучение памятников деревянного зодчества» и «ведение летописей во всех с[ельских] советах, совхозах, школах района»⁴⁸⁴.

Таким образом, можно утверждать, что многолетняя деятельность Сургутского отделения ВООПИиК, как, впрочем, и многих других региональных отделений, была направлена, преимущественно, на выявление и сохранение памятников истории Советского государства. Охрана других видов культурного наследия, в особенности археологического, практически не производилась.

Возрождение общественного интереса к охране культурного наследия в 1960-е – 1990-е гг. выразилось и в организации краеведческих музеев в ХМАО – Югре. В течение 30 лет были созданы 11 музеев в каждом из 9 районов округа. Наибольшее количество музеев было учреждено в 1980-х гг. В начале 1960-х гг. по инициативе Ф. Я. Показаньева организован Сургутский краеведческий музей⁴⁸⁵, в 1970-е гг. при активном участии местной интеллигенции созданы Берёзовский, Угутский и Нижневартовский, в 1980-е гг. – Югорский, Урайский, Кондинский, Нефтеюганский, Лянторский, Русскинской и Мегионский краеведческие музеи⁴⁸⁶ (карта-схема расположения музейных учреждений округа представлена в прил. 15). Основным направлением работы музеев округа в этот период являлось формирование этнографической базы музейных фондов, в деятельности по выявлению, учёту, изучению

⁴⁸³ Там же. Д. 57. Л. 9.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 21–22.

⁴⁸⁵ О деятельности Сургутского краеведческого музея подробнее см.: К победе коммунизма. 1965. 6 января; там же. 1967. 11 января; там же. 1967. 29 апреля; там же. 1971. 28 октября; там же. 1972. 2 сентября; 1972. 9 сентября; 1972. 14 сентября; там же. 1972. 16 сентября; там же. 1976. 12 февраля; там же. 1978. 28 января; там же. 1981. 12 июня.

⁴⁸⁶ Музеи России [Электронный ресурс]. URL <http://www.museum.ru> (дата обращения 05.09.2014 г.); Музеи Югры [Электронный ресурс]. URL <http://www.hmao-museums.ru> (дата обращения 05.09.2014 г.);

и сохранению других видов памятников истории и культуры музеи принимали участие крайне редко.

В целом, деятельность ВООПИиК нельзя оценить однозначно. К положительным моментам исследователи традиционно относят широкую популяризаторскую и просветительскую работу общества, развитие познавательного туризма, прекрасно организованную систему сбора членских взносов, которые направлялись на сохранение объектов культурного наследия⁴⁸⁷.

Существенными негативными явлениями в деятельности этой общественной организации, на наш взгляд, были, во-первых, односторонний подход к отбору памятников, проявлявшийся в охране памятников, имевших ценность только с точки зрения развития Советского государства. Во-вторых – несоответствие между принятыми решениями в сфере охраны памятников истории и культуры и реальным воплощением этих мероприятий. В-третьих, направление финансовых ресурсов на сохранение объектов культурного наследия, в первую очередь, в центральные регионы, что приводило к остаточному принципу финансирования памятников провинциальной части государства и ускорению процессов разрушения культурных ценностей в отдалённых регионах. Всё это неминуемо приводило к формализации деятельности ВООПИиК и утрате авторитета этой организации в области охраны памятников истории и культуры.

На Севере Западной Сибири в 1960-е – 1990-е гг. была сформирована мощная сеть региональных отделений ВООПИиК: созданы Тюменское областное, Ханты-Мансийское окружное, Сургутское и другие районные и городские отделения Общества, в состав которых к концу 1970-х гг. входило более 170 тысяч человек. Как правило, в отделениях действовали 3 секции – пропаганды, историческая и молодёжная. Основными направлениями работы региональных отделений ВООПИиК в ХМАО – Югре в этот период являлись пропаганда охраны памятников истории и культуры, а также выявление, учёт

⁴⁸⁷ Соболюникова Т. Н. Указ. соч. С. 110–111.

и сохранение исторических памятников, преимущественно советского периода. Проблемы сохранения археологического наследия ХМАО – Югры были актуальны для первых лет работы региональных отделений ВООПИиК. Большой общественный резонанс вызвала инициатива Сургутского районного отделения ВООПИиК в сфере сохранения архитектурного наследия г. Сургута – его исторической застройки.

2.3. Роль научных организаций в охране объектов культурного наследия

В послевоенные годы значительно активизировались исследования археологических памятников. Об этом свидетельствует динамика количества выданных Открытых листов на территории РСФСР: 1946 г. – 72 листа, 1955 г. – 155, 1965 г. – 232, 1975 г. – 445 листов⁴⁸⁸. Большая часть археологических изысканий производилась на объектах, которым угрожало разрушение в результате хозяйственной деятельности, что стимулировало развитие так называемой «новостроечной археологии», которая в настоящее время носит название «аварийно-спасательной». Новостроечные экспедиционные исследования охватили практически всю территорию СССР, где проводились заметные строительные работы, которые так или иначе могли угрожать сохранению археологических памятников. Эти работы приобрели такой размах, что в Институте археологии АН СССР был организован отдельный сектор, руководивший новостроечными экспедициями Института в пределах РСФСР⁴⁸⁹. Вслед за ним новостроечные экспедиции стали организовываться и в других учреждениях как центрального, так и регионального значения: в университетах, пединститутах, музеях, обществах охраны памятников и др. Объёмы археологических исследований, выполняемых периферийными научными учреждениями на новостройках, порой во многом превосходили объёмы подобных работ центральных учреждений⁴⁹⁰.

Начиная с 1976 г., когда был принят закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры»⁴⁹¹, появилась и нормативная база в отношении проведения аварийно-спасательных раскопок. По этому закону промышленные, строительные и иные организации, ведущие работы в зонах

⁴⁸⁸ Шаманаев А. В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX века). Екатеринбург, 2005. С. 78.

⁴⁸⁹ Матющенко В. И. 300 лет истории сибирской археологии. Том II. Омск, 2001. С. 9–10.

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Закон СССР от 29. 10. 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

расположения археологических памятников, обязаны были финансировать исследования, связанные с их изучением. Можно согласиться с мнением Н. К. Стефановой и В. А. Борзунова, что «из-за несовершенства нормативной базы данный закон «работал» не слишком эффективно, но всё же он позволил археологам воспрепятствовать массовому уничтожению древностей»⁴⁹².

Поскольку в ХМАО на рубеже 1960-х – 1970-х гг. развернулось грандиозное промышленное освоение края, связанное с развитием нефтегазодобывающей отрасли, то «новостроечная археология» получила здесь широкое распространение: археологические изыскания на вскоре стали регулярными, а темпы и объёмы работ возрастали с каждым годом. Расширялась и география полевых работ.

Ведущую роль в полевом исследовании Севера Западной Сибири с конца 1960-х гг. стали играть археологи Уральского государственного университета (УрГУ). Связано это было, как считают Н. К. Стефанова и В. А. Борзунов, «с исключительно дальновидной установкой выдающегося учёного В. Ф. Генинга на развёртывание широкомасштабных археологических исследований на территории от Западного Приуралья до Среднего Прииртышья. В том числе и для этого он организовал в 1968 г. хоздоговорную лабораторию⁴⁹³, сориентировав многих из своих учеников на углублённое изучение проблем археологии Обского Севера. Созданная им лаборатория не прерывала свои изыскания в Ханты-Мансийском автономном округе ни на один сезон. Позднее в этот процесс включились учёные Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, многие из которых начинали свою научную биографию в археологической лаборатории университета»⁴⁹⁴.

На протяжении 1960-х – 1990-х гг. уральские археологи выявили в ХМАО – Югре более 1000 археологических памятников (количество выяв-

⁴⁹² Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таёжного Обь-Иртышья. Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 2002. С. 4–7.

⁴⁹³ Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория (ПНИАЛ).

⁴⁹⁴ Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 8.

ленных археологических памятников в различные периоды представлено в прил. 18)⁴⁹⁵. Из них наибольшее количество археологических объектов найдено в Сургутском районе – свыше 600. Здесь же наиболее часто проводились археологические раскопки: с 1971 по 1989 г. осуществлено 89 стационарных изысканий. Вторым по численности выявленных объектов археологического наследия является Кондинский район – 175 выявленных памятников и 40 раскопанных (соотношение выявленных и исследованных памятников см. в прил. 19). Всего же к 1997 г. в «Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения ХМАО», утверждённый постановлением губернатора округа № 89 от 4 марта 1997 г.⁴⁹⁶, вошло 1092 объекта культурного наследия, из них памятников архитектуры – 48, памятников истории – 32, памятников археологии – 1012 (классификацию памятников см. в прил. 20).

Рассмотрим подробнее основные вехи процесса выявления и изучения археологического наследия в наиболее исследованном в археологическом отношении районе ХМАО – Югры – Сургутском⁴⁹⁷. На протяжении 1970-х – 1990-х гг. уральскими учёными здесь было выявлено три больших археологических комплекса – в урочище Барсова Гора, возле д. Сайгатино и д. Ермаково (карта-схема расположения этих комплексов представлена в прил. 21), и начаты ежегодные стационарные исследования древних поселений и могильников.

Самым крупным комплексом из выявленных в 1960-х – 1990-х гг. археологических памятников по праву является урочище Барсова Гора. История его археологического изучения началась в конце XIX в., но, в основном, изыскания эти были случайные и не всегда профессиональные⁴⁹⁸. Так, известный сургутский краевед Ф. Я. Показаньев в 1950-е -1960-е гг. неодно-

⁴⁹⁵ Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Раздел 4. Д. 4-07. Л. 9–59.

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Подробнее см.: Морозов В. М., Шатунов Н. В. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 62–72.

⁴⁹⁸ Подробнее см.: Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 40–57.

кратно проводил здесь археологические изыскания (несанкционированные, без получения разрешения – Открытого листа), а в 1963 г. он снял план археологических памятников (см. прил. 17). Полноценные научные исследования на Барсовой Горе возобновились лишь со второй половины 1960-х гг. и проводились сотрудниками Уральской археологической экспедиции (УАЭ), входившей в состав ПНИАЛ УрГУ. Впервые разведочная группа УАЭ под руководством Л. Г. Пешковой побывала здесь в 1966 г. Собранный ею материал был передан в Москву известному угроведу З. П. Соколовой. В 1968 г. другая разведочная группа, которую возглавил студент истфака УрГУ Л. В. Сухина, провела топографическую съёмку планов ещё нескольких археологических объектов. В 1971 г., в связи с началом строительства железной дороги Тюмень – Сургут и железнодорожного моста через р. Обь, был заключён первый договор на проведение аварийно-спасательных раскопок археологических памятников Барсовой Горы. С этого времени археологические отряды и экспедиции УрГУ вели ежегодные исследования на Барсовой горе.

Урочище Барсова Гора является уникальным историко-природным объектом. К 2014 г. здесь известно 66 городищ; более 300 стоянок и поселений; 7 могильников; святилища и культовые места. Общее число отдельных объектов превышает 5 тысяч. Ежегодно выявляются ранее неизвестные памятники. В урочище обнаружены и этнографические объекты (например, действующее святилище ханты – дома Лук-Эвэт-Ики), изучение которых только началось. Кроме того, в урочище произрастают редкие виды растений, занесённые в Красные книги ХМАО – Югры и Тюменской области.

Археологические исследования в ХМАО широко освещались прессой, как местной, так и областной⁴⁹⁹. Первые данные об итогах работ УАЭ на Барсовой Горе в 1971 г. были опубликованы В. Ф. Генингом в газете «Уральский университет». В заметке сообщалось, что в урочище Барсова Гора открыто

⁴⁹⁹ См.: Носкова А. В., Чемякин Ю. П. Барсова гора в средствах массовой информации. Аннотированный указатель статей // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 209–221.

около 600 древних построек, «да почти столько же оказалось разрушенными»⁵⁰⁰. Об итогах исследований на Барсовой Горе в 1973 г. В. Ф. Генинг в интервью внештатному корреспонденту газеты «К победе коммунизма» и одновременно заведующей отделом культуры райисполкома Т. Коркиной сообщил следующее: «Замечательной особенностью памятника является то, что здесь происходило наслоение культур. А это встречается редко. [...] Предметы материальной культуры [обнаруженные археологами на Барсовой Горе – А. С.] дают возможность проследить межплеменные связи и древние торговые пути. Найденные на Барсовой Горе серебряное блюдо с позолотой, бронзовые зеркала, эполетообразные застёжки, относящиеся условно к XIII–XIV вв. (явно не местного происхождения) говорят о развитии товарообмена, торговли древних людей, населяющих Югорскую землю»⁵⁰¹. В этом интервью руководитель отдела культуры поинтересовалась, не повредит ли «большое строительство», которое ведётся в Сургутском районе, археологическим памятникам? На этот вопрос В. Ф. Генинг дал исчерпывающий ответ: «До научных исследований на археологических памятниках запрещаются проведение земляных работ, рубка леса и вообще все виды работ, которые могут разрушить памятник или нанести ему повреждение. Особенно важно, чтобы люди знали и помнили это»⁵⁰². К сожалению, руководитель районного отдела культуры не приняла во внимание серьёзность этого заявления, разрушение археологических объектов в ходе строительства не прекратилось.

История исследования древностей региона, конечно же, не исчерпывалась памятниками Барсовой Горы, планомерно и непрерывно изучаемых на протяжении десятилетий. В 1968 г. в окрестностях д. Сайгатино Сургутского района (см. прил. 21) был открыт ещё один комплекс археологических объектов, признанный впоследствии вторым по значимости и величине в районе и во всем округе. Тогда разведгруппа УАЭ УрГУ, руководителем которой яв-

⁵⁰⁰ Уральский университет. 1972. 28 февраля.

⁵⁰¹ К победе коммунизма. 1974. 20 июня.

⁵⁰² Там же.

лялся Л. В. Сухина, обнаружила археологические памятники вблизи д. Сайгатино на восточном берегу Кучиминского сора. Археологи сняли первые планы и дали общее описание объектов. Следующее посещение Сайгатинского урочища состоялось в 1975 г. Разведгруппа УАЭ УрГУ, возглавляемая А. А. Нифонтовым, выявила здесь ещё несколько археологических памятников. Основные археологические исследования в Сайгатино развернулись с 1981 г. в связи с предстоящим промышленным освоением территории и продолжались достаточно интенсивно в течение почти 10 лет⁵⁰³. В 1980-е гг. исследователи Сайгатинского археологического «куста» – А. П. Зыков, К. Г. Карачаров, Л. М. Терехова – обнаружили здесь более 70 памятников археологии, из них 41 селище, 24 городища и 6 могильников⁵⁰⁴.

Оценивая значение археологических изысканий в Сайгатино, можно согласиться с В. М. Морозовым и Н. В. Шатуновым, что в ходе многолетних исследований Сайгатинского урочища был накоплен «солидный объём новой, зачастую уникальной, информации по многочисленным аспектам жизнедеятельности древнего населения Сургутского Приобья в эпоху железа – эпоху великих преобразований в таёжном обществе и формирования аборигенных этносов. Помимо получения фактических данных, на сайгатинских некрополях впервые была отработана методика исследования погребальных комплексов в песчаных почвах северной тайги и получен новый (для района) источник для исторических реконструкций – антропологический материал»⁵⁰⁵.

О результатах работ археологов в Сайгатинском урочище регулярно сообщалось в местной периодической печати. Об открытии захоронения IX–X вв. н.э. в окрестностях д. Сайгатина говорилось в интервью с руководителем раскопок Л. М. Тереховой⁵⁰⁶, она же рассказала корреспонденту газеты «Ленинская правда» о захоронении воина и существовании в древнеугорском

⁵⁰³ Морозов В. М., Шатунов Н. В. Указ. соч. С. 63.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Вечерний Свердловск. 1983. 2 сентября.

обществе «групп профессионалов узкой специализации»⁵⁰⁷. О найденных в Барсовском и Сайгатинском могильниках серебряных сосудах, оружии, бронзовых фигурках писали «Известия»⁵⁰⁸.

В начале 1970-х гг. был обнаружен третий по величине «куст» археологических памятников – в окрестностях д. Ермаково (см. прил. 21). Впервые археологи появились здесь в 1972 г., когда одна из групп УАЭ УрГУ, руководителем которой являлся Н. Г. Смирнов, выявила несколько археологических объектов в междуречье рек Агана и Тромъёгана. В 1973 г. на правом берегу Тромъёгана в районе д. Ермаково ими же была найдена ещё одна группа памятников, составляющих комплекс городищ и селищ. На одном из них было расположено действующее святилище. Долгое время окрестности д. Ермаково оставались единственным местом, где помимо Барсовой Горы были проведены археологические раскопки. В последующем в результате разведок В. М. Морозова, С. Г. Пархимовича и А. А. Нифонтова в районе д. Ермаково было открыто ещё несколько мест скопления археологических объектов на р. Вачингурийягун, Савуй-Пеу, Эгутъягун, Яккунурий – правобережных притоках р. Тромъёган, а также на её левобережных старицах в непосредственной близости от деревни. «Общее количество обнаруженных памятников, датируемых в пределах от позднего бронзового века до нового времени, превысило 110 единиц. Среди них представлены все известные в регионе типы: селища, городища, могильники, святилища, местонахождения, так же, как и все виды визуально фиксируемых в рельефе остатков построек»⁵⁰⁹.

Таким образом, полевая информация, полученная вблизи д. Ермаково, дополнила результаты раскопок на Барсовой Горе, лежащие в основе методики исследований памятников в условиях песчаных почв Севера⁵¹⁰.

⁵⁰⁷ Ленинская правда. 1986. 27 сентября.

⁵⁰⁸ Известия. 1987. 1 сентября.

⁵⁰⁹ Морозов В. М., Шатунов Н. В. Указ. соч. С. 62.

⁵¹⁰ Там же. С. 63.

Сургутская пресса не оставалась равнодушной к находкам уральских учёных. «Конечно, Тромъёгану, как археологическому явлению, далеко, например, до знаменитой Барсовой Горы в окрестностях Сургута с её уникальным скоплением городищ и селищ по южному краю ледниковой морены. Да, Барсова Гора – это звезда первой величины [...] Хотя звезда Тромъёгана только ещё восходит (правильнее, пожалуй, говорить о созвездии), но уже сейчас ясно, что свет её распространится далеко за пределы владений Торума»⁵¹¹.

Кроме исследований трёх крупных археологических комплексов, которые осуществлялись под руководством уральских археологов, нужно отметить ещё несколько пунктов археологических изысканий, где работали археологи из других вузов.

В 1985 г. Я. А. Яковлев, археолог из Томского государственного университета, в среднем течении р. Большой Юган осмотрел два памятника, о которых ему сообщил директор краеведческого музея с. Угут П. С. Бахлыков, и открыл здесь ещё два ранее неизвестных археологических объекта. В бассейне рек Большого и Малого Юганов в 1970-е – 1980-е гг. проводила археологические исследования и В. И. Семёнова – сотрудник Тюменского областного краеведческого музея. В общей сложности ею были открыты 37 памятников, расположенных около с. Угут, в урочище Еутские увалы и в окрестностях д. Кинямино.

Кроме того, в 1988–1989 гг. А. В. Соколков и Н. В. Старцев из Тобольского государственного педагогического института провели разведку в районе д. Рускинской. Они нашли здесь 15 новых объектов, увеличив источниковую базу по древностям Тромъёгана, исчерпывавшуюся ранее несколькими группами памятников близ д. Ермаково.

Помимо ХМАО – Югры, уральские учёные проводили археологические исследования и на территории ЯНАО. Впервые к исследованию этого регио-

⁵¹¹ Тюменский комсомолец. 1975. 26 сентября.

на УАЭ УрГУ приступила в 1976 г.⁵¹² При этом, как верно заметила И. А. Сорокина, в ЯНАО было проведено почти в 6 раз меньше исследований, чем в ХМАО, что можно объяснить тяжёлыми полевыми условиями, труднодоступностью многих районов и малым количеством осваиваемых промышленных территорий в ЯНАО⁵¹³.

Таким образом, уральские учёные, а вслед за ними и научные деятели из других регионов, на протяжении долгих лет весьма успешно осуществляли важнейшую часть охраны культурного наследия – его выявление и изучение.

Охрана памятников, как известно, содержит в себе и такой важный элемент как учёт, т. е. документирование объектов культурного наследия. Однако и эту функцию выполняла не городская или районная администрации, как это следовало по законодательству, а сотрудники ПНИАЛ УрГУ. Первые шаги по учёту и организации охраны древностей Сургутского района были сделаны в 1968 г., когда Л. В. Сухина провёл разведку в окрестностях г. Сургута и д. Сайгатино и выявил несколько городищ и селищ. На эти объекты он составил паспорта, которые были отправлены в Министерство культуры РСФСР, а также в управление культуры Тюменского облисполкома и в отдел культуры Сургутского городского Совета депутатов трудящихся⁵¹⁴. В исполком же Сургутского района информация о наличии памятников археологии не поступила⁵¹⁵. Однако, чтобы поставить на учёт эти памятники, понадобилось указание управления культуры Тюменского облисполкома, направленное в 1983 г. Оно оповещало Сургутский райисполком о списке вновь выявленных в Сургутском районе памятниках археологии и обязывало в течение месяца поставить включенные в него памятники под государственную охрану. Также должны были быть взяты на государственную охрану и памятники, не состоявшие на учёте. Кроме того, предписывалось выслать в

⁵¹² Сорокина И. А. Полевая археология в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах: феномен роста // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 114.

⁵¹³ Сорокина И. А. Указ. соч. С. 115; Фёдорова Н. В. Указ. соч. С. 106.

⁵¹⁴ ГБУТО «ГАТО». Ф. Р-1731. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–18.

⁵¹⁵ Носкова А. В., Чемякин Ю. П. Шаги по сохранению древностей Барсовой Горы: хронология событий // «Барсова Гора: древности таёжного Приобья», Екатеринбург, 2008. С. 16.

управление облисполкома «все копии решений по вопросам охраны, реставрации и использования памятников [...] для утверждения принятых на местах решений»⁵¹⁶. Тем не менее, мы не располагаем документальными свидетельствами выполнения перечисленных охранных мероприятий. Первый список памятников археологии был утвержден решением Сургутской районной администрации лишь в 1993 г.⁵¹⁷

Следующая попытка провести учёт археологического наследия в Сургутском районе была предпринята уральскими учёными в 1987–1990 гг. В течение этого времени ими были составлены паспорта на 237 археологических объектов⁵¹⁸. А в 1991 г. сотрудниками ПНИАЛ УрГУ был подготовлен первый проект Государственного списка недвижимых памятников археологии Сургутского района (всего 79 объектов, обнаруженных в период с 1972 по 1991 гг.)⁵¹⁹. Памятники имели статус местного значения. В июне 1993 г. эти ОКН приобрели статус памятников истории и культуры⁵²⁰. Данное решение касалось только археологического наследия Барсовой Горы, остальные археологические памятники, выявленные в Сургутском районе в то же время и позднее, были включены в «Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения ХМАО» в 1997 г.

Наиболее трудноразрешимой задачей в области организации охраны археологических памятников Сургутского района являлось обеспечение физической сохранности объектов культурного наследия. В первую очередь эта проблема касалась крупнейшего археологического комплекса в урочище Барсова Гора. Как уже отмечалось, в 1971 г. начались широкомасштабные раскопки и одновременно обследование урочища, вызванные строительством железной дороги Тюмень – Сургут. Выявленная картина потрясла специали-

⁵¹⁶ Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4.21. Т. 1. Л. 4.

⁵¹⁷ АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 718. Л. 8–16.

⁵¹⁸ Малышкин А. В., Кениг А. В., Селянина М. Ю., Шатунов Н. В., Визгалов Г. П. Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2006. С. 132–134.

⁵¹⁹ Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4.21. Т. 1. Л. 108.

⁵²⁰ Там же. Л. 112.

стов: за два года были открыты 45 городищ и тысячи объектов на неукрепленных поселениях. В связи с таким количеством и разнообразием археологических памятников, В. Ф. Генинг высказал идею создания на Барсовой Горе археологического заповедника. Эту идею впоследствии уральские археологи много раз пытались довести до руководства Сургутского района и города Сургута. В 1973–1974 гг. начальник Сургутского отряда УАЭ Ю. П. Чемякин ставил вопрос перед органами власти о необходимости организации действенной охраны уникального урочища; в конце 1980-х гг. В. М. Морозов, Н. В. Фёдорова и Ю. П. Чемякин подготовили и передали в отдел по культуре Сургутского райисполкома отчёт «Археологический комплекс урочища Барсова Гора в Сургутском районе Тюменской области»⁵²¹, в котором была дана характеристика древностей урочища, рассмотрена их культурно-хронологическая принадлежность, обоснована необходимость охраны, однако администрация не смогла предпринять необходимые меры для регулирования хозяйственного освоения этой территории.

Первые шаги в придании урочищу статуса охраняемой территории был предприняты местными органами государственной власти в 1989–1991 г. Инициатива по организации музея-заповедника на Барсовой Горе по-прежнему исходила от уральских учёных.

24 июля 1989 г. исполнительный комитет Барсовского поселкового Совета народных депутатов принял решение «Об охране археологических памятников на Барсовой горе». Им предусматривалось «создание заповедной зоны на Барсовой горе, с полным запрещением всех видов хозяйственной деятельности, и ограничением неорганизованных посещений», а также ряд других мероприятий по учёту и популяризации археологических памятников (паспортизация, разработка «наглядной агитации» о памятниках Барсовой Горы, создание археологического музея в п. Барсово)⁵²². Несмотря на обшир-

⁵²¹ БИИКФ СР. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 74.

⁵²² Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4.21. Т. 1. Л. 10–11.

ный перечень мероприятий по охране памятников археологии, реализовать это решение не удалось.

В этом же году исполком Сургутского районного Совета народных депутатов подготовил два законодательных акта об организации заповедной зоны на Барсовой Горе. В решении № 198, принятом 28 августа 1989 г., устанавливалась граница заповедной зоны, запрещались проезд автотранспорта, строительство новых объектов, дорог и другая хозяйственная деятельность на территории заповедной зоны, а также предусматривалось, что «... Посещение заповедной зоны разрешено только организованной группе туристов с мая по октябрь»⁵²³. Решением № 225 от 26 октября 1989 г. вся «сохранившаяся часть «Барсовой горы» объявлялась «охранной и заповедной зоной (8 кв. км)»⁵²⁴; исполкому Барсовского поссовета поручалось установить охранные знаки, а предприятиям и организациям — прекратить активную строительную и хозяйственную деятельность на указанной территории. В решении подчёркивалось, что «отвод земель под народно-хозяйственную деятельность» возможен только после согласования с археологами УрГУ, как наиболее осведомлёнными о древностях урочища⁵²⁵. Предусматривалось и создание группы по проектированию музея «Барсова Гора» при кооперативе «Синтез». Отделам по делам народностей Севера, архитектуры и строительства райисполкома надлежало изучить вопрос о возможности строительства здания для создания постоянной археологической группы на Барсовой Горе с условиями хранения необходимого оборудования, материалов, коллекций и работы научных сотрудников. В решении № 225 было также записано: «Просить исполком окружного Совета народных депутатов ввести в статус памятников областного (или республиканского) значения заповедную зону «Барсовой горы» и изыскать возможность целевого выделения средств на исследование археологических памятников, имеющих особое научное значение.

⁵²³ Там же. Л. 12.

⁵²⁴ Там же. Л. 13.

⁵²⁵ Там же.

Кроме временной передачи на хранение и ведение исследовательских работ работникам Уральского отделения АН СССР — запретить вывоз археологических находок за пределы района, материалы раскопок использовать в экспозициях будущего музея «Барсовой горы» и передвижных выставок»⁵²⁶. Во многом эти два решения дублировали друг друга, и также оказались невыполненными.

После очередного обращения уральских археологов было принято решение Президиума Сургутского районного Совета народных депутатов XXI созыва № 35 от 5 ноября 1990 г. «Об объявлении урочища «Барсова гора» заповедной зоной». В нём констатировалось, что «...организации и предприятия, дислоцирующиеся на территории посёлка, не соблюдают требований по охране окружающей среды. В результате безответственного отношения вырублен лес около посёлка, проложено много дорог, древние захоронения разрушены жителями. Назрела вполне реальная угроза самому существованию уникального комплекса»⁵²⁷. Это решение тоже оказалось декларативным.

Очередная попытка организовать археологический заповедник относится к 1991 г. Исполнительный комитет Сургутского районного Совета народных депутатов принял решение № 240 от 22 августа 1991 г. «Об открытии государственного природно-археологического парка «Барсова гора» (ГПАНП «Барсова гора»)»⁵²⁸. Согласно ему, временные промышленные и сельскохозяйственные объекты (геофизическую базу Обской геофизической экспедиции, стрельбище военной части, летние фермы совхоза «Сургутский»), надлежало вывести «за территорию национального парка»: до 1 октября 1991 г. должен был решиться вопрос с землеотводом под территорию природно-археологического парка «Барсова гора». Землеотвод под музей-заповедник длился несколько лет, с 1992 по 1996 гг., но так и не был завершён: Федеральная служба лесного хозяйства России отказала в переводе лес-

⁵²⁶ Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4.21. Т. 1. Л. 14.

⁵²⁷ Там же. Л. 15.

⁵²⁸ Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4.21. Т. 1. Л. 25–26.

ных земель в нелесные⁵²⁹. Итогом это постановления было преобразование музея-заповедника в районный орган по охране памятников истории и культуры⁵³⁰. В ведомственном отношении это учреждение находилось в подчинении отдела по культуре Сургутской районной администрации.

В 1991 г. сотрудниками Института истории и археологии УрО АН СССР и Уральского госуниверситета, среди которых были известные уральские археологи и этнографы А. П. Зыков, В. М. Морозов, Н. В. Фёдорова, Ю. П. Чемякин, А. В. Головнев и др., по поручению отдела культуры Сургутского райисполкома был подготовлен научный отчёт-программа по теме: «Составление комплексной научно-исследовательской программы археолого-этнографических исследований в Сургутском районе»⁵³¹. В нём анализировался опыт, в том числе зарубежный, создания охраняемых археологических территорий, предлагалось создание музейно-научного комплекса «Барсова Гора» и его филиалов в других местах крупных скоплений археологических памятников, типа Сайгатино. Практическое применение этой программы нам зафиксировать не удалось.

Подводя итоги, отметим, что ни в 1980-х – 1990-х гг., ни в настоящее время музей-заповедник на Барсовой Горе организован не был. Одной из главных причин малой эффективности попыток музеефикации комплекса Барсова Гора, на наш взгляд, явилась изначально неверная стратегия создания особо охраняемой историко-культурной территории. Вопрос решался на муниципальном, а не на федеральном уровне, что противоречило законодательству в сфере охраны памятников истории и культуры. Полномочиями по созданию национального парка обладало Правительство РФ, а никак не органы местной власти. В такой же степени неправомерной была постановка под охрану памятников районным Советом народных депутатов, что, после раз-

⁵²⁹ Носкова А. В., Чемякин Ю. П. Указ. соч. С. 16–17.

⁵³⁰ В 1993 г. ГПАНП «Барсова Гора» был преобразован в Природно-археологический центр «Барсова Гора», в 1999 г. – в муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора», в 2010 г. – в муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Барсова Гора».

⁵³¹ БИИКФ СР. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 93.

граничения государственного и местного уровней власти, являлось превышением полномочий со стороны регионального органа власти. Кроме того, организация охраны памятников – это задача администрации, а не учёных, которые не имели правомочий на производство подобных работ.

Таким образом, на федеральном уровне государственная система охраны культурного наследия в 1950-е – 1990-е гг. приобрела многоуровневый и централизованный характер: была сформирована государственная структура, ответственная за сохранение культурного наследия – Министерство культуры РСФСР с региональными подразделения – областными, окружными, районными и городскими отделами культуры. Эта система практически без изменений функционировала вплоть до начала 1990-х гг. В это же время были изданы и основополагающие законодательные акты по охране ОКН, установившие полномочия и функции «культурных институтов» (государственных органов власти, общественных организаций и научных учреждений) в области выявления, учёта, изучения и популяризации культурных ценностей.

На региональном уровне в ХМАО – Югре в 1950-е – 1990-е гг. местные органы власти отличались крайней пассивностью в области охраны памятников истории и культуры, и чрезвычайно редко проводили мероприятия по их выявлению, учёту и сохранению. Отделения ВООПИиК, созданные в округе в середине 1960-х гг. с целью оказания помощи госорганам в сохранении ОКН, сосредоточились на охране исторических и архитектурных памятников, количество которых не сопоставимо с археологическими: к началу 1990-х гг. в округе было выявлено и поставлено на учёт 48 памятников архитектуры, 32 памятника истории и 1012 памятников археологии. В итоге функции государственных органов по охране памятников археологии – наиболее многочисленного вида ОКН – выполняла, в определённой мере, научная организация – УАЭ УрГУ. Свердловские археологи долгое время занимались как выявлением, исследованием, учётом памятников археологии,

так и, по возможности, контролем над их состоянием. Они же выступали инициаторами принятия законодательных актов по охране ОКН ХМАО – Югры. Однако огромные расстояния и труднодоступность памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири значительно затрудняли усилия учёных по охране памятников археологии и нередко приводили к разрушению культурных ценностей в зонах хозяйственной деятельности промышленных организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истинное значение культурного и природного наследия в жизни Земли и человечества ещё только начинает осознаваться общественностью. При этом заметно расширяется само представление о наследии. В него включаются уникальные и эталонные природные и культурно-исторические комплексы, отдельные объекты материальной и духовной культуры, объекты живой и неживой природы, произведения искусства, традиционные формы хозяйства, социокультурной жизни и природопользования, применяемые технологии.

Для того чтобы культурное наследие, и археологическое в том числе, могло играть конструктивную роль в жизнеобеспечении современного общества и среды его обитания, необходимы эффективные меры по его охране и использованию. Полноценная программа работ по охране национального достояния от негативного воздействия естественных и антропогенных факторов включает развёрнутую систему мероприятий по выявлению, восстановлению, изучению и использованию памятников истории и культуры. Попытка осуществить весь этот комплекс мероприятий по государственной охране культурного наследия России была произведена в эпоху Советского государства.

Исходя из критериев создания и реорганизации уполномоченных органов охраны памятников истории культуры, в процессе формирования и развития системы охраны ОКН в советское время выделяются два периода: 1) 1917 – конец 1940-х гг. и 2) 1950-е – начало 1990-х гг.

На федеральном уровне первый период характеризуется появлением законодательных актов об охране культурных ценностей (декреты «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», изданные в 1918 г.) и институционализацией памятникоохранительного дела в 1917–1920 гг. (учре-

ждение Отдела по делам музеев и охране памятников Наркомпроса РСФСР и РАИМК), централизацией органов охраны памятников истории и культуры в 1921–1927 гг. и ведомственной разобщенностью в 1928–1940-х гг.

На региональном уровне советская система охраны культурного наследия в этот период предусматривала создание местных органов власти, ответственных за охрану ОКН – комитетов/секций по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (губмузеев). На Севере Западной Сибири из-за более позднего установления советской власти, осложненного противодействием антибольшевистского движения, региональный орган охраны памятников был учреждён позднее, чем в центральных губерниях: секция музеев и охраны памятников старины Тюменского губернского ОНО начала свою работу в 1920 г., но просуществовала недолго. Из-за проведения административно-территориальной реформы 1923 г., приведшей к упразднению Тюменской губернии, новые органы власти, в чьём ведении сосредоточились бы функции по охране памятниками истории и культуры, созданы не были. Несмотря на кратковременность своей работы, секции удалось осуществить ряд мероприятий по охране памятников истории и культуры в Тюменской губернии: провести выявление и учёт ОКН Тюмени, создать Тюменское общество изучения края, улучшить работу Тюменского губернского музея.

В сложившейся ситуации на Севере Западной Сибири в 1920-е – 1930-е гг. функции региональных органов по охране памятников истории и культуры осуществляли Тобольское и Тюменское краеведческие общества, которые занимались практической работой по выявлению, описанию и учёту ОКН. Уральское областное бюро краеведения, в состав которого входила комиссия по охране памятников старины, возглавило руководство методической работой краеведческих учреждений в регионе.

Активизация деятельности государственных органов по учёту памятников истории и культуры на региональном уровне фиксируется только в

конце 1940-х гг., что было связано с изданием в 1948 г. постановления Совмина СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры». В соответствии с этим законодательным актом в 1948–1951 гг. Ханты-Мансийский окружной отдел КПП предпринял первую попытку проведения учёта памятников истории и культуры в округе. Результаты паспортизации показали отсутствие ОКН на большей части округа, что не соответствовало действительности: к этому времени в ходе эпизодических исследований Севера Западной Сибири археологи выявили на территории ХМАО – Югры более 70 памятников археологии.

Для второго период формирования государственной системы охраны памятников истории и культуры в СССР (начало 1950-х – начало 1990-х гг.) характерно восстановление и централизация государственной системы охраны культурного наследия на федеральном и региональном уровнях. В 1953 г., после длительного перерыва, был учреждён специальный государственный орган – Министерство культуры РСФСР, в ведении которого сосредоточились функции по управлению охраной всех видов памятников истории и культуры. На местах сформировался аппарат министерства – отделы культуры при исполнительных комитетах. В него вновь были включены как административные органы центрального и регионального уровней, так и научные, и просветительские учреждения. В середине 1960-х гг. в помощь государственным органам в области охраны памятников было создано ВООПИиК, имевшее филиалы практически в каждой области, районе или городе страны.

В этот период значительно улучшилась и законодательная база по охране объектов культурного наследия – в 1976 и 1978 гг. были приняты законы СССР и РСФСР соответственно по охране и использованию памятников истории и культуры, а в 1982 и 1986 гг. – изданы несколько дополняющих их инструкций. Всё это активизировало охрану памятников и существенно повысило качество реставрационной, научно-исследовательской и просветительской работы.

Региональные органы власти в ХМАО – Югре в этот период уделяли наибольшее внимание вопросам выявления и учёта памятников истории (монументов и мест захоронений времен Октябрьской революции и периода Великой Отечественной войны, мемориалов, посвященных трудовым и революционным подвигам советского народа). В отношении памятников археологии, которые составляют подавляющее большинство выявленных ОКН в округе, региональные органы власти ограничивались изданием декларативных приказов о необходимости их сохранения.

Региональные отделения ВООПИиК, созданные в середине 1960-х гг. практически во всех районах ХМАО – Югры и Тюменской области, развернули широкую популяризаторскую и просветительскую деятельность, направленную на осознание гражданами необходимости бережного отношения к культурным ценностям. Однако выбор объектов культурного наследия, охрану которых осуществляли члены общества, зачастую отличался однобокостью и был направлен, преимущественно, на сохранение и приумножение памятников истории Советского государства. Особенно ярко эта особенность проявилась в деятельности Сургутского городского отделения ВООПИиК. Несмотря на то, что члены Общества были прекрасно осведомлены о богатом археологическом наследии Сургутского района, памятники археологии не входили в сферу его интересов. Соответственно, местные органы власти, которым Сургутского городское отделение ВООПИиК призвано было помогать, под охраной культурного наследия подразумевали исключительно сохранение монументов и мемориальных знаков, посвящённых деятелям революции или достижениям в нефтегазодобывающей промышленности.

В итоге осуществлением мероприятий по охране памятников истории и культуры в ХМАО – Югре занимались не местные органы государственной власти – окружной, городские и районные отделы культуры исполкомов, а представители науки – уральские археологи, которые в конце 1960-х гг. приступили к широкому научному изучению Севера Западной Сибири в связи с

интенсивным развитием нефтегазодобывающей промышленности. На протяжении 1960-х – 1990-х гг. уральскими археологами были достигнуты значительные результаты в области выявления, учёта, изучения, популяризации и сохранения объектов археологического наследия.

Во многом подобная ситуация, когда охраной культурного наследия занимаются не государственные органы, а различные научные учреждения и общественные организации, не имеющие на то ни полномочий, ни финансовых ресурсов, характерна и для современной системы охраны памятников истории и культуры. На наш взгляд, для более эффективного сохранения культурного наследия, в том числе и археологических памятников, требуется координация действий администраций разных уровней, научных организаций и хозяйствующих субъектов.

Наметившийся в начале 1990-х гг. переход к новым методам охраны культурного наследия подразумевает обеспечение превентивных мер по сохранению памятников, в частности, проведение историко-культурной экспертизы до начала природопреобразующей деятельности. Попытка реализовать данную систему предпринимается в ХМАО – Югре с начала 1990-х гг. и в целом показывает положительные результаты. Однако для наиболее эффективного осуществления охраны культурного наследия недостаёт более широкого контроля над сохранением ОКН.

Дальнейшее совершенствование системы охраны памятников истории и культуры в ХМАО – Югре, как нам представляется, состоит в том, чтобы более активно включать ОКН в современную жизнь, сочетая рациональное использование наследия с надежной его охраной и изучением. Данная деятельность предполагает комплексный подход к сохранению памятников истории и культуры – переход от охраны точечных объектов к воссозданию среды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОАС	Архивный отдел администрации г. Сургута
АКБ	Агитационно-концертная бригада
АН	Академия наук
АССР	Автономная советская социалистическая республика
АУ ХМАО – Югры «ЦОКН»	Автономное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»
БИИКФ СР	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВООПИиК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВПНРК	Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦНИЛКР	Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
Вып.	Выпуск
ГА ХМАО	Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
ГАИМК	Государственная академия истории и материальной культуры
ГАУК ТО ТИАМЗ	Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник»
ГБУТО ГАСПИТО	Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области»
ГБУТО ГАТО	Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
Главнаука	Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра Наркомпроса
Главполитпросвет	Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР
Главсоцвос	Главное управление социального воспитания и политического образования Наркомпроса РСФСР

Горисполком	Городской исполнительный комитет
Госстрой СССР	Государственный комитет СССР по делам строительства
ГПАНП	Государственный природно-археологический парк
Губисполком	Губернский исполнительный комитет
Губмузеи	Губернские комитеты по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы
ГубОНО	Губернский отдел народного образования
Губполитпросвет	Губернский отдел политико-просветительной работы
Губревком	Губернский военно-революционный комитет
ГУОП	Главное управление охраны, реставрации и использования памятников
Д.	Дело
ДК	Дом/Дворец культуры
Изд-во	Издательство
Интурист	Государственное акционерное общество по иностранному туризму в СССР «Интурист»
Информкультура	Информационный центр по проблемам культуры и искусств при Государственной библиотеке им. В. И. Ленина
Исполком	Исполнительный комитет
КПО	Культурно-просветительный отдел
КПР	Культурно-просветительная работа
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ	Комитет по делам культурно-просветительных учреждений
Л.	Лист, листы
ЛенЗНИИЭП	Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий Государственного Комитета по архитектуре и градостроительству при Госстрое СССР
МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»	Муниципальное автономное учреждение Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
МО	Мостостроительный отряд
Моссовет	Московский городской совет
МУ ИКНПЦ «Барсова гора»	Муниципальное учреждение историко-культурный научно-производственный центр «Барсова гора»

Наркомат	Народный комиссариат
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
Науч.	Научный, научное, научная
НИИ	Научно-исследовательский институт
НИЦ	Научно-исследовательский институт по комплексным проблемам развития и управления отраслями культуры
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НЭП	Новая экономическая политика
ОблОНО	Областной отдел народного образования
ОИК	Общество изучения края
ОИМК	Общество изучения местного края
Окрисполком	Окружной исполнительный комитет
ОкрОНО	Окружной отдел народного образования
ОНО	Отдел народного образования
Оп.	Опись
ПНИАЛ	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
п/о	производственное объединение
РАИМК	Российская академия истории и материальной культуры
Райисполком	Районный исполнительный комитет
РайОНО	Районный отдел народного образования
РАЭСК	Региональная археолого-этнографическая конференция студентов и молодых учёных
РЭУ	Распределительное электросетевое управление
Ревком	Революционный комитет
РК	Районный комитет
РКП(б)	Российская коммунистическая партия большевиков
РСФСР	Российская советская федеративная социалистическая республика
с/совет	Сельский совет
Сов.	Советский, советское, советская
Совдеп	Совет депутатов трудящихся
Совмин	Совет Министров
Совнарком	Совет народных комиссаров
СССР	Союз советских социалистических республик
Том.	Томский, томское, томская
Тр.	Труд, труды
УАЭ	Уральская археологическая экспедиция
УКМПТиС СР	Управление культуры, молодёжной политики, туризма и спорта администрации Сургутского района
Ун-т	Университет

УОБК	Уральское областное бюро краеведения
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
УОНО	Уездный отдел народного образования
Урал.	Уральский уральское, уральская
УрГПУ	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	Уральский государственный университет
УрО РАН	Уральское отделение Российской академии наук
Учеб.	Учебный, учебное, учебная
Ф.	Фонд
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦБК	Центральное бюро краеведения
ЦГРМ	Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦК	Центральный комитет
ЮНЕСКО	Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Нормативно-правовые акты

1. Закон СССР от 15.03.1946 г. о преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик в Советы министров союзных и автономных республик [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.bestpravo.ru>.
2. Закон СССР от 29.10.1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых актов. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2002. – 494 с.
4. Конвенция ЮНЕСКО от 16.11.1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org>.
5. Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М.: изд-во «Весь мир», 2000. – 528 с.
6. Охрана памятников истории и культуры. М.: «Сов. Россия», 1973. – 192 с.
7. Охрана и использование памятников культуры: сборник нормативных актов и положений. М.: МГУКИ, 2004. – 243 с.
8. Постановление ВЦИК от 10.12.1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Совнаркома РСФСР от 10.06.1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Совнаркома РСФСР от 17.11.1945 г. № 663 «Об утверждении Положения о Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме РСФСР» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Архивные документы

11. Архивный отдел администрации г. Сургута (АОАС).
 Ф. Р-1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» (1924–1993 гг.);
 Ф. Р-3. Сургутский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» (1965–1993 гг.);
 Ф. Р-12. Отдел народного образования исполнительного комитета Сургутского районного Совета народных депутатов (1934–1997 гг.);
 Ф. Р-63. Отдел культурно-просветительных учреждений исполнительного комитета Сургутского районного Совета депутатов трудящихся (1945–1952 гг.);
 Ф. Р-108. Отдел культуры исполнительного комитета Сургутского районного Совета народных депутатов (1955–1996 гг.);
 Ф. Р-169. Отдел народного образования Сургутского уездного военно-революционного комитета (1920–1921 гг.);
 Ф. Р-217. Фонд личного происхождения «Показаньев Флегонт Яковлевич» (1594–1996 гг.).
12. Архив автономного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия» (Архив АУ ХМАО – Югры «ЦОКН»). Ф. 5. Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИ-иК (1965–1989 гг.).

13. Архив муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» (Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора»). Раздел 4. Производственные документы (1975–2013 гг.).
14. Архив управления культуры, молодёжной политики, туризма и спорта администрации Сургутского района (Архив УКМПТиС СР). Книга приказов отдела культуры. 1953–1955 гг.
15. Библиотечно-информационный историко-культурный фонд Сургутского района (БИИКФ СР). Ф. Р-4. Подраздел неопубликованных письменных источников (отчёты о НИР, градостроительная документация, диссертации, рукописи). 1958–2013 гг.
16. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГА ХМАО). Ф. Р-247. Отдел культуры Ханты-Мансийского окрисполкома (1945–1996 гг.).
17. Государственное автономное учреждение культуры Тюменской области «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» (ГАУК ТО «ТИАМЗ»). Коллекция документов.
18. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 167. Отдел народного образования исполнительного комитета Тобольского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Тобольск Уральской области, 1919–1934 гг.
19. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области» (ГБУТО «ГАСПИТО»). Ф. 4005. Тюменское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1965–1993 гг.

20. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО «ГАТО»). Ф. Р-80. Отдел народного образования исполкома Тюменского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918–1924 гг.;
Ф. Р-84. Отдел народного образования исполкома Тюменского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1923–1930 гг.;
Ф. Р-1731. Комитет по культуре администрации Тюменской области. 1953–1994 гг.
21. Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив Свердловской области» (ГКУ СО «ГАСО»).
Ф. Р-241 «Комитет по экономике правительства Свердловской области (г. Екатеринбург)». Начат 03.11.1923 г.;
Ф. Р-677. Свердловское областное бюро краеведения Народного комиссариата просвещения РСФСР, 1924–1934 гг.
22. Федеральное казённое учреждение «Государственный архив Российской Федерации» (ФКУ «ГА РФ»).
Ф. А639 «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)». 1965–1986 гг.;
Ф. А2306 «Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР)». 1917–1988 гг.;
Ф. А2307 «Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР. 1921–1933 гг.

3. Периодическая печать

23. Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Издание Тобольского общества изучения края. Тобольск, 1927–1930 гг.
24. Вечерний Свердловск. Газета Свердловского горкома КПСС и городского Совета народных депутатов. Свердловск, 1957–1991 гг.

25. Известия. Орган Советов народных депутатов СССР. М., 1917–2014 гг.
26. Известия Центрального бюро краеведения. Издание Центрального бюро краеведения. М., 1925– 1937 гг.
27. Исторический вестник. Газета Сургутского городского отделения ВО-ОПИиК. Сургут, 2006–2014 гг.
28. К победе коммунизма (с 1990 г. – «Сургутская трибуна»). Орган Сургутского районного комитета КПСС, городского и районного Совета депутатов трудящихся Тюменской области. Сургут, 1934–1990 гг.
29. Краевед. Приложение к газете «Новости Югры». Ханты-Мансийск, 1995–2000 гг.
30. Краеведение. Журнал Центрального бюро краеведения. М., 1923–1937 гг.
31. Краевед-массовик Московской области. Журнал Общества изучения Московской области. М., 1925–1937 гг.
32. Красное знамя (с 1944 г. – Тюменская правда). Орган Тюменского окружного комитета ВКП(б), окружного исполкома и окружного профсоюзного бюро. Тюмень, 1926–1944 гг.
33. Ленинская правда. Орган Ханты-Мансийского окружного совета народных депутатов (после 1991 г. – «Новости Югры»). Ханты-Мансийск, 1956–1991 гг.
34. Мы – вместе. Газета Сургутской городской организации журналистов. Сургут, 2000–2014 гг.
35. Народное просвещение. Журнал Наркомпроса РСФСР. М., 1918–1930 гг.
36. Наука и её работники. Журнал Петроградской комиссии по улучшению быта учёных. Петроград, 1920–1922 гг.
37. Наш край. Журнал Тобольского общества изучения края. Тобольск, 1924–1926 гг.
38. Сургутская трибуна. Общественно-политическое издание Думы г. Сургута (бывшая «К победе коммунизма»). Сургут, 1990–2014 гг.

39. Трудовой набат. В 1921–1923 гг. – орган Тюменского губкома РКП(б) и Губисполкома; в 1924–1926 гг. – орган Тюменского окружного комитета РКП(б) и окрисполкома. Тюмень, 1921–1926 гг.
40. Тюменский комсомолец (с 1991 г. – «Наше время»). Орган Тюменского областного и городского комитета ВЛКСМ. Тюмень, 1953–1991 гг.
41. Уральский университет. Издание Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Свердловск, 1936–2011 гг.
42. Югра. Издание администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 1993–2014 гг.

II. Литература

1. Абрамов, И. В. Культурный ландшафт как ресурс туризма (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) / И. В. Абрамов // Географический вестник. – 2009. – № 1. – С. 1–8.
2. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень: б. и., 2003. – 304 с.
3. Азар, В. И. Проект статуса уникальных исторических территорий / В. И. Азар, Ю. А. Веденин, С. Ю. Житенёв, Н. М. Забелина, Н. А. Никишин, П. М. Шульгин, К. М. Яновский // Научно–общественный совет по уникальным историческим территориям. Сборник материалов I всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий: сб. ст. – М.: б. и., 1990. – С. 29–36.
4. Алексеев, В. В. Историческое наследие Югры как ресурс социально–экономического развития / В. В. Алексеев // Уральский исторический вестник. № 9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург: б. и., 2003. – С. 6–16.
5. Алексеева, Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: национально-государственное строительство и население / Л. В. Алексеева. – Нижневартовск: изд-во Нижневартовского педагогического института, 2002. – 264 с.
6. Алексеева, Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация / Л. В. Алексеева. – Нижневартовск: изд-во Нижневартовского педагогического института, 2006. – 390 с.
7. Алексеева, Л. В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты / Л. В. Алексеева. – Екатеринбург: «Планета Здоровья», 2003. – 251 с.

8. Алексеева, М. В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия / М. В. Алексеева. – Ростов н/Д.: б. и., 2009. – 293 с.
9. Андронов, С. А. Роль общественности в охране и использовании памятников истории и культуры для коммунистического воспитания трудящихся / С. А. Андронов // Музееведение и охрана памятников. Общественная охрана памятников истории и культуры в СССР: науч. реферативный сб. – М.: б. и., 1976. – Вып. I. – С. 3–6.
10. Бадер, О. Н. Вопросы учёта, охраны и использования археологических памятников / О. Н. Бадер // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР. – Вып. 7. – М.: б. и., 1974. – С. 4–12.
11. Батов, В. И. Практика государственной охраны памятников в РСФСР (1960–1980 гг.) / В. И. Батов, Т. Н. Панкратова, Е. Н. Чернявская // НИИ культуры. Памятники и современность. Вопросы освоения ИКН. – М.: б. и., 1987. – С. 133–149.
12. Беда, А. М. Охрана культурного наследия / А. М. Беда, В. В. Гучков, А. Н. Журов. – М.: ЮИ МВД РФ, 1999. – 71 с.
13. Безбородова, Л. Г. Деятельность И. Я. Словцова по изучению археологического наследия Западно-Сибирского региона / Л. Г. Безбородова, В. И. Семёнова // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: б. и., 1997. – С. 31–43.
14. Белов, С. Л. Музеи Тюменского края в 1920-е гг. / С. Л. Белов // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: б. и., 2001. – С. 367–386.
15. Белозерова, И. В. Из истории учёта культурных ценностей в первые годы Советской власти. 1918–1921 гг. (по материалам Отдела письменных источников ГИМа) / И. В. Белозерова // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1990. – С. 55–73.

16. Беспрозванный, Е. М. Нормативные, правовые и методические основы сохранения историко-культурного наследия при проектировании и проведении хозяйственных работ, эксплуатации недр на территории Ханты-Мансийского автономного округа / Е. М. Беспрозванный, Г. З. Вайсман // Северный археологический конгресс: тезисы докладов / 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 398–401.
17. Бобоедова, Н. Д. Правовая реформа и законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры / Н. Д. Бобоедова // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1990. – С. 8–20.
18. Бобров, В. В. Двадцатилетие кафедры археологии / В. В. Бобров, Л. Ю. Китова // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. КемГУ. – Кемерово: б. и., 1999. – С. 3–6.
19. Богуславский, Г. А. Из истории советского законодательства об охране памятников: Декрет от 5 октября 1918 г. / Г. А. Богуславский // Правоведение. 1987. – № 5. – С. 87–93.
20. Боярский, П. В. Введение в памятниковедение / П. В. Боярский. – М.: б. и., 1990. – 218 с.
21. Боярский, П. В. Концепция формирования системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий на Новой Земле / П. В. Боярский, С. В. Гусев // Новая Земля. – Вып. IV. – Т. 3. – М.: б. и., 1994. – С. 13–30.
22. Брайчевский, М. Ю. Сохранить памятники истории / М. Ю. Брайчевский // История СССР. – 1966. № 2. – С. 205–226.
23. Бубликова, С. А. Подвижник Уральского краеведения / С. А. Бубликова // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. – Екатеринбург: б. и., 1997. – С. 242–243.

24. Бугров, Д. В. О принципах использования исторических памятников в организации туризма / Д. В. Бугров, А. В. Умников // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 352–355.
25. Бугров, Д. В. Археологические ресурсы как объекты индустрии туризма Д. В. Бугров, Ю. П. Чемякин // III Северный археологический конгресс: доклады. – 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 268–291.
26. Булатов, Н. М. Опыт музеефикации археологических (каменных) остатков на территории РСФСР / Н. М. Булатов // НИИ культуры: сб. науч. тр. – № 109. – М.: б. и., 1982. – С. 84–114.
27. Булатов, Н. М. Принципы организации археологических музеев-заповедников / Н. М. Булатов // НИИ культуры. – Труды 28. – Вып. III. – М.: б. и., 1975. – С. 77–113.
28. Булыгин, И. А. Из истории первых мероприятий Советской власти по охране памятников культуры и искусства / И. А. Булыгин, Троицкий С. М. // Вестник мировой культуры. – 1958. – № 3. – С. 169–174.
29. Буровский, А. М. Изучение или разрушение? / А. М. Буровский, С. П. Якуцени // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: изд-во ИА РАН, 2008. – С. 97–99.
30. Васильев, В. Г. Метод контролирующего наблюдения в экспериментальном домостроительстве / В. Г. Васильев // II Северный Археологический Конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 262–264.
31. Веденин, Ю. А. Вместо предисловия: к истории создания Института Наследия / Ю. А. Веденин // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: информ. сб. – Вып. № 10. – М.: Институт Наследия, 2002. – С. 3–6.

32. Веденин, Ю. А. Культурная география / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. – М.: Институт Наследия, 2001. – 192 с.
33. Веденин, Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
34. Веденин, Ю. А. Место и роль наследия в возрождении культурного ландшафта России / Ю. А. Веденин // Тезисы докладов II международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1992. – С. 6–18.
35. Веденин, Ю. А. О работе Научно-общественного совета по сохранению и развитию уникальных исторических территорий при Российском международном фонде культуры / Ю. А. Веденин // Тезисы докладов II международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1992. – С. 3–6.
36. Веденин, Ю. А. Основные положения современной концепции управления культурным наследием / Ю. А. Веденин // Ориентиры культурной политики: информ. вып. № 9. – М.: б. и., 2000. – С. 81–91.
37. Веденин, Ю. А. Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: информ. сб. – Вып. № 10. – М.: Институт Наследия, 2002. – С. 7–18.
38. Веденин, Ю. А. Основные положения современной концепции по управлению культурным и природным наследием / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия: материалы шестой Всероссийской конференции: сб. науч. ст. – М.: РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2002. – С. 5–14.

39. Веденин, Ю. А. Основы географического подхода к изучению и сохранению культурного наследия / Ю. А. Веденин // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. № 12. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 3–21.
40. Веденин, Ю. А. Проблемы возрождения и развития уникальных исторических территорий в СССР / Ю. А. Веденин // Научно–общественный совет по уникальным историческим территориям. Сборник материалов I всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1990. – С. 6–28.
41. Веденин, Ю. А. Проблемы сохранения культурного и природного наследия в зонах катастроф / Ю. А. Веденин // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 3. – М.: Институт Наследия, 1996. – С. 3–14.
42. Веденин, Ю. А. Семинар «Мониторинг археологического наследия» / Ю. А. Веденин // Мониторинг археологического наследия: науч.–практический семинар 30 марта – 1 апреля 1998 г.: тезисы докладов. – М.: б. и., 1998. – С. 3–5.
43. Веденин, Ю. А. Современные подходы и опыт организации археологических музеев-заповедников / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин, С. В. Гусев // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 358–359.
44. Веденин, Ю. А. Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия (документы и комментарии) / Ю. А. Веденин, Ю. Л. Мазуров // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 8. М.: Институт Наследия, 2000. – С. 3–14.
45. Ведмидь, Г. П. Архитектурно-планировочный анализ территории археологического комплекса Барсова Гора / Г. П. Ведмидь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 8. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 63–98.

46. Ведмидь, Г. П. Градостроительный аспект планировки территорий зон историко-культурного назначения (на примере урочища Барсова Гора) / Г. П. Ведмидь // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 23–44.
47. Векслер, А. Г. Система мониторинга памятников археологии в г. Москве / А. Г. Векслер, Л. В. Кондрашев // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М.: б. и., 2000. – С. 172.
48. Великанов, Ю. С. Сохранение наследия России. / Ю. С. Великанов. – СПб.: Северо-Западный НИИ наследия, 2001. – 162 с.
49. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры (1917–1927) / Отв. ред. М. П. Ким. – М.: Наука, 1985. – 526 с.
50. Визгалов, Г. П. Особо охраняемая территория как средство сохранения историко-культурного и природного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе / Г. П. Визгалов // Северный археологический конгресс: тезисы докл. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 402–404.
51. Волков, Р. Б. Археологическое наследие исторических городов (к проблеме сохранения историко-культурного наследия Екатеринбурга) / Р. Б. Волков, В. М. Морозов, С. Н. Погорелов // Вторые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург, 28–29 апреля 1999 г. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999. – С. 201–203.
52. Воробьева, Г. А. Проблемы безопасности объектов культурного наследия / Г. А. Воробьева, Н. Е. Бердникова, Н. Н. Красная, К. Г. Левик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул: б. и., 1999. – С. 29–30.

53. Востряков, Л. Е. Управление наследием: от восстановления «точечных» объектов – к воссозданию среды / Л. Е. Востряков // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 3. – М.: Институт Наследия, 1996. – С. 31–40.
54. Вохменцев, М. П. Охранные мероприятия на объектах археологического наследия в Курганской области (итоги, проблемы) / М. П. Вохменцев // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 5. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. – С. 194–201.
55. Высшие органы государственной власти и центрального управления РСФСР. 1917–1967 гг. М.: б. и., 1971. – 325 с.
56. Габдрахманова З.М. Организация охраны археологического наследия на современном этапе / З. М. Габдрахманова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306. – С. 53–56.
57. Габдрахманова, З. М. К проблеме подготовки специалистов-археологов в области государственной охраны памятников истории и культуры / З. М. Габдрахманова // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых учёных. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 32–34.
58. Габдрахманова, З. М. Пути организации охранных археологических работ на современном этапе в свете действующего законодательства / З. М. Габдрахманова // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения: сборник музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. – Вып. 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 301–307.

59. Гаврилова, Л. А. Деятельность фонда «Археологическое наследие» по сохранению памятников археологии при реализации межрегиональных промышленных проектов / Л. А. Гаврилова // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докладов. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 9–12.
60. Галкова, О. В. Культурный ландшафт как часть всемирного наследия (по документам ЮНЕСКО) / О. В. Галкова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 4. – С. 156–159.
61. Галкова, О. В. Проблема типологизации памятников истории и культуры / О. В. Галкова // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. № 3. – Т. 47. – С. 95–100.
62. Галкова, О. В. Теоретические основы культурного наследия / О. В. Галкова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. – Философия. – 2011. – № 3. – С. 110–114.
63. Гаман, А. Д. Первые итоги деятельности инспекции по охране памятников г. Томска-7 / А. Д. Гаман // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. V. – Ч. 1. – Барнаул: б. и., 1995. – С. 32–35.
64. Гарданов, В. К. Музейное строительство в РСФСР / В. К. Гарданов, Ю. Ф. Кононов // Вопросы истории. – 1955. – № 4. – С. 117–123.
65. Гарданов, В. К. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) / В. К. Гарданов // История музейного дела в СССР: сб. науч. ст. – М., 1957. – С. 7–36.
66. Генинг, В. Ф. Очерки по истории советской археологии / В. Ф. Генинг. – Киев: Наукова Думка, 1982. – 224 с.

67. Главацкая, Е. М. Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926–1927 гг.: история организации / Е. М. Главацкая [Электронный ресурс] URL: <http://www.abdn.ac.uk>.
68. Главацкая, Е. М. По следам «забытой» экспедиции: приполярная перепись в Северо-Западной Сибири / Е. М. Главацкая // Родина. – 2005. – № 12. – С. 16–19.
69. Глебова, О. С. Проблемы и перспективы музеефикации археологического наследия Омской области (на примере Окунёвского археологического микрорайона) / О. С. Глебова, М. А. Корусенко // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 264–265.
70. Глотов, М. Б. Социальный институт: определение, структура, классификация / М. Б. Глотов // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 13–19.
71. Годованец, Ю. А. Сохранение культурных ценностей: теория и практика применения международных стандартов: автореф. дис. ... к. культурологии: 24.00.01 / Годованец Юрий Анатольевич / М., 2004. – 28 с.
72. Голдина, Р. Д. Об актуальных проблемах региональной археологии (на примере Урало-Поволжского региона) / Р. Д. Голдина, Е. М. Черных // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 265–267.
73. Гольдин, М. М. Опыт государственного управления искусством. Деятельность первого отечественного Министерства культуры / М. М. Гольдин. – М.: б. и., 2003. – 142 с.

74. Горшков, С. В. Новые подходы к возвращению утраченных археологических артефактов в социокультурную среду ХМАО – Югры / С. В. Горшков // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 267–268.
75. Горшков, С. В. Практическое использование археологического наследия Югры на современном этапе / С. В. Горшков // III Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 8–13 ноября 2010 г, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 314–315.
76. Горшков, С. В. Прикладной характер археологических изысканий в создании музейно-туристских комплексов и маршрутов на территории Ханты-Мансийского автономного округа / С. В. Горшков // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г, Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 359–361.
77. Гревс, И. М. Очередная задача краевого культуроведения / И. М. Гревс // Краеведение. – 1928. – № 6. – Т. 5. – С. 368–369.
78. Гришаев, И. А. Национально-культурная политика в Российской Федерации: принципы и механизмы / И. А. Гришаев, Е. Н. Соколов, Т. М. Мастюгина, О. А. Мурашко, Л. С. Перепёлкин, Н. Е. Руденский, С. С. Соколовский, В. Г. Стельмах // Ориентиры культурной политики: информ. вып. № 1. – М.: б. и., 1994. – С. 3–24.
79. Гурьевских, О. Ю. Об использовании ландшафтного принципа картографирования территории при выделении охранных зон археологических объектов / О. Ю. Гурьевских, Н. В. Скок, Е. М. Беспрозванный // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 405–407.

80. Гусев, С. В. Сектор охраны и использования археологического наследия / С. В. Гусев, А. В. Загорулько // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: информ. сб. – Вып. № 10. – М.: Институт Наследия, 2002. – С.174–282.
81. Гусев, С. В. Археологическая составляющая «Барсовой Горы»: доминанты археологического наследия / С. В. Гусев // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее: сб. науч. ст. – Сургут: Диорит, 2004. – С. 303–309.
82. Гусев, С. В. Мониторинг археологического наследия в Арктике (методические основы) / С. В. Гусев // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 407–408.
83. Гусев, С. В. Музеефикация как метод сохранения и использования археологического наследия / С. В. Гусев // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г. – Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 269–270.
84. Гусев, С. В. Основные направления и методы охраны археологического наследия в 1980-е – 1990-е гг. / С. В. Гусев, А. В. Загорулько // Археологический фактор в планировочной организации территории: материалы семинара. – М.: Институт Наследия, 1997. – С. 236–243.
85. Гусев, С. В. Проблемы составления «Кадастра земель историко-культурного назначения» / С. В. Гусев // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М., 2000. – С. 198–202.
86. Гусев, С. В. Формирование археологического мониторинга в России / С. В. Гусев // Мониторинг археологического наследия: научно-практический семинар 30 марта – 1 апреля 1998 г.: тезисы докладов. – М.: б. и., 1998. – С. 5–7.

87. Гусева, Т. В. Охранная археология как вид нормативно-регулируемой деятельности в современном обществе / Т. В. Гусева // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: изд-во ИА РАН, 2008. – С. 111–113.
88. Дергачёва, О. И. Сохранение и использование национально–культурного наследия коренных малочисленных народов Александровского района Томской области / О. И. Дергачёва // Угры: материалы VI-го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 519–529.
89. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. / Науч. ред. Ю. Ф. Кирюшин, Т. В. Тишкина. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2004. – 310 с.
90. Дмитриева, М. В. К вопросу о состоянии проблем историко-культурного наследия в Сургутском районе / М. В. Дмитриева // Бахлыковские чтения-2003: материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию угутского просветителя Петра Семёновича Бахлыкова (22 января 2003 г., с. Угут). – Сургут: ГУП ХМАО «Сургутская типография», 2003. – С. 5–7.
91. Добровольский, Г. В. Сохраняя великое наследие: к 20-летию со дня учреждения Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия / Г. В. Добровольский, Е. П. Челышев // Пространство и время. – 2012. – № 2. – С. 11–16.
92. Древний город на Оби: история Сургута. – Екатеринбург: изд-во «Тезис», 1994. – 336 с.
93. Дьячков, А. Н. Нравственный фактор в сохранении недвижимого культурного наследия / А. Н. Дьячков // Памятники в изменяющемся мире: материалы международной научно-практической конференции. – М.: б. и., 1993. – С. 11–16.

94. Егоров, В. Л. Развитие и становление понятия «Памятник истории и культуры» / В. Л. Егоров // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 100–107.
95. Егоров, В. Н. Формирование системы государственного учёта недвижимых памятников истории и культуры Кемеровской области / В. Н. Егоров // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск – Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 528–531.
96. Ермоленко, А. В. О некоторых проблемах сохранения историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа / А. В. Ермоленко // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: тезисы окружной научно-практической конференции, посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея 24–27 ноября 2003 г. – Сургут: Дефис, 2003. – С. 94–95.
97. Ефремова, Е. В. Вопросы музеефикации археологического наследия в России в публикациях советского периода / Е. В. Ефремова // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: материалы LI Региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 30-летию открытия палеолитического искусства Северного Приангарья и 55-летию организации Красноярской археологической экспедиции, г. Красноярск, 22–25 марта 2011 г. – Красноярск: б. и., 2011. – С. 25–27.
98. Ефремова, Е. В. Консервация и реставрация памятников археологии в процессе их музеефикации / Е. В. Ефремова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 95–101.
99. Ефремова, Е. В. О проблемах определения термина «музеефикация» / Е. В. Ефремова // VII Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 10–11 декабря 2009 г.). Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – С. 133–134.

100. Ефремова, Е. В. Современные проблемы музеефикации памятников археологии в России: историографический аспект / Е. В. Ефремова // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. – Иркутск: изд-во «Оттиск», 2010. – С. 459–460.
101. Ефремова, Е. В. Теоретические вопросы музеефикации археологического наследия в отечественных исследованиях / Е. В. Ефремова // European social science journal. – 2012. – № 8 (24). – С. 309–317.
102. Ефремова, Е. В. Формирование научных представлений о способах экспонирования археологического наследия / Е. В. Ефремова // European applied sciences. – 2013. – № 4. – С. 22–26.
103. Живая память: 80-летию со дня рождения Показаньева Флегонта Яковлевича посвящается. – Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья», 2002. – 32 с.
104. Жук, А. В. Организация археологических исследований в Тобольском крае в 1850–1920-е гг. / А. В. Жук // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 9. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2006. – С. 119–141.
105. Жук, А. В. Периодизация истории отечественной археологии / А. В. Жук // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 417–419.
106. Жуков, Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж» / Ю. Н. Жуков. – М.: Вагриус, 2005. – 336 с.
107. Жуков, Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 / Ю. Н. Жуков. – М.: Наука, 1989. – 304 с.

108. Жуков, Ю. Н. Теоретическое и практическое значение первого государственного списка недвижимых памятников РСФСР (1935 г.) / Ю. Н. Жуков // НИИ культуры. Памятники и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: б. и., 1987. – С. 75–101.
109. Жукова, Е. А. Из истории Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры / Е. А. Жукова // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГПУ, 1997. – С. 213–214.
110. Жукова, Е. А. Свердловское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: история становления и развития / Е. А. Жукова // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра: материалы научно-практической конференции, посвящённой 275-летию города. – 21–22 апреля 1998 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: б. и., 1998. – Ч. 1. – С. 154–158.
111. Загребин, С. С. Культурная политика государства и её реализация на Урале в 1900–1940 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Загребин Сергей Сергеевич. – Екатеринбург, 1999. – 40 с.
112. Зайцева, Е. А. Археологическая карта Сургутского Приобья / Е. А. Зайцева. – Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – 199 с.
113. Зайцева, Е. А. Археологические памятники Сургутского Приобья (археологическая карта: интерпретация и возможности прогнозирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Зайцева Евгения Александровна. – Кемерово, 2011. – 22 с.
114. Зайцева, Е. А. История археологических исследований Сургутского Приобья (конец XIX – 90-е годы XX вв.) / Е. А. Зайцева // Вестник угроведения. – 2012. – № 1 (8). – С. 116–131.

115. Зайцева, Е. А. Методика камерального зонирования в системе охраны объектов археологии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (некоторые итоги и перспективы) / Е. А. Зайцева // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2 (27). – С. 120–124.
116. Зайцева, Е. А. Методика камерального зонирования как фактор обеспечения сохранности объектов археологии в условиях интенсивной хозяйственной деятельности на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Е. А. Зайцева // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 118–120.
117. Зайцева, Е. А. Охранная археология в ХМАО в 1970–2000 гг. / Е. А. Зайцева, Т. Н. Соболяникова // III Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 319–320.
118. Зарубин, Ю. В. Виды охранных археологических полевых работ на территории исторических поселений и их место в процессе накопления научного знания / Ю. В. Зарубин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 120–121.
119. Захаров, И. П. Краткий очерк истории партийной организации / И. П. Захаров, Ф. Я. Показаньев. – Сургут: б. и., 1974. – 58 с.
120. Захаров, Ю. С. Особо охраняемые территории культурного и природного наследия Арктики: архипелаг Новая Земля / Ю. С. Захаров // Труды МАКЭ под общей редакцией П. В. Боярского. Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. – Кн. 1. Природа. Экспедиции на архипелаг Новая Земля под начальством П. В. Боярского в 1994–1997 гг. – М.: б. и., 1998. – С. 41–42.

121. Зданович, Г. Б. Заповедник Аркаим и становление региональной политики в области культурного и природного наследия / Г. Б. Зданович // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. – С. 3–8.
122. Златоустова, В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) / В. И. Златоустова // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). – Сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: б. и., 1991. – С. 226–298.
123. Злочевский, Г. Д. Разгром краеведения в 1927–1936 гг. / Г. Д. Злочевский // Архив наследия-2002: научный сборник. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 204–221.
124. Злочевский, Г. Д. С верой в культурную правду искусства» (П. П. Вейнер) / Г. Д. Злочевский // Наследие Серебряного века. Избранные страницы. – М.: Институт Наследия, 2006. – С. 109–144.
125. Золотарева, Н. В. Капитализация культурного наследия народов Западной Сибири / Н. В. Золотарева, Т. С. Курьянова, О. М. Рындина // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 49–57.
126. Зыков, А. П. Древний Эмдер / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров. – Екатеринбург: «ВОЛОТ», 2001. – 320 с.
127. Зыкова, А. В. Власть и культура на Южном Урале в 50-е – 70-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зыкова Анна Викторовна. – Челябинск, 2011. – 26 с.
128. Иванов, В. Н. Задачи общественной охраны памятников истории и культуры / В. Н. Иванов // Музееведение и охрана памятников. Общественная охрана памятников истории и культуры в СССР: научный реферативный сборник. – М.: б. и., 1976. – Вып. I. – С. 7–12.

129. Идентификация и документация археологических памятников // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С. 10.
130. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сборник документов. 1918–1975 гг. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. – 392 с.
131. Изосимов, Д. А. Охрана памятников археологии на территории Пермского края / Д. А. Изосимов, Л. Х. Маматова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 122–124.
132. Илюшина, А. Наследие Алексея Комеча / А. Илюшина // Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры: сб. ст. А. Комеча и воспоминания о нём / Сост. Н. Самовер. – М.: Искусство-XXI век, 2009. – С. 143–154.
133. Инструкция к Открытому листу на право археологических (палеонтологических) раскопок и обследований. – М.: б. и., 1927. – 42 с.
134. Информация об объектах культурного наследия, расположенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]. URL <http://www.cultura-yamala.ru>.
135. Ионова, О. В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР / О. В. Ионова // Труды НИИ Музееведения. – Вып. II. Очерки истории музейного дела в России. – М.: б. и., 1961. – С. 80–175.
136. Ионова, О. В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти / О. В. Ионова // Труды НИИ Музееведения: сб. ст. – Вып. 1. История музейного дела в СССР. – М.: гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1957. – С. 37–72.
137. Историческое краеведение: учебное пособие / Под ред. профессора Г. Е. Корнилова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. – 240 с.

138. История ВООПИиК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voopik.ru/voopiik/history>.
139. История Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heritage-institute.ru/index.php/about>.
140. История ХМАО с древности до наших дней: учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. – 472 с.
141. История ХМАО с древности до конца XX в.: хрестоматия. Екатеринбург: изд-во «Волот», 1999. – 304 с.
142. Кадневский, В. М. Культурное наследие и проблемы формирования исторического сознания / В. М. Кадневский // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С 16–18.
143. Каменский, С. Ю. Анализ зарубежного опыта популяризации археологического наследия и пути его использования в ХМАО – Югре / С. Ю. Каменский // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 6. – Тюмень; Ханты-Мансийск: изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. – С. 47–54.
144. Карпухин В. И. Тюменский музей в 1940-е гг. / В. И. Карпухин // Словцовские чтения-2002: материалы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2002. – С. 19–20.
145. Карпухин, В. И. Становление краеведческого движения в Тюмени в 1920–1922 гг. / В. И. Карпухин // Словцовские чтения-2001: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2001. – С. 130–132.

146. Кениг, А. В. Итоги и перспективы деятельности окружного центра по сохранению археологического наследия Югры / А. В. Кениг // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докладов. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 3–8.
147. Кениг, А. В. Развитие региональной системы охраны археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / А. В. Кениг // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 127–129.
148. Кениг, А. В. Состояние и перспективы использования историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа / А. В. Кениг // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 2. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 4–12.
149. Кизнер, Ю. И. Управление культурным наследием как управление по ценностям для развития территории / Ю. И. Кизнер // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. – Вып. 7. – Томск; Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 19–23.
150. Киндзерская, М. А. Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России (начало XX в. – конец 1930-х гг.): автореф. дис. ... к. культуролог.: 24.00.03 / Киндзерская Марина Александровна. – Краснодар, 2005. – 23 с.
151. Кирьяков, Ю. С. О необходимости правовой базы сохранения культуры / Ю. С. Кирьяков, Г. З. Вайсман, Е. М. Беспрозванный // Культура и рынок: тезисы докладов международного симпозиума в г. Екатеринбурге 27–30 мая 1994 г. – Екатеринбург: б. и., 1994. – С. 133–135.

152. Кирюшин, Ю. Ф. О взаимодействии научных учреждений и государственных органов охраны памятников на Алтае / Ю. Ф. Кирюшин, П. И. Шульга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул, 1999. – С. 5–12.
153. Кирюшин, Ю. Ф. Проблемы охраны археологических памятников Алтая / Ю. Ф. Кирюшин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. VII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 3–6.
154. Киселёв, А. В. Музейная триада академика А. И. Мартынова (к 80-летию учёного, учителя, коллеги) / А. В. Киселёв, Е. А. Ковешникова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (11). – С. 47–55.
155. Китова, Л. Ю. Из истории краеведения в Сибири в 1920–1930-е гг. / Л. Ю. Китова // Современные проблемы исторического краеведения: к 375-летию Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области: тезисы докладов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – С. 68–70.
156. Китова, Л. Ю. К вопросу о роли краеведческих учреждений и организаций Сибири в изучении и сохранении культурного наследия в 1920-е гг. / Л. Ю. Китова // Проблемы охраны и использования историко-культурного наследия Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – С. 169–177.
157. Китова, Л. Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Китова Людмила Юрьевна. – Кемерово, 2011. – 52 с.
158. Китова, Л. Ю. Начало археологической деятельности В. Н. Чернецова в Сибири / Л. Ю. Китова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: изд-во ТГУ, 2005. – С. 22–24.

159. Китова, Л. Ю. Развитие краеведения в Сибири / Л. Ю. Китова // Краеведение Сибири. История и современные проблемы: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Кемеровского областного краеведческого музея. – 6–8 октября 1999 г. – Кемерово: КОКМ, 1999. – С. 3–8.
160. Китова, Л. Ю. Томск как центр археологического изучения Сибири в 1920–30-е годы / Л. Ю. Китова // Археология Южной Сибири. – Вып. 23: сб. науч. тр., посвящённый 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С. 68–75.
161. Китова, Л. Ю. Феномен расцвета археологических исследований в Сибири в 1919–1920-х гг. / Л. Ю. Китова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 226–228.
162. Китова, Л. Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири / Л. Ю. Китова // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4. – Т. 2. – С. 85–93.
163. Клебанов, Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 176 с.
164. Клейн, Л. С. История археологической мысли. В 2 т. Тт. 1–2 / Л. С. Клейн. – СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 2011. – 688 с. (т. 1), 626 с. (т. 2).
165. Ковалёв, А. А. Пути решения правовых проблем охраны археологического наследия в федеральном законодательстве / А. А. Ковалёв // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул: б. и., 1999. – С. 35–38.

166. Козлов, В. Ф. Источники об отношении к историческим памятникам в РСФСР в 1917–1930 гг. (по материалам московских архивов и музеев) / В. Ф. Козлов // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1990. – С. 40–54.
167. Кокунько, Г. В. Некоторые аспекты общественного движения охраны памятников / Г. В. Кокунько, С. С. Сальников // НИИ культуры. Памятники и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. – М.: б. и., 1987. – С. 150–157.
168. Колонцов, С. В. Землепользование и охрана археологического наследия – проблемы и пути их решения / С. В. Колонцов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. VII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 19–22.
169. Комеч, А. И. Сохранить наследие / А. И. Комеч // Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры: сб. ст. А. Комеча и воспоминания о нём / Сост. Н. Самовер. – М.: Искусство-XXI век, 2009. – С. 134–142.
170. Комеч, А. И. Начинать надо с желания / А. И. Комеч // Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры: сб. ст. А. Комеча и воспоминания о нём / Сост. Н. Самовер. – М.: Искусство-XXI век, 2009. – С. 121–133.
171. Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учёт, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. Свердловск: б. и., 1989. – 203 с.

172. Кондратьева, Л. Я. Сохранение объектов археологического наследия, расположенных в границах строительства Богучанской ГЭС на территории Иркутской области / Л. Я. Кондратьева // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докладов. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 45–50.
173. Кондрашёв, А. Н. О долгосрочных программах сохранения объектов археологического наследия, расположенных в зонах хозяйственной деятельности, как одной из форм культуросберегающей деятельности в ХМАО – Югре / А. Н. Кондрашёв, Я. А. Яковлев, А. С. Дозморov // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. – Вып. 8. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 4–20.
174. Кондрашёв, Л. В. Новые нормативные документы в сфере сохранения археологического наследия и практика их применения / Л. В. Кондрашёв // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 129–131.
175. Кондрякова, Г. Почётные граждане города Сургута / Г. Кондрякова: сб. ст. – Сургут: Диорит, 2006. – 192 с.
176. Конев, А. В. Итоги и перспективы сохранения и использования археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа / А. В. Конев // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 1. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 4–19.
177. Коновалова, Е. Н. Научные экспедиции Тобольского губернского музея / Е. Н. Коновалова // Словцовские чтения – 2002: материалы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2002. – С. 21–22.

178. Коновалова, Е. Н. О научной деятельности Тобольского губернского музея / Е. Н. Коновалова, Л. П. Рощевская // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). – Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 478–480.
179. Копылов, Д. И. Тюменское историческое краеведение: современное состояние, проблемы / Д. И. Копылов // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1995. С. 28–42.
180. Кораблина, М. В. К вопросу о формировании культурного пространства Тюменской области / М. В. Кораблина, Н. В. Шестакова // Культурное пространство региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции 14–15 апреля 2005 г., Тюмень. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – С. 93–98.
181. Королёв, С. В. Сопричастие традициям / С. В. Королёв // Наследники России: [Сб. ст. к 35-летию Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / Сост. Г. И. Маланичева и др.]. – М.: изд-во Правосл. братства св. ап. Иоанна Богослова, 2002. – С. 27–32.
182. Косинская, Л. Л. Археологические памятники севера Западной Сибири / Л. Л. Косинская: уч. пособие по археологии и краеведению. – Сургут, 1998. – 39 с.
183. Кочемасов, В. И. Так все начиналось / В. И. Кочемасов // Наследники России: [Сб. ст. к 35-летию Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / Сост. Г. И. Маланичева и др.]. – М.: изд-во Правосл. братства св. ап. Иоанна Богослова, 2002. – С. 170–189.
184. Краеведные учреждения СССР: Справочник. Л.: б. и., 1925. – 136 с.
185. Кроленко, И. И. Вопросы градостроительной защиты памятников археологии / И. И. Кроленко // Градостроительная охрана памятников истории и культуры: сб. науч. тр. – М.: изд-во НМС МК СССР, 1987. – С. 38–52.

186. Кубрина, Г. А. Информационно-методическое обеспечение сохранения историко-культурного наследия / Г. А. Кубрина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы региональной научно-практической конференции. – Вып. 13. – Барнаул: изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 18–24.
187. Кузина, А. В. Охрана архитектурного наследия в ХМАО в 1960-х – 1980-х гг. (по документам ВООПИиК) / А. В. Кузина // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 9. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 162–169.
188. Кузина, Г. А. Государственная политика в области музейного дела / Г. А. Кузина // Музей и власть: сб. науч. тр. М.: б. и., 1991. – Ч. 1. – С. 96–172.
189. Кузнецова, Л. П. Информационно-правовое обеспечение в области охраны недвижимых памятников истории и культуры / Л. П. Кузнецова // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 6. – М.: Институт наследия, 1998. – С. 14–28.
190. Куклин, С. А. Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистическое описание / С. А. Куклин. – Тобольск: б. и., 1925. – 59 с.
191. Кулемзин, А. М. Аксиома, требующая постоянного доказательства // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде / А. М. Кулемзин. – Кемерово: б. и., 2001. – С. 41–43.
192. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России / А. М. Кулемзин. – Томск: изд-во МУ «Томск исторический», 1999. – 170 с.
193. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление / А. М. Кулемзин. – Кемерово: изд-во облИИУ, 2001. – 328 с.
194. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: автореф. дис. ... д. культурологии: 24.00.03 / Кулемзин Анатолий Михайлович. – Кемерово, 2001. – 34 с.

195. Кулемзин, А. М. Понятие «памятник истории и культуры» в современном отечественном законодательстве / А. М. Кулемзин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. VII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 23–27.
196. Кулешова, М. Е. Понятийно-терминологическая система «Природное и культурное наследие»: содержание и основные понятия / М. Е. Кулешова // Уникальные территории в культурном и природном наследии: сб. науч. тр. М.: изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С 40–46.
197. Кулешова, М. Е. Систематика культурных ландшафтов [Электронный ресурс]. URL: <http://heritage.unesco.ru/index.php?id=102&L=9>.
198. Кулешова, М. Е. Экологические функции как основа выявления ценности территорий / М. Е. Кулешова, Ю. Л. Мазуров // Уникальные территории в культурном и природном наследии: сб. науч. тр. – М.: изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С 20–31.
199. Культурное наследие // Культурная политика России. История и современность. – М.: ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996. – С. 103–121.
200. Кун, Г. Е. Институциональное и внеинституциональное измерения художественной культуры / Г. Е. Кун // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. VI. – С. 45–48.
201. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение: (краеведческая инструкция). – Тобольск: б. и., 1929. – 5 с.
202. Ларин, Ю. В. Типизация культуры как методологическая проблема / Ю. В. Ларин // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С. 18–19.

203. Лебедев, А. И. Правовое регулирование и практика государственной охраны объектов культурного наследия в Башкортостане в 1990–2010 гг. / А. И. Лебедев // Известия УрГУ. – Сер. 1 «Проблемы образования, науки и культуры». – 2010. – № 5 (84). – С. 176–181.
204. Лебедев, А. И. Развитие системы государственной охраны недвижимых объектов культурного наследия Башкортостана в 1991–2008 гг. / А. И. Лебедев // Вестник РУДН. – Сер. История России. – 2009. – № 6. – С. 185–190.
205. Лебедев, А. И. Становление и развитие советской системы государственной охраны памятников истории и культуры в 1918–1940 гг. (на примере Башкирии) / А. И. Лебедев, Л. Д. Матвеева // Вестн. Орловского гос. ун-та. – Сер. «Новые гуманитарные исследования». – 2011. – № 6 (20). – С. 56–60.
206. Лебедев, А. И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1919–2010 гг. (по материалам Башкирии): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лебедев Александр Иванович. – Оренбург, 2012. – 30 с.
207. Леонова, Н. Б. Археологический мониторинг – необходимое условие в системе охраны памятников / Н. Б. Леонова // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М.: б. и., 2000. – С. 173–174.
208. Лифшиц, Л. И. Книга о Комече / Л. И. Лифшиц // Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры: сб. ст. А. Комеча и воспоминания о нём / Сост. Н. Самовер. – М.: Искусство-XXI век, 2009. – С. 8–13.
209. Лихачёв, Д. С. Памятники культуры – всенародное достояние / Д. С. Лихачёв // История СССР. – 1961. – № 3. – С. 3–15.

210. Личак, Н. А. Система охраны памятников Советской России во второй половине 1930-х гг. / Н. А. Личак // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 19 (90). – Вып. 16. – С. 202–208.
211. Логвин, В. Н. К проблеме археологического зонирования территорий хозяйственного освоения в ХМАО – Югре / В. Н. Логвин // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 277–278.
212. Мазеин, Д. В. Недостатки и пути совершенствования системы правовой охраны археологических памятников в России / Д. В. Мазеин // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докладов. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 13–19.
213. Мазенкова, А. А. Этапизация памятникоохранительной деятельности / А. А. Мазенкова // Культурное пространство региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 14–15 апр. 2005 г., Тюмень. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – С. 98–106.
214. Мазуров, Ю. Л. Культурное наследие и экологическая ситуация регионов России / Ю. Л. Мазуров // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 8. – М.: Институт Наследия, 2000. – С. 15–28.
215. Мазуров, Ю. Л. Уникальные территории: концептуальный подход к выявлению, охране и использованию / Ю. Л. Мазуров // Уникальные территории в культурном и природном наследии: сб. науч. тр. – М.: изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С. 31–40.
216. Мазуров, Ю. Л. Феномен природного наследия в науке и культуре / Ю. Л. Мазуров // Уникальные территории в культурном и природном наследии: сб. науч. тр. – М.: изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С. 8–20.

217. Майничева, А. Ю. Современные формы сохранения историко-культурного наследия Сибири: музеи под открытым небом и историко-архитектурные музеи-заповедники / А. Ю. Майничева // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 134–136.
218. Макаров, Н. А. Институт археологии: прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archaeolog.ru/index.php?id=118>.
219. Макаров, Н. А. Круглый стол «Сохранение археологического наследия России» в Совете Федерации Федерального собрания РФ / Н. А. Макаров // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 5–6.
220. Макарова, Г. И. Угорское наследие Октябрьского района, его состояние, сохранность и использование в образовании и науке / Г. И. Макарова // Угры: материалы VI-го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск. – Тобольск, 2003. – С. 541–547
221. Маланичева, Г. И. Наследие надо спасать: раздумья накануне VIII съезда ВООПИиК / Г. И. Маланичева // Наследники России: [Сб. ст. к 35-летию Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / Сост. Г. И. Маланичева и др.]. – М.: изд-во Правосл. братства св. ап. Иоанна Богослова, 2002. – С. 6–12.
222. Малышкин, А. В. Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе / А. В. Малышкин, А. В. Кениг, М. Ю. Селянина, Н. В. Шатунов, Г. П. Визгалов // Археологическое наследие Югры: пленарный доклад II Северного археологического конгресса. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. – С. 132–149.

223. Малышкин, А. В. Итоги и перспективы сохранения и использования археологического наследия Ханты-Мансийского автономного округа / А. В. Малышкин // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 420–423.
224. Мартыненко, И. Э. Практика применения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против историко-культурного наследия / И. Э. Мартыненко // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. № 12. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 159–178.
225. Мартынов, А. И. Археологические объекты как ресурс современного общества / А. И. Мартынов // III Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 331–333.
226. Мартынов, А. И. Археологические факты и исторический процесс в степной Евразии / А. И. Мартынов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 43–47.
227. Мартынов, А. И. Археология в современном высшем историческом образовании / А. И. Мартынов // Археология, этнография и музейное дело: сб. науч. тр. КемГУ. – Кемерово: б. и., 1999. – С. 7–13.
228. Мартынов, А. И. Из опыта музеефикации археологического наследия в Швеции / А. И. Мартынов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул: б. и., 1999. – С. 22–24.
229. Мартынов, А. И. Как мы распоряжаемся археологическим историко-культурным наследием? / А. И. Мартынов // Археология Южной Сибири: сб. науч. тр., посвящённый 60-летию со дня рождения В. В. Боброва. – Вып. 23. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С. 40–44.

230. Мартынов, А. И. Ландшафтный подход к археологическому наследию Горного Алтая / А. И. Мартынов // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: тезисы научно-практической конференции. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 6–7.
231. Мартынов, А. И. Музеефикация памятников историко-культурного наследия и исторических мест – проблема национальная / А. И. Мартынов // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 278–279.
232. Мартынов, А. И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников / А. И. Мартынов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. VII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 12–19.
233. Мартынов, А. И. Современные проблемы использования историко-культурного наследия / А. И. Мартынов // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде: материалы Научного совета музеев и научно-практического семинара. – Кемерово: б. и., 2001. – С. 8–13
234. Мартынов, А. И. Три периода уничтожения археологических памятников Южной Сибири / А. И. Мартынов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. V. – Ч. 1. – Барнаул: б. и., 1995. – С. 12–17.
235. Матвеев, А. В. Археологическое наследие России: к новым правовым нормам охраны и использования / А. В. Матвеев // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С. 31–35.

236. Матева, Б. Проблемы охраны археологических памятников и их использование в целях туризма / Б. Матева // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 24–30 сентября 2006 г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: «Чароид», 2006. – С. 280–281.
237. Материалы III пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. [19–20 октября 1970 г.]. М.: «Сов. Россия», 1971. – 165 с.
238. Материалы IV Пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: б. и., 1971. – 139 с.
239. Материалы VI пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: «Сов. Россия», 1972. – 59 с.
240. Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Ленинград, 4–6 июля 1972 г. М.: «Сов. Россия», 1973. – 192 с.
241. Материалы третьего съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, г. Суздаль, 26–27 июля 1977 г. М.: б. и., 1979. – 206 с.
242. Матрусов, Н. Д. Природно-исторические территории в системе заповедных территорий и объектов / Н. Д. Матрусов // Тезисы докладов II международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1992. – С. 32–35.
243. Матющенко, В. И. 300 лет истории сибирской археологии: в 2 т. / В. И. Матющенко. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. – 179 с. (т.1); 173 с. (т. 2).
244. Медведева, Т. Н. Материалы Министерства культуры РСФСР об охране памятников истории и культуры / Т. Н. Медведева // Советские архивы. – 1982. – № 3. С. – 40–43.

245. Медведева, Т. Н. Государственное руководство охраной памятников в РСФСР в 1960–1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Медведева Татьяна Николаевна. – М., 1982. – 24 с.
246. Медведева, Т. Н. Периодические издания по памятникам истории и культуры в СССР / Т. Н. Медведева // НИИ культуры: труды. – Вып. 78. Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. – М., 1979. – С. 255–269.
247. Минеева, И. М. Сохранение, использование и государственная охрана археологического наследия Южного Урала во второй половине XIX – начале XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Минеева Ильяна Маратовна. – Казань, 2011. – 60 с.
248. Минеева, И. М. Археологическое наследие Южного Урала как уникальный компонент современного социокультурного пространства / И. М. Минеева // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2008. – Вып. 24. – С. 5–9.
249. Минеева, И. М. Проблема сохранения археологического наследия Южного Урала в контексте его социокультурного использования / И. М. Минеева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 3 (11). – С. 136–142.
250. Михайлова, Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX в: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Михайлова Наталья Владимировна. – М., 2002. – 370 с.
251. Михайлова, Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX в. / Н. В. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 280 с.
252. Михайлова, Н. В. Историко-культурное наследие России: проблемы охраны. / Н. В. Михайлова. – М.: б. и., 1999. – 105 с.

253. Могилат, Н. А. Формирование музейной сети Тюменской области / Н. А. Могилат // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: б. и., 1992. – С. 229–234.
254. Молчанов, С. Н. К вопросу о комплексном сохранении недвижимых объектов культурного наследия Российской Федерации / С. Н. Молчанов // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. ст. – Вып. 3. – Екатеринбург: б. и., 1999. – С. 230–235.
255. Молчанов, С. Н. К вопросу о правовом режиме культурных ценностей (опыт универсального подхода) / С. Н. Молчанов // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 4. – Екатеринбург: б. и., 2001. – С. 4–13.
256. Молчанов, С. Н. К вопросу об использовании в законодательстве понятий «культурное наследие» и «культурное достояние» / С. Н. Молчанов // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. ст. – Вып. 3. – Екатеринбург: б. и., 1999. – С. 235–241.
257. Морозов, В. М. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования / В. М. Морозов, Н. В. Шатунов // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. – С. 62–72.
258. Мосунова Т. Г. Проблема сохранения историко-культурного наследия Верхотурья: история и современность / Т. Г. Мосунова, Г. А. Неподобная, Н. Н. Тагильцева // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГПУ, 1997. – С. 219–222.
259. Мосунова, Т. Г. Проблема сохранения историко-культурного наследия Верхотурья / Т. Г. Мосунова, Г. А. Неподобная, Н. Н. Тагильцева // Верхотурский край в истории России. – Екатеринбург: б. и., 1997. – С. 93–105.
260. Музеи России [Электронный ресурс]. URL <http://www.museum.ru>.

261. Музеи Югры [Электронный ресурс]. URL <http://www.hmao-museums.ru>.
262. Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1966. – 589 с.
263. Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области. 1917–1970 гг. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1973. – 414 с.
264. Неподобная, Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921–1929 гг. (на материалах Урала): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Неподобная Галина Александровна. – Екатеринбург, 2002. – 21 с.
265. Неподобная, Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия. 1921–1929 гг. (на материалах Урала): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Неподобная Галина Александровна. – Екатеринбург, 2002. – 305 с.
266. Неподобная, Г. А. Государственная политика в отношении культурного наследия: история и современность / Г. А. Неподобная // Четвёртые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – 18–19 апреля 2002 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2002. – С. 71–74.
267. Неподобная, Г. А. Деятельность учреждений культуры на Урале в 1920-е гг.: трудности и противоречия / Г. А. Неподобная // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика: Пятые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – С. 38–40.
268. Неподобная, Г. А. Культурное наследие и государственная политика: к постановке проблемы / Г. А. Неподобная // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий: Четвёртые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 89–91.

269. Неподобная, Г. А. Музейное строительство и охрана памятников на Урале в первые годы советской власти / Г. А. Неподобная // Урал на пороге тысячелетия: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. – 14–15 декабря 2000 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, изд-во «Академкнига», 2000. – С. 356–358.
270. Неподобная, Г. А. Начало процесса разрушения историко-культурного наследия Урала во второй половине 1920-х гг. // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 300-летию г. Каменска-Уральского. – Екатеринбург: «СВ-96», 2001. – С. 155–159.
271. Неподобная, Г. А. Охрана наследия за рубежом: история и современность / Г. А. Неподобная // Запад, Восток и Россия: проблемы истории, историографии и источниковедения. Вопросы всеобщей истории. – Вып. 3. – Екатеринбург, 2001. – С. 71–77.
272. Неподобная, Г. А. Разработка политики государства в области культурного наследия в первые годы советской власти / Г. А. Неподобная // Третьи Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – 19–20 апреля 2000 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 357–359.
273. Нестеров, Е. А. Деятельность научно-производственного центра «Наследие» по сохранению археологического наследия и развитию музеев Алтайского края (1992–2012 гг.) / Е. А. Нестеров // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 375. – С. 88–90.

274. Никитина, Л. А. О работе государственных органов, органов местного самоуправления и муниципальных музеев по сохранению историко-культурного наследия / Л. А. Никитина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы региональной научно-практической конференции. – Вып. 13. – Барнаул: изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 15–18.
275. Никифорова, А. А. Состояние и охрана памятников природного и культурного наследия в регионах ресурсного типа: дис. ... к. культурологии: 24.00.01 / Никифорова Алина Александровна. – Нижневартовск, 2011. – 166 с.
276. Никишин Н. А. Историко-культурные и природные музеи-заповедники: проблемы и перспективы / Н. А. Никишин // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: б. и., 1987. – С. 64–78.
277. Никишин, Н. А. Ландшафты – памятники природы, истории и культуры / Н. А. Никишин, В. Н. Калущков // Памятники в контексте историко-культурной среды: сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 69–85.
278. Никишин, Н. А. Музей или уникальная историческая территория / Н. А. Никишин // Тезисы докладов II международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1992. – С. 36–39.
279. Новиков, Р. Прощай, любимый город! / Р. Новиков // Хранитель. Алексей Ильич Комеч и судьбы русской архитектуры: сб. ст. А. Комеча и воспоминания о нём / Сост. Н. Самовер. – М.: Искусство-XXI век, 2009. – С. 155–167.
280. Носкова, А. В. Барсова гора в средствах массовой информации. Аннотированный указатель статей / А. В. Носкова, Ю. П. Чемякин // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. – С. 209–221.

281. Носкова, А. В. Шаги по сохранению древностей Барсовой Горы: хронология событий / А. В. Носкова, Ю. П. Чемякин // «Барсова Гора: древности таёжного Приобья». – Екатеринбург-Сургут: Уральское издательство, 2008. – С. 16–23.
282. Объекты культурного наследия Югры [Электронный ресурс]. URL <http://www.nasledie.admhmao.ru>.
283. Овчинникова, Б. Б. Археологическое наследие и музеефикация / Б. Б. Овчинникова // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 373–375.
284. Основные направления деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на 1976–1980 гг.: материалы V (XII) пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М.: «Сов. Россия», 1976. – 108 с.
285. Оснос, Ю. Октябрьская революция и памятники художественной культуры / Ю. Оснос // Искусство. – 1940. – № 6. – С. 62–66.
286. Очерки истории Тюменской области. – Тюмень: б. и., 1994. – 272 с.
287. Павлова, С. В. Правовые аспекты охраны культурного наследия / С. В. Павлова // Культурное пространство региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 14–15 апреля 2005 г., Тюмень. – Тюмень: Мандр и Ка, 2005. – С. 106–109.
288. Памятники истории и культуры народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kulturnoe-nasledie.ru>.
289. Памятники Отечества: альманах ВООПИиК. Вып. № 1 (5). Москва, Новгород, Ленинград. М.: б. и., 1982. – 167 с.
290. Памятники Отечества: альманах ВООПИиК. Вып. № 1 (9). Нерчинск, Осташков, Пермь, Старая Русса. М., 1984. – 167 с.
291. Памятники Отечества: альманах ВООПИиК. Вып. № 1 (13). Томск, Чердынь. М., 1986. – 167 с.

292. Панкратова, Т. Н. Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. / Т. Н. Панкратова // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: б. и., 1987. – С. 25–45.
293. Паршикова, Т. С. Об охране археологических памятников на Алтае в 1940–1950-е гг. / Т. С. Паршикова // Сохранение и изучение культурного наследия Алатйского края: сб. науч. ст. – Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2014. – Вып. XX. – С. 40–43.
294. Патрикеев, Н. Б. Сургут в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Н. Б. Патрикеев, И. П. Захаров. – Ханты-Мансийск: б. и., 1975. – 48 с.
295. Пашкин, Е. М. Остановить жертвоприношение, или удастся ли сохранить историко-культурное наследие / Е. М. Пашкин // Россия и современный мир. – 2002. – № 1. – С. 63–77.
296. Петрова, Л. В. Сургут / Л. В. Петрова, Ф. Я. Показаньев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. – 112 с.
297. Перескоков, Л. В. ВООПИиК, краеведение и современные реалии / Л. В. Перескоков // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. – Вып. 5. – Пермь: б. и., 2003. – С. 33–36.
298. Пермяков В. А. «Чёрная» археология в Югре / В. А. Пермяков // III Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: издательский дом «Издат-НаукаСервис», 2010. – С. 335–336.
299. Петрова, И. А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия / И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, А. А. Назаров // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». [Электронный ресурс]. URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf.

300. Петрова, Е. Н. Создание проекта охранных зон памятников истории и археологии на территориях нефтедобывающих предприятий и их дальнейшее использование / Е. Н. Петрова // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: материалы региональной научно-практической конференции. – 3–6 октября 2006 г., Советский. – Екатеринбург: изд-во «Волот», 2006. – С. 200–202.
301. Платонова, Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук.: 07.00.06 / Платонова Надежда Игоревна. – СПб., 2008. – 51 с.
302. Платонова, Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. / Н. И. Платонова – СПб.: Нестор–История, 2010. – 316 с.
303. Показаньев, Ф. Я. Город древний, город славный / Ф. Я. Показаньев. – Сургут: АИИК «Северный дом», 1994. – 160 с.
304. Показаньев, Ф. Я. Город Сургут и Сургутский район. Краткое описание памятных мест и событий / Ф. Я. Показаньев. – Тюмень: б. и., 1972. – 20 с.
305. Полевая, Ж. А. Картографирование уникальных исторических территорий / Ж. А. Полевая // Научно-общественный совет по уникальным историческим территориям: сб. материалов I всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М.: б. и., 1990. – С. 221–225.
306. Полякова, М. А. Исторические памятники: проблемы классификации и определения общественной ценности / М. А. Полякова // Памятники в контексте историко-культурной среды: сб. науч. тр. – М.: б. и., 1990. – С. 60–68.

307. Полякова, М. А. Охрана и использование памятников истории и культуры: 1917–1941 гг. (Воронежская и Тамбовская области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Полякова Марта Александровна. – М.: б. и., 1987. – 25 с.
308. Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова. – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.
309. Поморцева, Н. А. Теоретико-методологические проблемы правовой регламентации статуса объектов историко-культурного назначения / Н. А. Поморцева // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. – Вып. 1. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 20–28.
310. Понько, А. Д. Очерки истории Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры Российской Федерации / А. Д. Понько. – М.: изд-во «СкайПресс», 2010. – 424 с.
311. Постников, С. П. Категория «культурное наследие» в общетеоретическом и прикладном значениях / С. П. Постников // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С. 14–15.
312. Постников, С. П. Роль общественных объединений в сохранении уникального культурного наследия Среднего Урала / С. П. Постников // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГПУ, 1997. – С. 216–219.
313. Приходько, В. Ф. Земельный кадастр и охрана археологического наследия / В. Ф. Приходько // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М., 2000. – С. 192–197.

314. Прищепа, А. И. Из новейшей истории Сургутского краеведения / А. И. Прищепа // Сургут в отечественной истории: сб. тезисов, докладов и сообщений Второй межрегиональной конференции 26–27 февраля 2003 г. – Сургут: изд-во СурГУ, 2003. – С. 91–97.
315. Прищепа, А. И. История Сургута: итоги и перспективы исследования / А. И. Прищепа // Сургут в отечественной истории: сб. тезисов, докладов и сообщений всероссийской научной конференции 13–14 декабря 2001 г. – Сургут: изд-во СурГУ, 2001. – С. 3–12.
316. Прищепа, А. И. История Сургута второй половины XX в. / А. И. Прищепа. – Сургут: Диорит, 2005. – 256 с.
317. Прищепа, А. И. Первая попытка историографического анализа научной литературы о Сургуте / А. И. Прищепа // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 9–23.
318. Пряхин, А. Д. Археология и археологическое наследие / А. Д. Пряхин. – Воронеж: «Квадрат», 1995. – 208 с.
319. Пряхин, А. Д. Историографические исследования в отечественной археологии (русской, советской, российской). Периоды развития археологии в стране / А. Д. Пряхин // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Т. I. – Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – С. 56–63.
320. Пряхин, А. Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.) / А. Д. Пряхин. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1986. – 284 с.
321. Равикович, Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) / Д. А. Равикович // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. – Вып. 22. – М., 1970. – С. 6–124.
322. Разгон, А. М. Пути советского краеведения / А. М. Разгон // История СССР. – 1967. – № 4. – С. 190–201.

323. Резолюция II Международного Северного археологического конгресса // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 5. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 24–29.
324. Рощевский, П. И. Из истории советского культурного строительства в Тюменской губернии (1919–1920 гг.) / П. И. Рощевский // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: б. и., 1962. – С. 9–42.
325. Рудковская М. А. Принципы организации охраны и изучения культурного наследия Институтом исследования Сибири (1919–1921 гг.) / М. А. Рудковская // Угры: материалы VI симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 9–11 декабря 2003 г., Тобольск. – Тобольск: б. и., 2003. – С. 565–571.
326. Сабаров, А. Н. Общие проблемы сохранения историко-культурного наследия в Ямало-Ненецком автономном округе / А. Н. Сабаров // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 9–11 декабря 2002 г., Тобольск. – Тобольск – Омск: ОМГПУ, 2002. – С. 558–559.
327. Сабаров, А. Н. Состояние и основные проблемы сохранения памятников истории и культуры коренных народов на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / А. Н. Сабаров // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 10–12 декабря 2001 г., Тобольск. – Тобольск – Омск: б. и., 2001. – С. 292–294.
328. Садовой А. Н. К проблеме сохранения историко-культурного наследия на особо охраняемых природных территориях / А. Н. Садовой // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 4 (24). – С. 92–96.

329. Свиридовская, О. Н. Состояние культурного наследия Омской области и вопросы его сохранения / О. Н. Свиридовская, О. А. Свиридовский, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 9–11 декабря 2002 г., Тобольск. – Тобольск – Омск: ОМГПУ, 2002. – С. 563–565
330. Свичкарь, А. И. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960–1980 гг. / А. И. Свичкарь // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – Т. 13. – С. 52–56.
331. Свичкарь, А. И. Деятельность государственных органов власти и общественных организаций по сохранению историко-культурного наследия на Южном Урале в середине 1960-х – начале 2010-х гг. (по материалам Челябинской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Свичкарь Илюзя Гасимзяновна. – Челябинск, 2014. – 36 с.
332. Селезнёва Е. Н. К вопросу о месте исторического наследия в культурной политике государства (в порядке дискуссии) / Е. Н. Селезнёва // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1990. – С. 32–38.
333. Селянина М. Ю. О роли музеев в сохранении историко-культурного наследия / М. Ю. Селянина // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 379–380.
334. Сенюкова, Н. Л. Нефтегазовый комплекс: культурное наследие России / Н. Л. Сенюкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13). – С. 25–30.

335. Сидоров, В. В. О социально-экономическом аспекте сохранения культурного наследия / В. В. Сидоров // Памятники в изменяющемся мире: материалы международной научно-практической конференции. – М.: б. и., 1993. – С. 17–23.
336. Скопинцев, А. И. Об охране памятников в Алтайском крае / А. И. Скопинцев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул: б. и., 1999. – С. 14.
337. Словцов, И. Я. Материалы по распределению курганов и городищ в Тобольской губернии / И. Я. Словцов // Известия Императорского Томского университета. – Кн. II. – Томск: б. и., 1890. – С. 76–97.
338. Смирнов, А. С. Новостройки и археологическая наука / А. С. Смирнов // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 176–184.
339. Смирнов, А. С. Сохранение археологического наследия России. История и проблемы / А. С. Смирнов // Российская археология. – 2002. – № 4. – С. 50–59.
340. Смоленкова, О. В. К вопросу об актуализации археологического наследия в рамках музеев-заповедников / О. В. Смоленкова // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 380–382.
341. Смоленкова, О. В. Музеи-заповедники как форма охраны историко-культурного наследия / О. В. Смоленкова // Вторые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – 28–29 апреля 1999 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГУ, 1999. – С. 280–283.
342. Соболяникова, Т. Н. Охрана памятников археологии и этнографии на территории ХМАО в 1960–1980-е гг. (по архивным документам окружного отделения ВООПИК) / Т. Н. Соболяникова // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 4. – С. 69–75.

343. Собољникова, Т. Н. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников: к истории становления и функционирования / Т. Н. Собољникова // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 7. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 110–122.
344. Советская культура в реконструктивный период (1928–1941) / Отв. ред. М. П. Ким. – М.: Наука, 1988. – 603 с.
345. Соколов, А. В. Проект реконструкции городища Эмдер / А. В. Соколов // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 383–384.
346. Сорокина, И. А. Полевая археология в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах: феномен роста / И. А. Сорокина // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2 (27). – С. 111–119.
347. Сорокина, И. А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям) / И. А. Сорокина. – Тула: Гриф и К, 2008. – 244 с.
348. Софеев, О. В. О некоторых малоизвестных правовых аспектах полевых археологических исследований / О. В. Софеев, С. П. Матлахова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Вып. X. – Барнаул: б. и., 1999. – С. 39–43.
349. Софеев, О. В. О некоторых принципах организации системы мониторинга за состоянием археологических объектов / О. В. Софеев // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М.: б. и., 2000. – С. 164.
350. Союз краеведов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskraeved.ru>.

351. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами: доклад группы экспертов по культурному ландшафту при рабочей группе по охране памятников культуры под эгидой Российско-норвежской комиссии по охране окружающей среды. – Москва – Осло: Институт Наследия, 1999. – 96 с.
352. Степанова, Г. А. К вопросу об историко-культурной экспертизе: проблемы и пути решения (на примере Удмуртской республики) / Г. А. Степанова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI веков: материалы научной конференции. – Ижевск: б. и., 2000. – С. 414–417.
353. Степанова, Г. А. О правовых и методических основах историко-культурной экспертизы / Г. А. Степанова // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 425–427.
354. Степенев, В. И. Проблемы управления земельными отношениями особо охраняемых территорий наследия и пути их решения / В. И. Степенев // Наследие и современность: информ. сб. – Вып. 12. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 136–157.
355. Стефанова, Н. К. Археология таёжного Обь-Иртышья. Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа / Н. К. Стефанова, В. А. Борзунов. – Екатеринбург: изд-во «Академкнига», 2002. – 136 с.
356. Стешенко, Л. А. О памятниках истории и культуры / Л. А. Стешенко, В. Д. Тепферов. – М.: Юридическая литература, 1977. – 80 с.
357. Субботин, А. В. К вопросу о перспективах археологического мониторинга / А. В. Субботин // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М., 2000. – С. 26–30.

358. Сургут и сургутяне: рассказ о людях и времени / Сост. Г. В. Кондрякова. – Тюмень: изд-во Ю. Л. Мандрики, 1998. – 256 с.
359. Сытина, Т. М. Недвижимые памятники истории и культуры и окружающая среда / Т. М. Сытина // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1979. – С. 37–86.
360. Сытина, Т. М. Сохранение культурно-исторического наследия в процессе формирования окружающей среды / Т. М. Сытина // Труды НИИ культуры. – Т 35. – Вып. IV. Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. – М.: б. и., 1976. – С. 27–36.
361. Тагильцева, Н. Н. Вклад членов краеведческих обществ в организацию охраны памятников архитектуры Уральского региона / Н. Н. Тагильцева, М. О. Пыцко // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН; УрГПУ, 1997. – С. 214–216.
362. Тагильцева, Н. Н. История краеведческого движения на Урале в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тагильцева Надежда Николаевна. – М., 1993. – 24 с.
363. Тагильцева, Н. Н. Краеведческое движение и становление музейного дела на Урале (1924–1936 гг.) / Н. Н. Тагильцева // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1987. – С. 155–173.
364. Талицкая, И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья / И. А. Талицкая // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 35. Древняя история Приобья. – М.: изд-во АН СССР, 1953. – С. 242–357.
365. Ташлыкова, М. И. Развитие материально-технической базы учреждений культуры г. Сургута (1965–1985 гг.) / М. И. Ташлыкова // Очерки истории Сургута. – Сургут: Диорит, 2002. – С. 175–193.

366. Ташлыкова, М. И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ташлыкова Марина Ивановна. – Сургут, 2006. – 23 с.
367. Терёхин, С. А. Археологическое наследие и государственный земельный кадастр. Вопросы взаимоотношений / С. А. Терёхин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. – Вып. 2. – Томск – Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2004. – С. 13–16.
368. Тишкин, А. А. Подготовка профессиональных кадров в области музеологии и охраны наследия в рамках магистерских программ / А. А. Тишкин, Т. Г. Гребенникова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13). – С. 120–125.
369. Тишкина, Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Тишкина Татьяна Владимировна. – Барнаул, 2009. – 349 с.
370. Тишкина, Т. В. Музеи Алтая в первой половине 1920-х гг. / Т. В. Тишкина // Вопросы музеологии. – 2012. – № 1(5). – С. 59–65.
371. Томилов, Н. А. Социальные функции археологического наследия / Н. А. Томилов // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 384–385.
372. Трифонов, В. А. Музеефикация археологических памятников как один из способов сохранения культурного наследия (на примере мегалитического комплекса Псынако) / В. А. Трифонов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб.: б. и., 1993. – С. 35–38.
373. Тугай, Т. И. Деятельность краеведов Южного Урала по сохранению культурно-исторического наследия в 1914–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тугай Татьяна Ивановна. – Оренбург, 2006. – 250 с.

374. Туренбенков, Р. Х. Осуществление охранных мероприятий памятников историко-культурного наследия Троицкого района Челябинской области / Р. Х. Туренбенков // Материалы XXXVII УПАСК. – Челябинск: б. и., 2005. – С. 205.
375. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 1998. – 624 с.
376. Уранов, А. С. У последней черты / А. С. Уранов // Наследники России: [Сб. ст. к 35-летию Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / Сост. Г. И. Маланичева и др.]. М.: изд-во Правосл. братства св. ап. Иоанна Богослова, 2002. – С. 61–69.
377. Усть-Полуй [Электронный ресурс]. URL <http://www.mvk-yamal.ru>.
378. Учёные и краеведы Югры: библиографический словарь / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень: Софт Дизайн, 1997. – 352 с.
379. Ушаков, А. В. Краеведение на службу советской исторической науке / А. В. Ушаков // Труды НИИ Музееведения. – Вып. II. Очерки истории музейного дела в России. – М.: изд-во «Сов. Россия», 1961. – С. 3–31.
380. Фатигарова, Н. В. История музейного дела в РСФСР. Публикации 1970–1986 гг. / Н. В. Фатигарова, А. И. Фролов // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: б. и., 1987. – С. 207–218.
381. Фёдорова, Н. В. Призраки и реальности Ямальской археологии / Н. В. Фёдорова // Российская археология. – 2002. – № 2. – С. 99–110.
382. Формозов, А. А. Русские археологи до и после революции / А. А. Формозов. – М.: б. и. 1995. – 114 с.
383. Формозов, А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки / А. А. Формозов. – М.: Знак, 2004. – 320 с.
384. Формозов, А. А. Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. – М.: «Сов. Россия», 1990. – 112 с.

385. Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – М.: Наука, 1986. – 160 с.
386. Фролов, А. И. Изучение и паспортизация памятников культуры России: опыт, тенденции, проблемы / А. И. Фролов // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: б. и., 1987. – С. 46–63.
387. Хан, Н. А. Археологическая наука и культурное наследие (система связи и их взаимодействие) / Н. А. Хан // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. – Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. – СПб.: б. и., 1993. – С. 176–177.
388. Хасанов, Э. Р. Историческое краеведение на Южном Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Хасанов Эдуард Рафисович. – Оренбург, 2002. – 203 с.
389. Цысь, В. В. Историческое краеведение: учебное пособие / В. В. Цысь. – Нижневартовск: изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2007. – 143 с.
390. Чалая, И. П. Историко-культурные и природные территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа. / И. П. Чалая, П. М. Шульгин. – М.: Институт Наследия, – 2003. – 118 с.
391. Чаплыгина, С. В. Музей и сохранение культурного наследия / С. В. Чаплыгина // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – 10–12 декабря 2001 г., Тобольск. – Тобольск – Омск: б. и., 2001. – С. 306.
392. Чаплыгина, С. В. Проект «Холмогорский клад» / С. В. Чаплыгина // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 385–386.

393. Чарусова, И. С. Археолого-этнографическое обоснование реконструкции жилища VI–VII вв. городища Сургутское I / И. С. Чарусова, М. Ю. Баранов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 191–194.
394. Чемякин, Ю. П. Барсова Гора: археологическая карта / Ю. П. Чемякин, А. П. Зыков. – Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. – 208 с.
395. Чемякин, Ю. П. История изучения археологических памятников Барсовой горы / Ю. П. Чемякин, Н. В. Шатунов // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. – С. 40–57.
396. Чемякин, Ю. П. Мировой опыт музеефикации древностей и проблемы охраны урочища Барсова Гора / Ю. П. Чемякин, Н. В. Шатунов // Прошлое и настоящее Югры в музейном измерении: материалы научно-практической конференции. – Югорск – Екатеринбург: б. и., 2007. – С. 87–96.
397. Чернецов, В. Н. Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. М.: б. и., 1953. С. 7–71.
398. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры / В. Н. Чернецов // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 58. – М.: б. и., 1957. – С. 136–245.
399. Чернышев, А. В. Некоторые особенности организации картографического мониторинга памятников археологического наследия / А. В. Чернышев // Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр: сб. ст. – М.: б. и., 2000. – С. 31–33.

400. Чиждова, Л. В. Музеефикация археологических объектов: исторические реалии и перспективы / Л. В. Чиждова // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 387–388.
401. Чиндина, Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа / Л. А. Чиндина. – Томск: изд-во Томского университета, 1984. – 256 с.
402. Что такое ВООПИиК? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voorik.ru>.
403. Чуйкина, Е. В. Охранная археология в Пермском крае: опыт, проблемы, перспективы / Е. В. Чуйкина // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. III. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 149–151.
404. Шаманаев, А. В. Охрана культурного наследия в России (XVIII – конец XX в.): учебное пособие / А. В. Шаманаев. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2005. – 92 с.
405. Шатунов, Н. В. О достоверности камерального выделения историко-культурных зон / Н. В. Шатунов // Северный археологический конгресс: тезисы докладов. – 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: изд-во «Академкнига», 2002. – С. 431–432.
406. Шелегина, О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. ... д. ист. наук: 24.00.03 / Шелегина Ольга Николаевна / Томск, 2012. – 54 с.
407. Шелегина, О. Н. Музеи Сибири: очерки создания, развития, адаптации / О. Н. Шелегина; отв. ред. В. А. Ламин, Н. М. Щербин. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. – 244 с.
408. Шелегина, О. Н. Музейный мир Сибири в исторической динамике: проблемы и перспективы изучения / О. Н. Шелегина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 15–18.

409. Шелегина, О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) / О. Н. Шелегина // Археология, антропология, этнография Евразии. – 2005. – № 3. – С. 151–160.
410. Шелегина, О. Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.) / О. Н. Шелегина // Археология, антропология, этнография Евразии. – 2006. – № 2. – С. 116–125.
411. Шелегина, О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения населения / О. Н. Шелегина // Философия образования. – 2009. – № 1. – С. 132–137.
412. Шелегина, О. Н. Условия заселения и освоения Азиатской России: основные итоги и перспективы изучения / В. А. Ламин, О. Н. Шелегина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 3 (7). – С. 63–68.
413. Шелегина, О. Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации / О. Н. Шелегина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 103–110.
414. Шелегина, О. Н. Роль музеев в формировании и трансляции позитивного имиджа Сибирского региона / О. Н. Шелегина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 74–80.
415. Шелегина, О. Н. Презентация и анализ деятельности музеев СО РАН в Альманахе «Музеи Российской академии наук» / О. Н. Шелегина // Гуманитарные исследования в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 77–80.
416. Шелегина, О. Н. Музейный мир Сибири в исторической динамике: проблемы и перспективы изучения / О. Н. Шелегина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 15–18.

417. Шелегина, О. Н. Основные направления адаптации музеев Сибири к условиям глобализации / О. Н. Шелегина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 95–98.
418. Шелегина, О. Н. Интеграционные процессы в современном музейном мире Сибири / О. Н. Шелегина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия Культурология, искусствоведение, музеология. – 2012. – № 11. – С. 250–257.
419. Шулепова, Э. А. Российский институт культурологии: взгляд старожила [Электронный ресурс]. URL: <http://ricur.ru>.
420. Шульга, П. И. К вопросу об организации заповедных археологических территорий / П. И. Шульга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Вып. V. – Ч. 1. – Барнаул: б. и., 1995. – С. 26–31.
421. Шульга, П. И. Некоторые итоги и перспективы создания системы охраны и использования археологического наследия / П. И. Шульга // Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 8–9.
422. Шульга, П. И. Охрана археологических памятников на Алтае / П. И. Шульга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. Вып. VII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 6–12.
423. Шульга, П. И. Перспективы охраны памятников археологии / П. И. Шульга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. Вып. V. – Ч. 1. – Барнаул: б. и., 1995. – С. 18–23.
424. Шульгин, П. М. Возрождение и развитие памятников истории, культуры и природы на принципах уникальной исторической территории / П. М. Шульгин // Тезисы докладов II международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. – М., 1992. – С. 18–35.

425. Шульгин, П. М. Работа Института Наследия над комплексными региональными программами / П. М. Шульгин // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: информ. сб. – Вып. 10. – М.: Институт Наследия, 2002. – С.19–43.
426. Шульгин, П. М. Уникальные территории в региональной политике (вместо введения) / П. М. Шульгин // Уникальные территории в культурном и природном наследии: сб. науч. тр. – М.: изд-во РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С. 3–8.
427. Шухободский, А. Б. Памятники истории и культуры как специфический вид культурной ценности / А. Б. Шухободский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 356–365.
428. Шухободский, А. Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей / А. Б. Шухободский // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 4. – С. 136–140.
429. Щапова, Ю. Л. Российская археология как историко-культурный феномен / Ю. Л. Щапова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: материалы научной конференции. – Ижевск: б. и., 2000. – С. 3–5.
430. Экологический мониторинг культурного и природного наследия: анализ и документы / Отв. ред. и сост. Ю. Л. Мазуров. – М.: Институт Наследия, 1999. – 161 с.
431. Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 3 т. – Ханты-Мансийск: б. и., 2000. – 399 с. (т.1); 431 с. (т. 2); 381 с. (т. 3).
432. Югория: Энциклопедия ХМАО. – Т. 4 (дополнительный). – Ханты-Мансийск: ИД Сократ, 2005. – 391 с.
433. Яковлев, Я. А. Опыт деятельности Госкультуохраны Югры будет предложен для применения на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie.admhmao.ru>.

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

Прил. 1. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1919–1920 гг.

Прил. 2. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1920–1923 гг.

Прил. 3. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры в Тобольском округе Уральской области в 1923–1930 гг.

Прил. 4. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры в Остяко-Вогульском национальном округе в 1930–1945 гг.

Прил. 5. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры в Ханты-Мансийском автономном округе в 1945–1953 гг.

Прил. 6. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры в Ханты-Мансийском автономном округе в 1953–1991 гг.

Прил. 7. Схема административного подчинения краеведческих учреждений Уральской области в 1920-е – 1930-е гг.

Прил. 8. Организационная структура Уральского областного бюро краеведения в 1920-е гг.

Прил. 9. Количество краеведческих учреждений и организаций в Уральской области в 1924–1934 гг.

Прил. 10. Структура краеведческих учреждений Тобольского округа Уральской области в 1920-х – 1930-х гг.

Прил. 11. Структура Тобольского общества изучения края в 1920-х – 1930-х гг.

Прил. 12. Структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в РСФСР в 1960-е – 1990-е гг.

Прил. 13. Структура региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Тюменской области в 1960-е – 1980-е гг.

Прил. 14. Отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Тюменской области, 1978 г.

Прил. 15. Формирование музейной сети ХМАО – Югры в 1930-е – 1980-е гг.

Прил. 16. Павлов Н. Я., Куклин С. А. План археологических памятников в урочище Барсова Гора Сургутского района, 1925 г.

Прил. 17. Показаньев Ф. Я. План археологических памятников в урочище Барсова Гора Сургутского района, 1963 г.

Прил. 18. Количество археологических памятников, выявленных на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1920-х – 1990-х гг.

Прил. 19. Соотношение выявленных и исследованных археологических памятников в ХМАО (1950-е – 1980-е гг.).

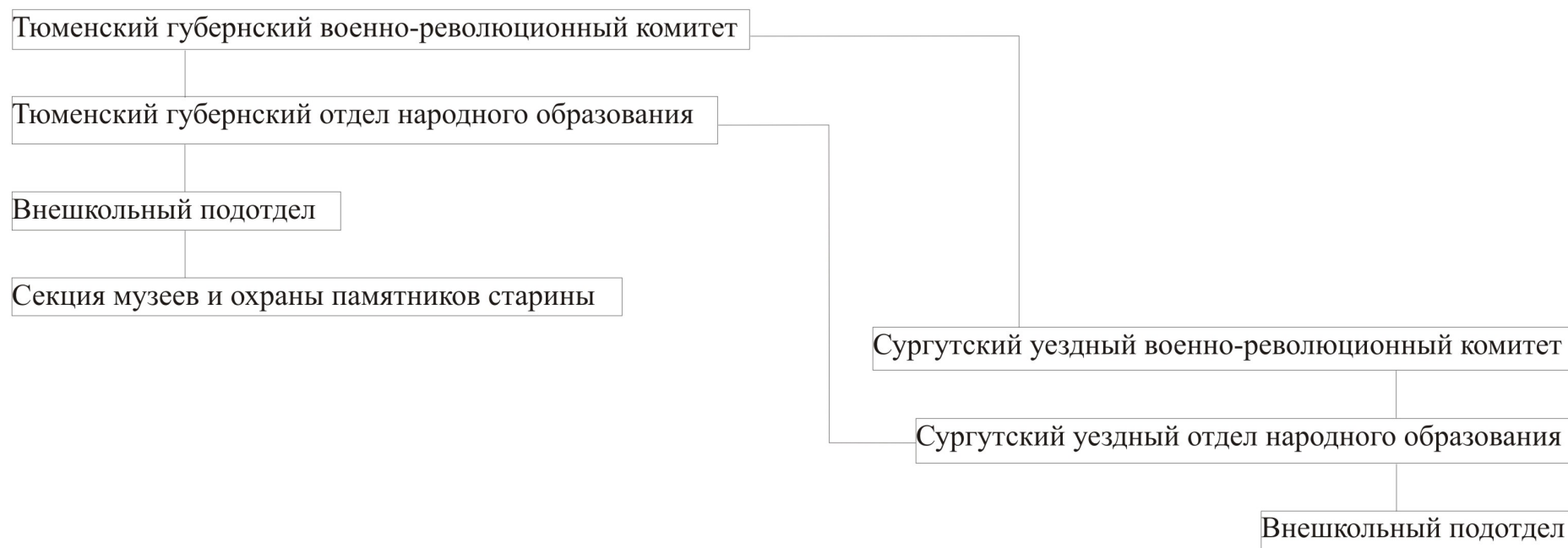
Прил. 20. Классификация видов памятников истории и культуры, выявленных в ХМАО в 1960-е – 1990-е гг.

Прил. 21. Крупные археологические комплексы, выявленные уральскими археологами в Сургутском районе ХМАО – Югры в 1960-е – 1980-е гг.

Прил. 22. Биографические данные общественных деятелей и учёных, внёсших вклад в становление и развитие системы охраны культурного наследия в ХМАО – Югре в 1917–1991 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Прил. 1. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1919-1920 гг.

Составлено по:

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

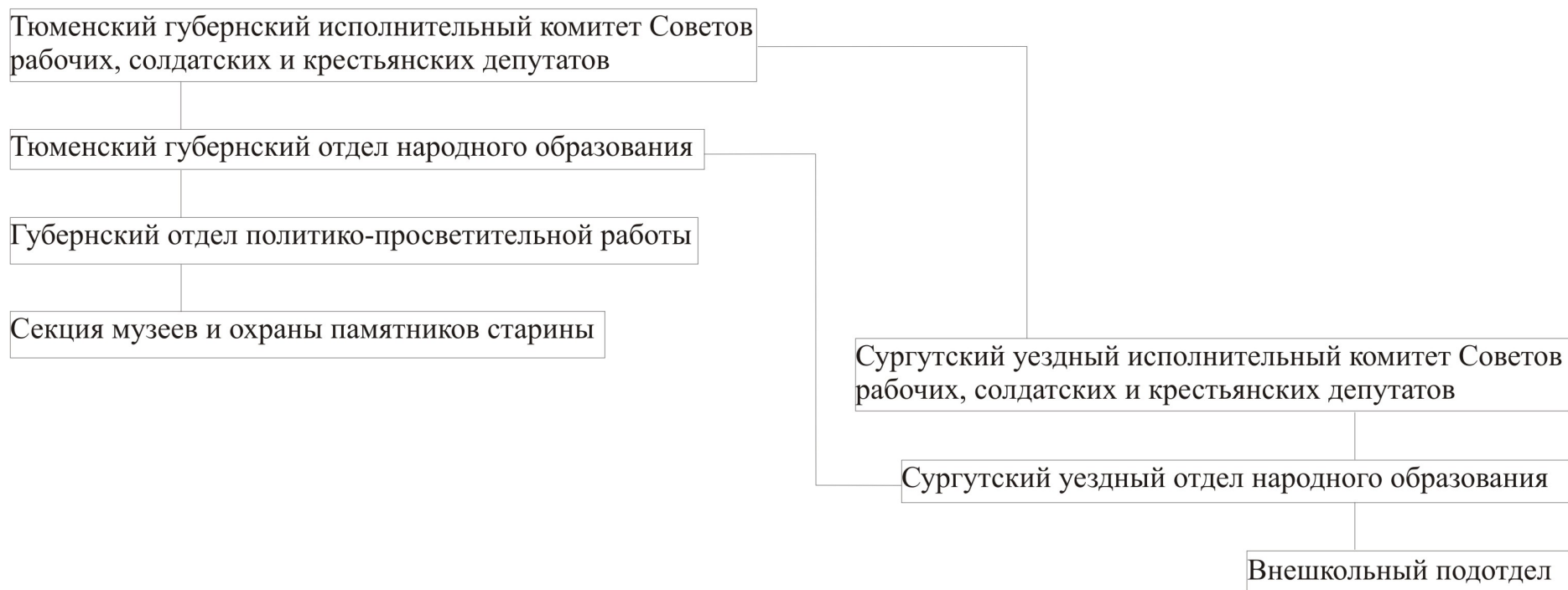
Из истории культурного строительства в Тюменской области. - Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1980.

АОАС. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

ГБУТО "ТАТО". Ф. Р-80. Предисловие к описи. Л. 1.

ГБУТО ТАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 63. Л. 2, 2об.

Приложение 2. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1920-1923 гг.

Составлено по:

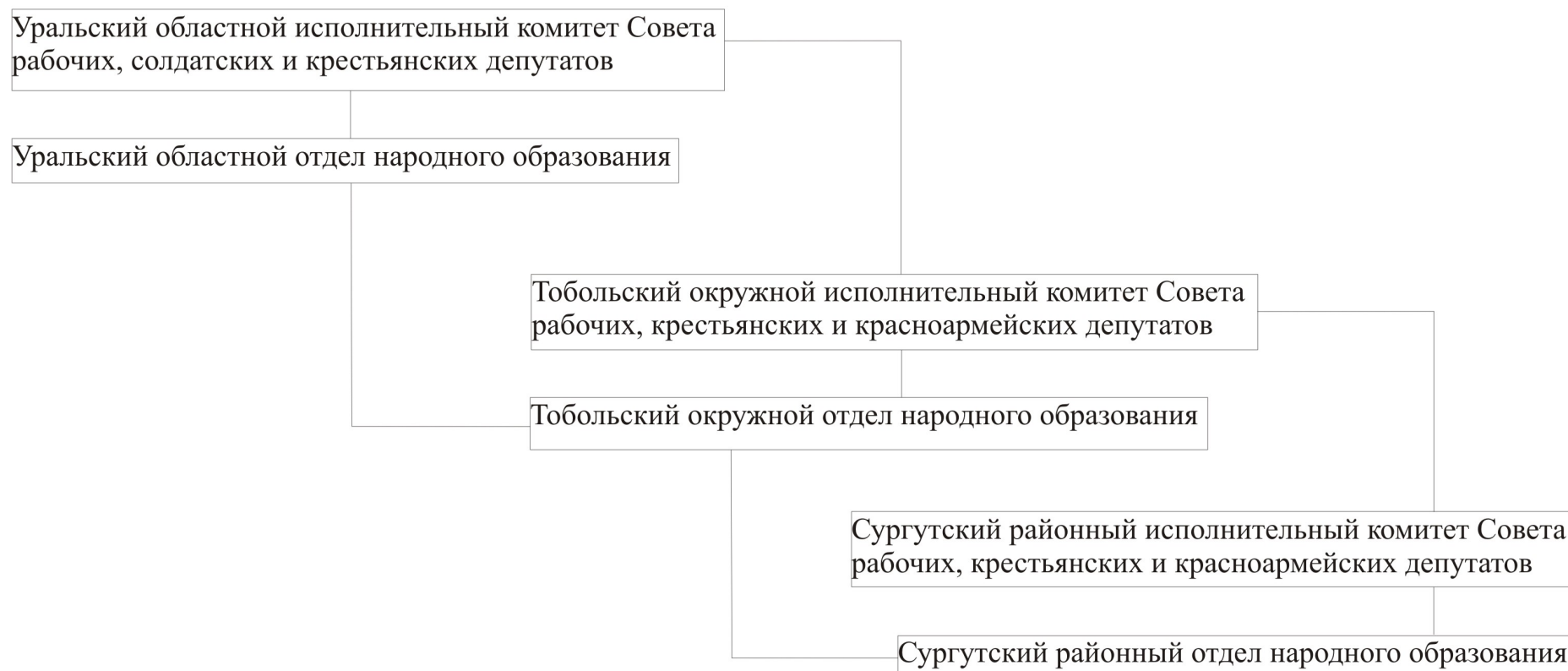
Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области. 1917-1970 гг. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1973.

ГБУТО "ГАТО". Ф. Р-80. Предисловие к описи. Л. 1.

ГБУТО ГАТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 63. Л. 2, 2об.

**Прил. 3. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры
в Тобольском округе Уральской области в 1923-1930 гг.**

Составлено по:

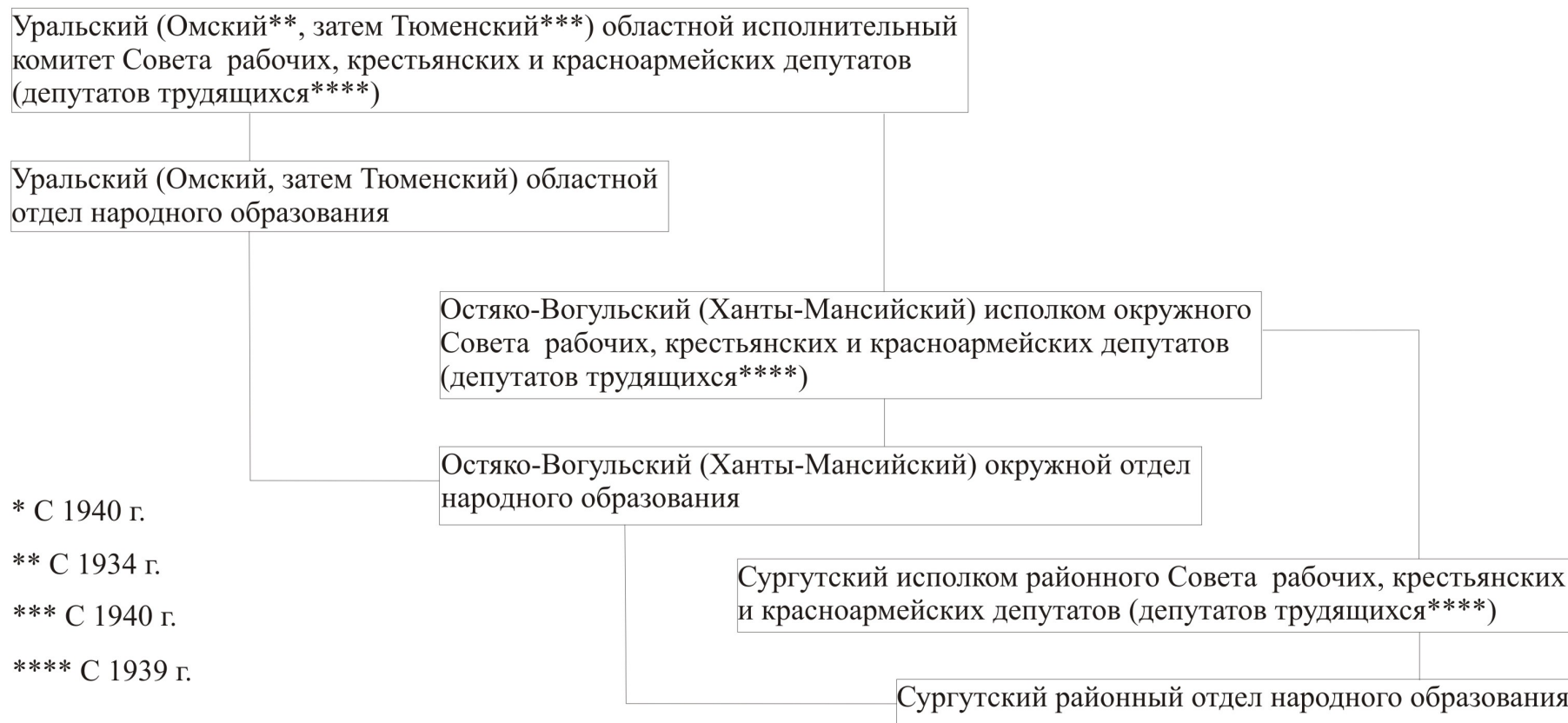
Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

Охрана культурного наследия в документах XVII-XX вв. Хрестоматия. Т. I. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000.

ГБУТО «ТАТО». Ф. Р-84. Предисловие к описи. Л. 1.

АОАС Ф. Р-12. Оп. 1. Предисловие к описи Л. 1; Ф. Р-63. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1; Ф. Р-169. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

**Прил. 4. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры
в Остяко-Вогульском национальном округе в 1930-1945 гг.**

* С 1940 г.

** С 1934 г.

*** С 1940 г.

**** С 1939 г.

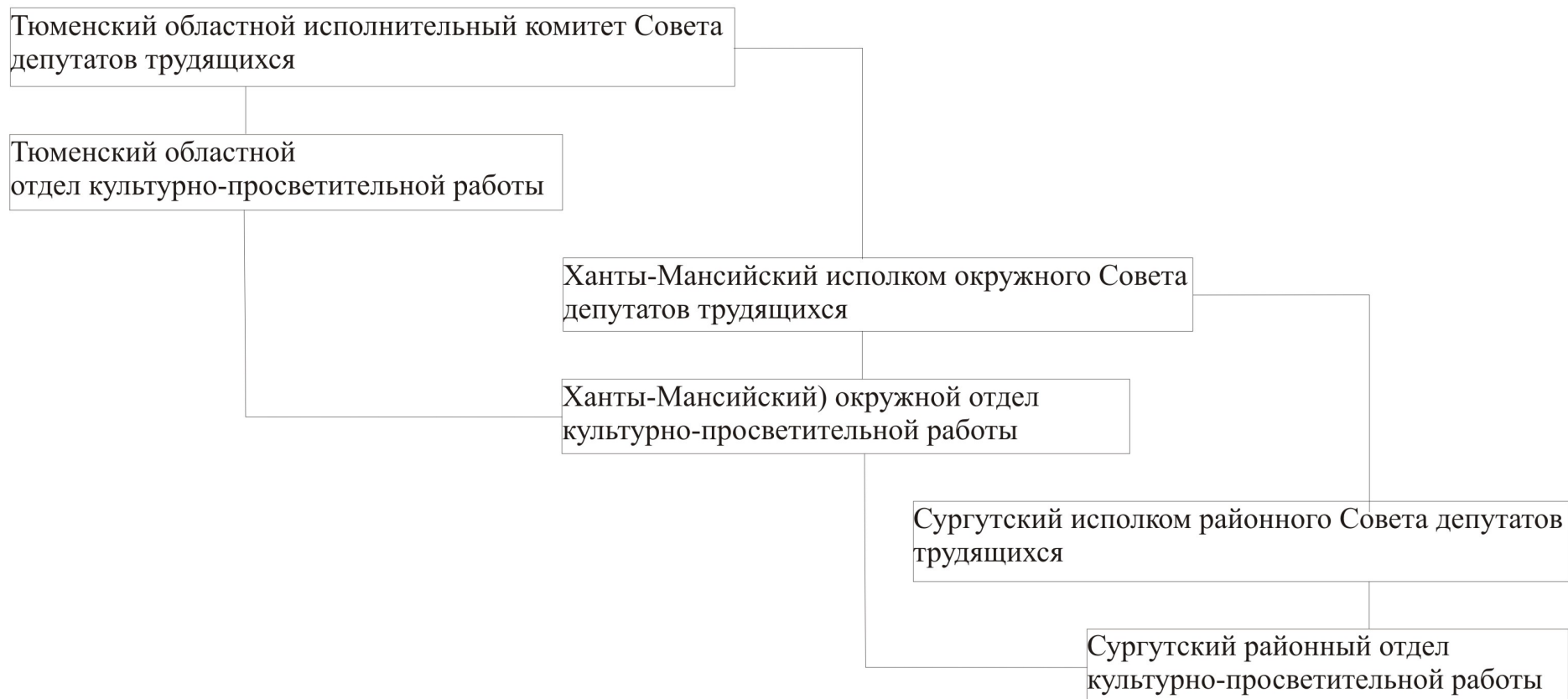
Составлено по:

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

Постановление ВЦИК "Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера" от 10.12.1930 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы "КонсультантПлюс".

АОАС. Ф. Р-12. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1; Ф. Р- 63. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

**Прил. 5. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры
в Ханты-Мансийском автономном округе в 1945-1953 гг.**

Составлено по:

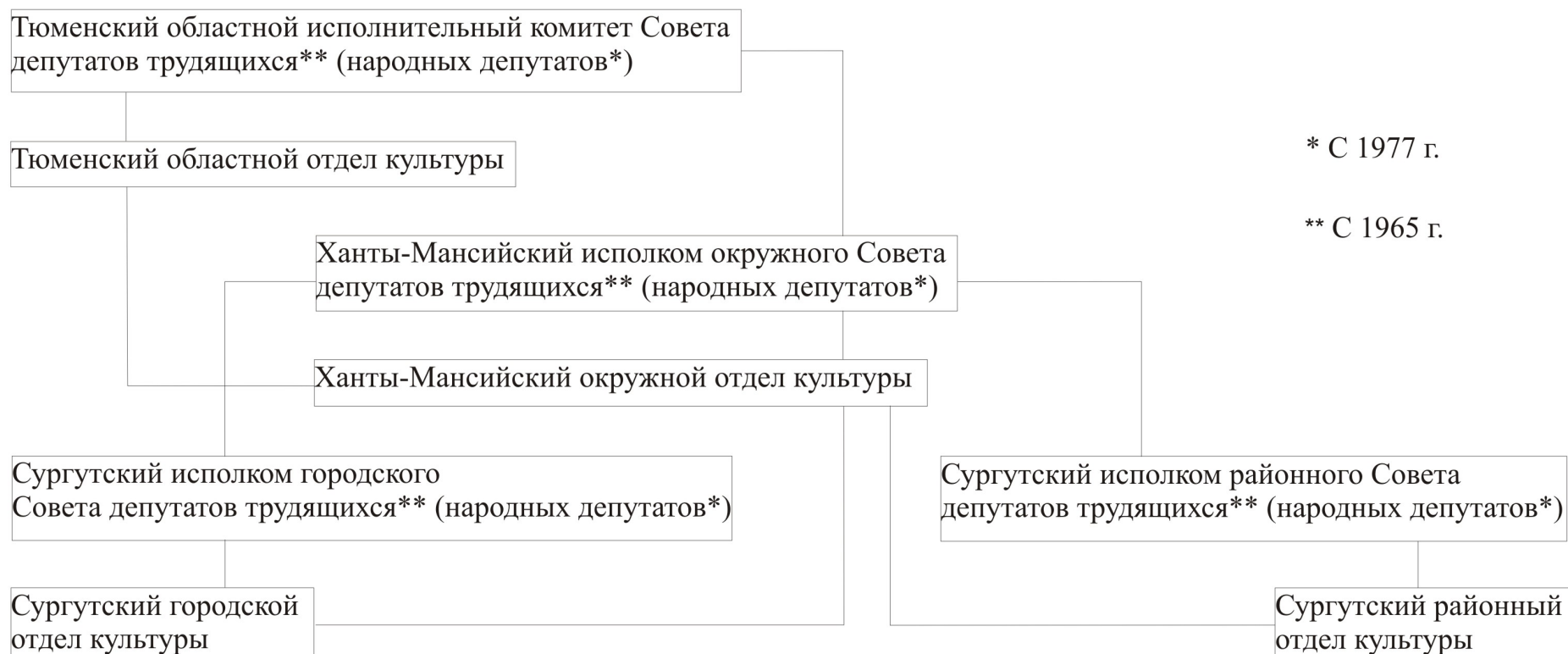
Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

АОАС. Ф. Р- 63. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1; Ф. Р-108. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

ГА ХМАО. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 10. Л. 58.

ГБУТО "ГАТО". Ф. Р-1322. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

Прил. 6. Региональная система государственной охраны памятников истории и культуры в Ханты-Мансийском автономном округе в 1953-1991 гг.

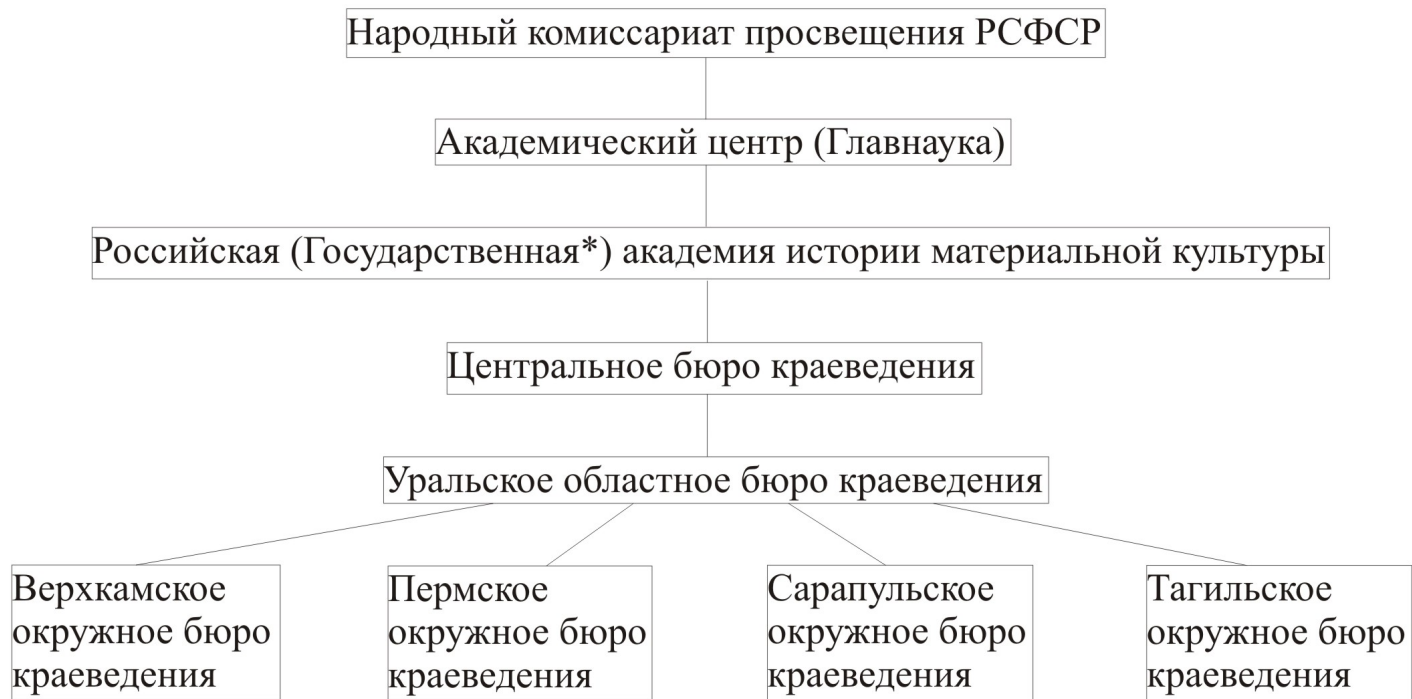
Составлено по:

Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII-XX вв.). - Тюмень: б.и., 2003.

АОАС. Ф. Р-108. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

ГБУТО "ТАТО". Ф. Р-1731. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.

**Прил. 7. Схема административного подчинения краеведческих учреждений
Уральской области в 1920-1930-е гг.**

* С 1926 г.

Составлено по:
ГКУ СО "ГАСО". Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-4об, 19-21 об.

Прил. 8. Организационная структура Уральского областного бюро краеведения в 1920-е гг.

* С 1925 г.

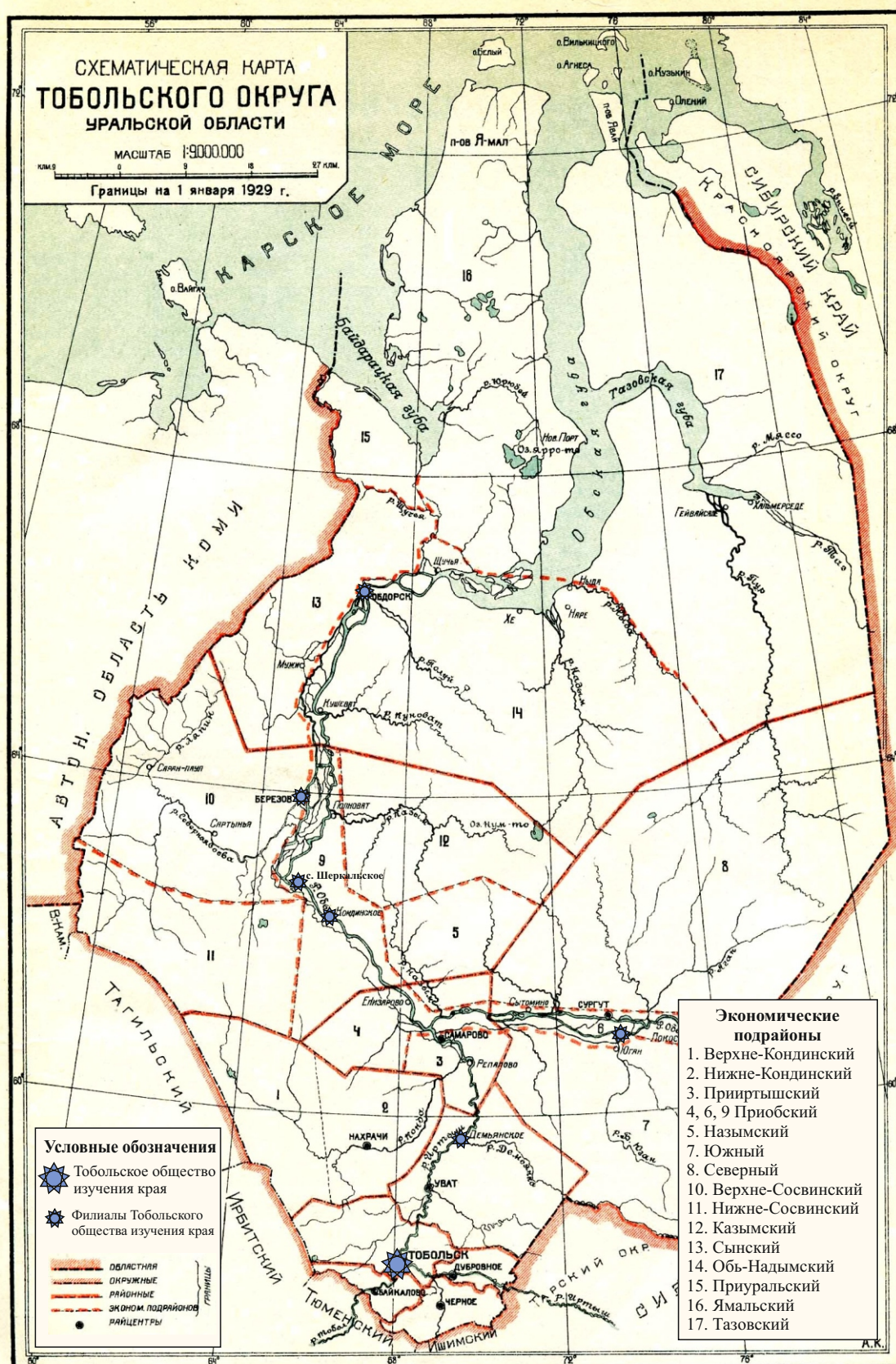
Составлено по:
ГКУ СО "ТАСО". Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 14-15, 35 об.

**Прил. 9. Количество краеведческих учреждений и организаций в Уральской области
в 1924-1934 гг.**

Название округа	Окружное бюро	Краеведческий музей	Общество изучения края/филиалы	Краеведческие кружки	Другие краеведческие организации и учреждения
Свердловский	1	2	2	7	13
Верхкамский	1	2	-	3	-
Златоустовский	-	2	3	1	1
Ирбитский	-	2	1	-	-
Коми-Пермяцкий	-	1	1/5	-	-
Ишимский	-	1	1	-	-
Кунгурский	-	3	2	2	-
Курганский	-	1	1	1	-
Пермский	1	1	1	1	35
Сарапульский	1	2	2	5	-
Тагильский	1	4	3/4	7	-
Тобольский	-	3	1/3	-	-
Троицкий	-	1	-	1	-
Тюменский	-	3	1	1	-
Челябинский	-	1	1	3	-
Шадринский	-	3	3	4	2
Итого	162				

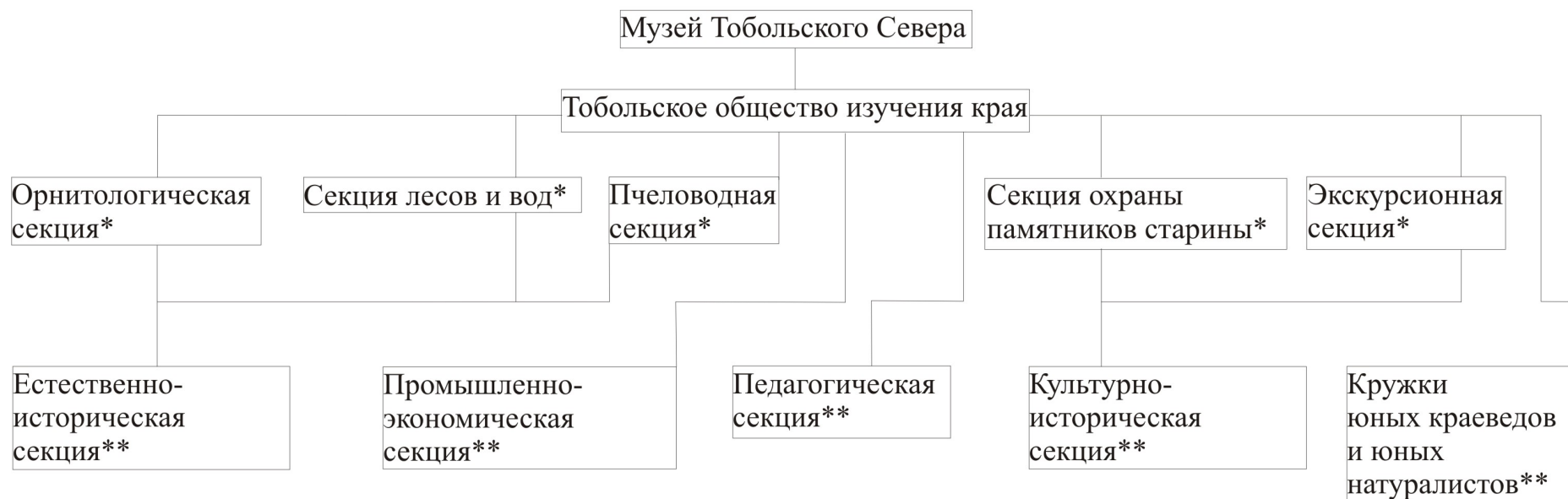
Составлено по:
ГКУ СО "ГАСО". Ф. Р-677. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-21 об.

Прил. 10. Краеведческие учреждения Тобольского округа Уральской области в 1920-1930х гг.

Составлено по:
Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. - 1930. -
№№ 1, 3.

Прил. 11. Структура Тобольского общества изучения края в 1920-1930-х гг.

*С 1922 г.

**С 1924 г.

Составлено по:

Наш край. - 1924. - № 2, 3, 4; 1925. - № 1, 3-4, 8-9.

Бюллетень Общества изучения края при музее Тобольского Севера. - 1928. - № 2; 1930. - № 1-3.

ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 167. Оп. 1. Д. 225. Л. 6.

ГАУК ТО «ТИАМЗ». Коллекция документов. Д. 981. Л. 4об, 10, 10об, 101.

Прил. 12. Структура Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в РСФСР в 1960-1990-е гг.

Составлено по:
Охрана памятников истории и культуры.
- М.: "Сов. Россия", 1973. - С. 157-165.

Прил. 13. Структура региональных отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Тюменской области в 1960-1980-е гг.

Составлено по:

ГБУТО “ГАСПИТО”. Ф. 4005. Оп. 1. Д. 6. Л. 10-11, 171-172; Д. 9. Л. 199-199 об; Д. 15. Л. 138-138 об, Л. 200-201 об; Д. 31, Л. 46-47, 56-60.

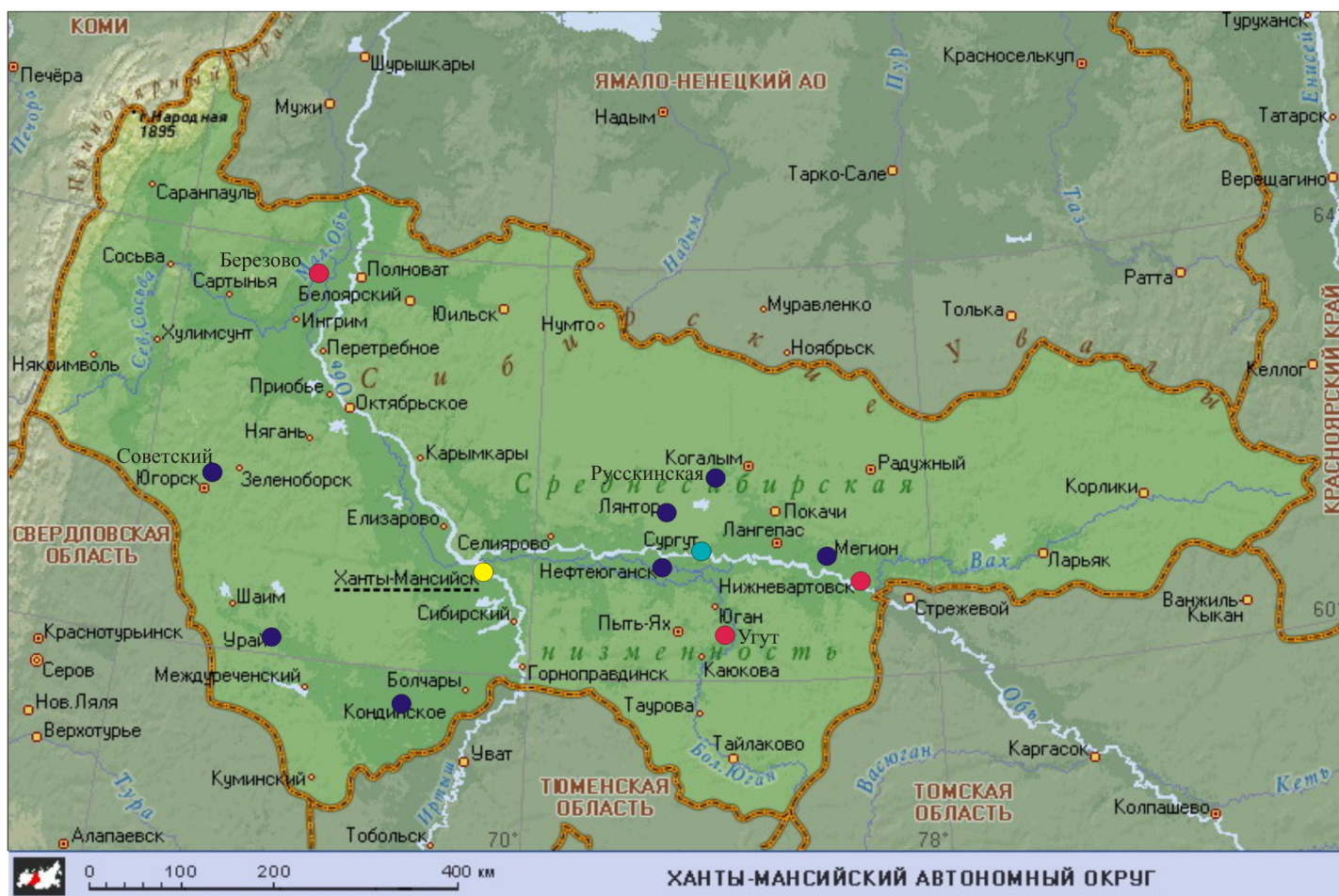
Архив АУ ХМАО – Югры “ЦОКН”. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 20-21.

Прил. 14. Отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Тюменской области, 1978 г.

Составлено по:
ГБУТО "ГАСПИТО". Ф. 4005. Оп. 1. Д. 31. Л. 46-47.

Прил. 15. Формирование музейной сети ХМАО - Югры в 1930-1980-е гг.

Составлено по:

Музеи России [Электронный ресурс]. URL <http://www.museum.ru>.

Музеи Югры [Электронный ресурс]. URL <http://www.hmao-museums.ru>.

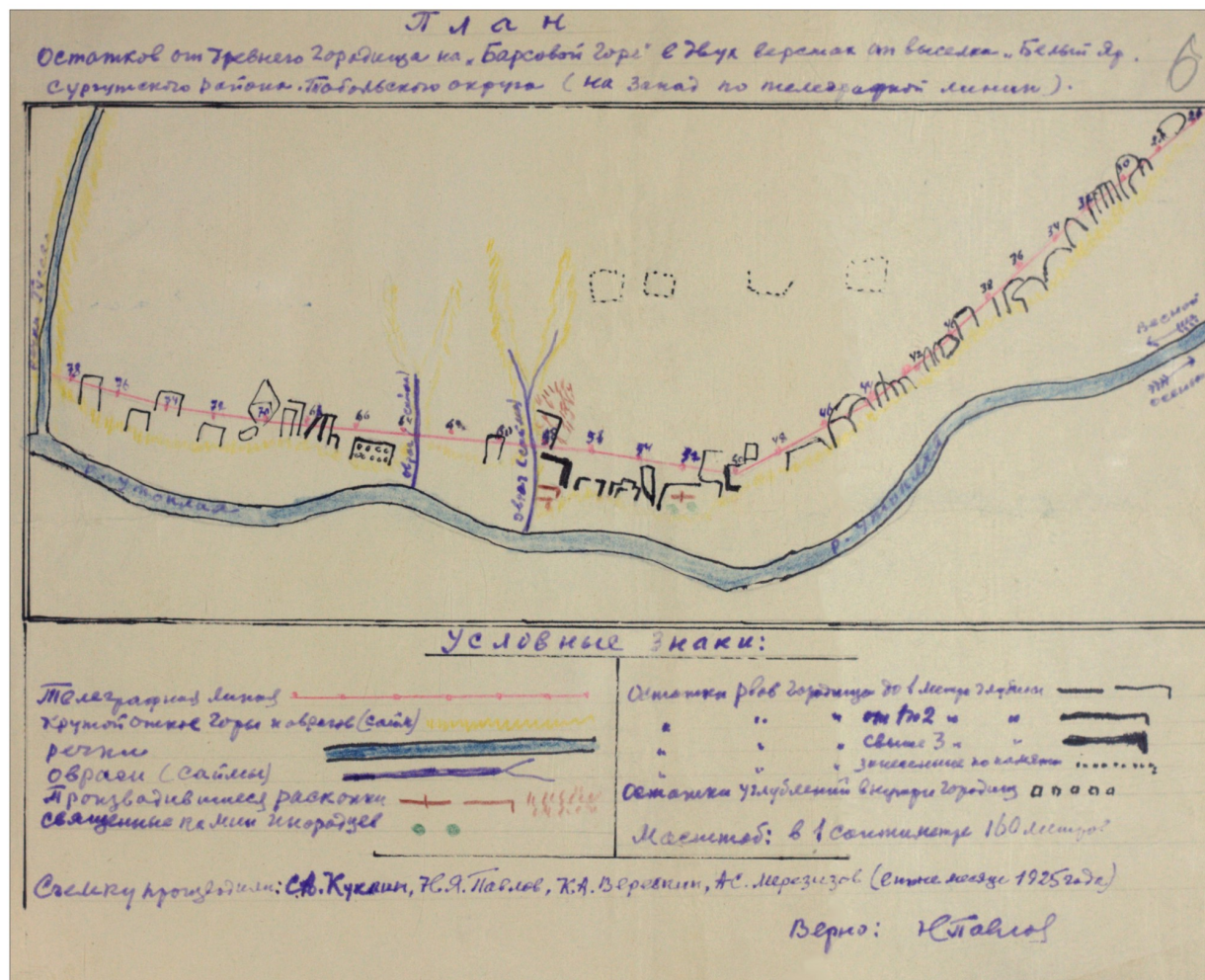
● - учреждён в 1930-е гг.

● - учреждён в 1960-е гг.

● - учреждён в 1970-е гг.

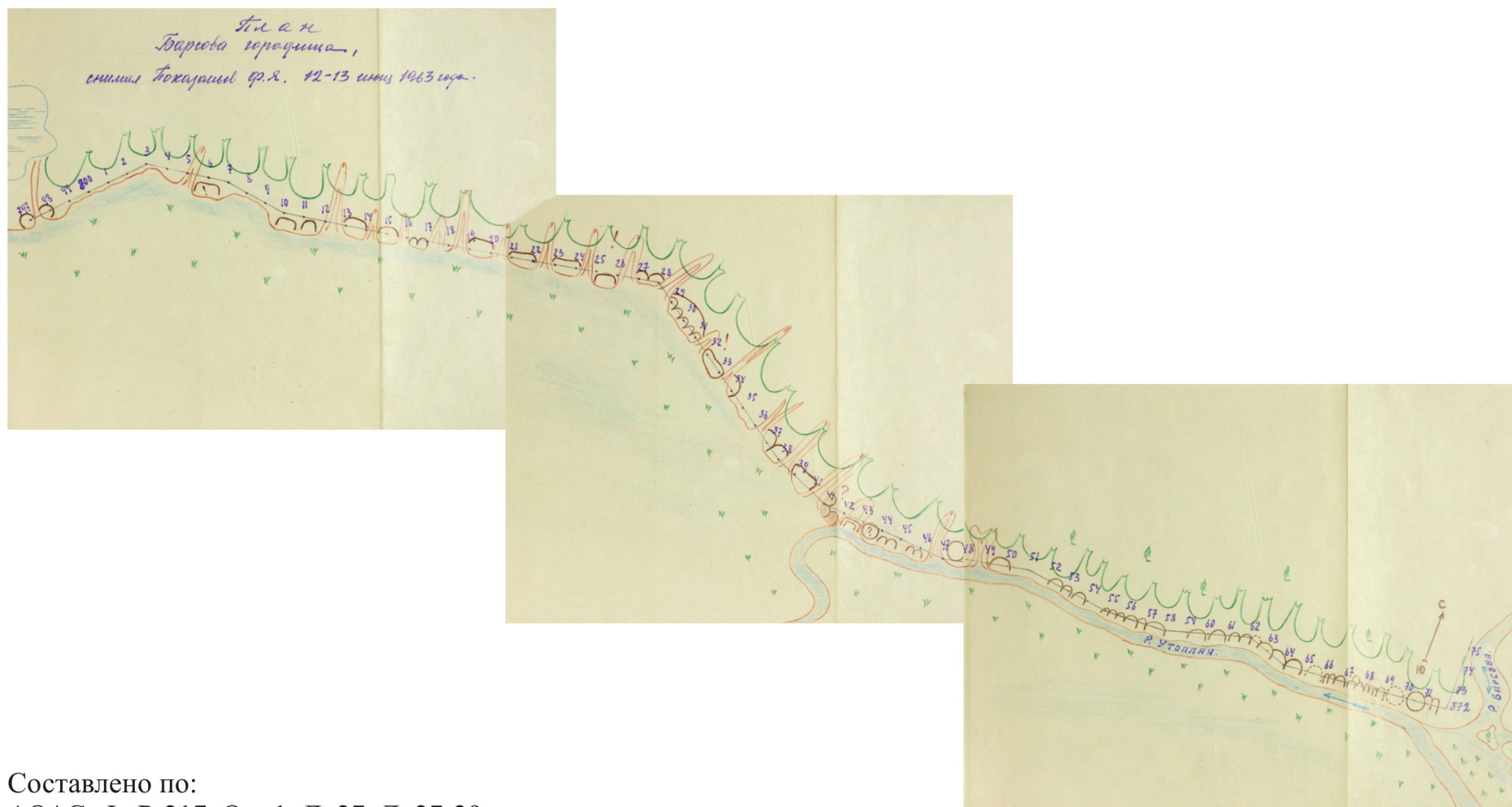
● - учреждён в 1980-е гг.

Прил. 16. Павлов Н. Я., Куклин С. А. План археологических памятников в урочище Барсова Гора Сургутского района, 1925 г.

Составлено по:
АОАС. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

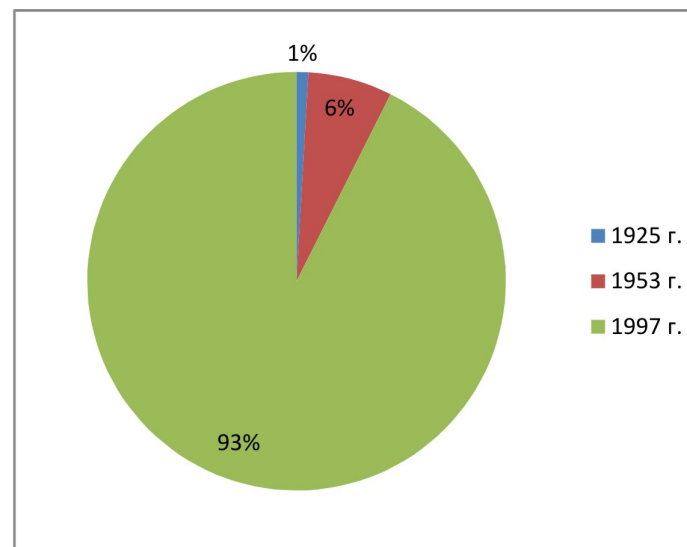
Прил. 17. Показаньев Ф. Я. План археологических памятников в урочище Барсова Гора Сургутского района, 1963 г.

Составлено по:
АОАС. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 27. Л. 27-29.

Прил. 18. Количество археологических памятников, выявленных на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1920-х – 1990-х гг.

Год	1925	1953	1997*
Кол-во выявленных памятников археологии	10	71	1012

* В “Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа”, утверждённый в 1997 г., в основном вошли археологические памятники, выявленные в период 1960-х – 1980-х гг.

Составлено по:

Убыткова Е., Преображенская И., Коптилов М. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. 1925. № 4 (8). С. 32-33.

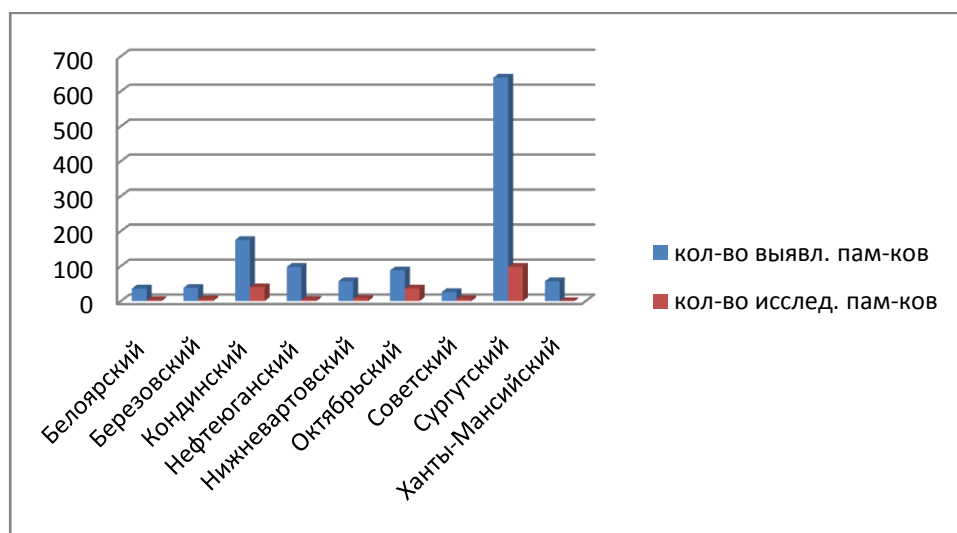
ГАУК ТО “ТИАМЗ”. Коллекция документов. Д. 1022. Л. 49.

Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. Древняя история Приобья. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 248-250, 263-267, 278-280.

Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4-07. Списки археологических памятников окружного значения, поставленные на государственный учёт. 1997-2013 гг. Л. 9-59.

Прил. 19. Соотношение выявленных и исследованных археологических памятников в ХМАО (1950-1980-е гг.).

Район	Год							Итого	
	1956	1965-1969		1970-1979		1980-1989			
	Разведки (кол-во выявл. пам-ков)	Разведки (кол-во выявл. пам-ков)	Раскопки (кол-во исслед. пам-ков)	Разведки (кол-во выявл. пам-ков)	Раскопки (кол-во исслед. пам-ков)	Разведки (кол-во выявл. пам-ков)	Раскопки (кол-во исслед. пам-ков)	Разведки(кол-во выявл. пам-ков)	Раскопки(кол-во выявл. пам-ков)
Белоярский	-	-	-	6	-	30	3	36	3
Берёзовский	30	2	2	-	1	6	2	38	5
Кондинский	-	24	-	17	4	134	36	175	40
Нефтеюганский	-	-	-	14	-	84	4	98	4
Нижневартовский	-	6	-	48	4	3	3	57	7
Октябрьский	-	3	-	15	5	70	31	88	36
Советский	-	-	-	1	-	25	5	26	6
Сургутский	-	23	-	351	55	265	43	639	98
Ханты-Мансийский	-	7	-	14	-	36	-	57	-

Составлено по:

Стефанова, Н. К. Археология таёжного Обь-Иртышья. Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа / Н. К. Стефанова, В. А. Борзунов. – Екатеринбург: изд-во «Академкнига», 2002.

Челякин, Ю. П. Барсова Гора: археологическая карта / Ю. П. Челякин, А. П. Зыков. – Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004.

Прил. 20. Классификация видов памятников истории и культуры, выявленных в ХМАО в 1960-е – 1990-е гг.

Районы ХМАО	Виды памятников истории и культуры		
	Памятники архитектуры	Памятники истории	Памятники археологии
Белоярский	---	11	---
Берёзовский	33	---	---
Октябрьский	7	---	---
Нефтеюганский	---	4	217
Сургутский	---	16	756
Ханты-Мансийский	7	---	39
г. Ханты-Мансийск	1	1	---
Итого	1092		

Составлено по:

Архив МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора». Д. 4-07. Списки археологических памятников окружного значения, поставленных на государственный учёт. 1997-2013 гг. Л. 9-59.

**Прил. 21. Крупные археологические комплексы, выявленные
уральскими археологами в Сургутском районе ХМАО - Югры
в 1960-е – 1980-е гг.**

Составлено по:
Морозов В. М., Шатунов Н.В. Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. - Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. - С. 62-69.

Прил. 22. Биографические данные общественных деятелей и учёных, внёсших вклад в становление и развитие системы охраны культурного наследия в ХМАО – Югре в 1917-1991 гг.

Алачев Виктор Семёнович (1918–1975) – учитель, переводчик, краевед. В 1960-е гг. был научным сотрудником Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея, позднее – ответственным секретарём Ханты-Мансийского окружного отделения ВООПИиК.

Бахлыков Пётр Семёнович (1932–1999) – краевед, художник, заслуженный работник культуры РФ, основатель Угутского краеведческого музея. В 1961 г. переехал в с. Угут Сургутского района, работал техником-лесоводом, егерем. В 1965 г. начал собирать предметы быта юганских ханты. В 1979 г. по его инициативе был открыт краеведческий музей.

Беспрозванный Евгений Мирович (1953) – археолог, генеральный директор ООО «АВ КОМ-Наследие», г. Екатеринбург. С 1978 г. занимается вопросами выявления, изучения и сохранения объектов культурного наследия на территории ХМАО – Югры. С 1979 г. по 1988 г. – член совета ВООПИиК Челябинской и Свердловской области. За годы полевых работ им было открыто более 500 археологических объектов. Под руководством и при личном участии Е. М. Беспрозванного были проведены противоаварийные спасательные исследования десятков археологических памятников на площади свыше 30 тыс. кв. м, выявлены около 2500 объектов культурного наследия, разработаны гео-информационные системы по историко-культурному наследию в ХМАО – Югре. Участвовал в разработке многих важнейших законодательных актов в области охраны памятников истории и культуры как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Борзунов Виктор Александрович (1951) – археолог, кандидат исторических наук (1984). С 1975 работает в Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ вначале старшим лаборантом, затем научным сотрудником, а в 1976-1988 – заместителем

заведующего лабораторией. Являлся ответственным за подготовку научного сборника УрГУ «Вопросы археологии Урала» (вып. 18–20, 22). С 1967 г. участвует в археологических экспедициях УрГУ в Крыму, на Урале и в Западной Сибири. На территории ХМАО – Югры В. А. Борзунов работает с 1971 г. Исследовал свыше 40 археологических памятников каменного, бронзового, и железного веков, открыл около 200 археологических памятников на территории ХМАО – Югры. Автор более 120 научных работ, в т. ч. авторской монографии, разделов в 2 коллективных монографиях (1989, 1994), 13 статей в «Уральской исторической энциклопедии» (1998) и 8 – в центральных журналах: «Советская археология», «Российская археология», «Наука и жизнь».

Воскобойников Митрофан Алексеевич (1877–1947) – землеустроитель, краевед. С апреля 1929 г. – начальник экспедиции по устройству территории северных районов, руководил землеустроительными работами в Берёзовском и Кондинском районах. В 1934 г. направлен краеведом в Сосьвинскую культбазу Берёзовского района. Собрал для музея при туземной школе образцы окаменелостей, почв, растений, предметы быта и промысла манси, провёл экскурсионное обследование прилегающих к культбазе охотничьих и рыбных угодий, сенокосов, ягодников, фенологические наблюдения, составил естественно-историко-экономический очерк Сосьвинского края с картой района работ. В 1935 г. участвовал в археологических раскопках, проводившихся В. Н. Чернецовым в окрестностях п. Саранпауль и культбазы. Был членом окружного совета краеведения, директором окружного краеведческого музея (1940–1946).

Генинг Владимир Фёдорович (1924–1993) – археолог, основатель свердловской школы археологов. В 1960–1974 гг. преподавал на историческом факультете Уральского государственного университета. Здесь в 1961 г. по его инициативе была создана Уральская археологическая экспедиция (УАЭ), которой был накоплен, систематизирован и частично введен в оборот громадный материал, характеризующий хозяйственную

деятельность, быт, культуру коренного населения края в эпоху бронзы и железа. Под руководством В. Ф. Генинга с 1961 г. на историческом факультете УрГУ стала осуществляться специализация по археологии, а в 1968 г. была открыта хоздоговорная Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория.

Денисенко Василий Семёнович (1896–после 1961) – этнограф, краевед. В марте 1934 г. направлен Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК на Казымскую культбазу на должность зав. краеведческим пунктом, в котором проработал по август 1936 г. Значительно расширил объём краеведческих работ на Казыме, пополнил коллекции музея культбазы. Детально обследовал районы озера Нумто, верховьев р. Хетта и Надым, охотничьи угодья. При его активном участии выполнено описание р. Казым с маршрутной съёмкой её среднего и части верхнего течения. В начале 1935 г. он подготовил районную конференцию краеведов. В конце 1930-х гг. назначен заведующим Салехардским окружным музеем.

Дунин-Горкавич Александр Александрович (1854–1927) – выдающийся исследователь Севера Западной Сибири, этнограф, краевед, географ. Принимал активное участие в деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, российских обществ рыболовства и судоходства, Тобольского губернского музея, Губернского статистического комитета. После 1917 г. был активным членом Тобольского общества изучения края при музее Тобольского Севера.

Захаров Иван Прокопьевич (1922–2004) – краевед, почётный гражданин г. Сургута. В 1958-1985 гг. – корректор, зав. отделом, зам. главного редактора газеты «К победе коммунизма». Автор более 130 публикаций по истории Сургута, о жизни и обычаях, самобытной культуре коренного населения ХМАО – Югры.

Знаменский Аркадий Степанович (1898–1982), педагог-новатор, почётный гражданин г. Сургута, краевед. Участвовал в деятельности Сургутского отделения Тобольского общества изучения края.

Карфидов Пётр Семёнович (1900–1970) – в 1933 г. откомандирован в Остяко-Вогульский национальный округ, работал в Окружкоме ВКП(б), заведовал земельно-промысловым отделом Окрисполкома (1934–1936), был директором школ в Ханты-Мансийске (1936–1946) и Кондинском районе (1946–1965). Под его руководством устанавливались связи с краеведами, произошло организованное оформление краеведческого движения в ХМАО, основан окружной (Ханты-Мансийский) музей, получило развитие школьное краеведение» (учащиеся вели, в том числе и учёт памятников древности).

Ковалёва Валентина Трофимовна (1938) – археолог, кандидат исторических наук (1980). В 1977-1986 гг. возглавляла Проблемную научно-исследовательскую археологическую лабораторию УрГУ. Является ответственным редактором межвузовского сборника «Вопросы археологии Урала». Впервые на раскопках в ХМАО – Югре (в урочище Барсова Гора и в бассейне р. Конды) В.Т. Ковалёва оказалась в 1980 г. В 1984 и 1985 гг. снова участвовала в работах на Барсовой Горе, а в 2007 г. руководила археологической практикой студентов в экспедиции ООО «НАЦ АВКОМ-Наследие» на р. Большая Умытъя в Советском районе ХМАО – Югры. Автор около 100 научных работ (в т.ч. 2 монографий) и 3 учебных пособий.

Копотилов Михаил Петрович (1896–1937) – музейный деятель, краевед. Заведовал культурно-историческим отделом музея Тобольского Севера. С 1922 г. – секретарь Общества изучения края при музее Тобольского Севера. Устанавливал связи с краеведами северных районов, создавал ячейки и филиалы Общества, выступал с докладами и писал статьи по истории, статистике, экономике края. Сотрудничал с Уральским областным бюро краеведения, был членом-корреспондентом центрального бюро краеведения.

Косинская Любовь Львовна (1949) – археолог, кандидат исторических наук (1988). С 1990 г. – ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ. С 1972 г. возглавляет ежегодные археологические экспедиции на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Открыла более 200

памятников в бассейнах Пура и Средней Оби. Исследовала раскопками около 30 памятников каменного, бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья на территории ХМАО – Югры и ЯНАО. Автор около 200 научных работ, в том числе 6 монографий (в соавторстве) и 1 учебного пособия, нескольких научно-популярных статей.

Кречмер Александр Иосифович (1885–после 1936) – охотник, инструктор Берёзовского агентства «Уралпушнины» и «Омпушнины» в 1920-1930-х гг. С 1922 по 1930 гг. сотрудничал с Обществом изучения края при музее Тобольского Севера. В 1930-е гг. был корреспондентом Омского областного бюро краеведения в Берёзовском районе. Вёл фенологические наблюдения, изучал водоёмы, занимался техническим усовершенствованием пушного промысла.

Куклин Сергей Алексеевич (1896–1969) – охотовед, краевед. В середине 1920-х гг. – лесничий в г. Сургуте. Принимал участие в деятельности Тобольского общества изучения края. Составил научное описание Сургутского района, вёл естественно-исторические наблюдения, изучал современный быт аборигенного населения. Собранная им информация опубликована в 1925 г. в небольшой брошюре «Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистическое описание». В 1927 г. переехал в г. Свердловск, где продолжил исследования Севера Западной Сибири, сотрудничая с Уральским бюро краеведения и Уральским комитетом Севера.

Кучин Иван Васильевич – профессор, учёный-ихтиолог, сотрудник Сибирской сельскохозяйственной академии, затем Псковского сельскохозяйственного института. В 1921 г. выступил инициатором основания Тобольского общества изучения края при музее Тобольского Севера.

Липчинская Юлия Сергеевна (1911–1987) – директор Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея в 1952–1963 гг. Эти годы были временем подъёма музейного дела: построено новое здание,

фондохранилище, склады, заново выстроены экспозиции, оживилась исследовательская работа: было организовано несколько экспедиций и продолжительных командировок научных сотрудников по округу, в том числе двухмесячная комплексная экспедиция в 1956 г. в Берёзовский район. В 1958 г. музеем издан первый краеведческий сборник.

Лоскутов Аркадий Николаевич (1906-1981) – кавалер ордена Ленина (1951), почётный гражданин пос. Берёзово (1968). В июле 1928 г. направлен Наркомпросом РСФСР и Комитетом севера ВЦИК в д. Сартынья Берёзовского района для организации мансийской школы-интерната, с осени 1931 г. – в с. Казым. В 1940–1942 гг. – заведующий Берёзовским райОНО. Впоследствии работал начальником Казымской культбазы, председателем Кондинского райисполкома, секретарём Сургутского РК и окружкома КПСС, председателем окружного исполкома, в 1969–1981 г. – директор окружного краеведческого музея, председатель Ханты-Мансийского окружного отделения ВООПИиК.

Лопарев Платон Ильич (1890–1938) – революционный деятель на Севере Западной Сибири, краевед. Начал вести краеведческую работу с начала 1920-х гг. Состоял в обществе изучения края при музее Тобольского Севера. Печатался в журналах «Наш край», «Уральский охотник» и других периодических изданиях.

Морозов Вячеслав Михайлович (1947–2008) – археолог, кандидат исторических наук (1994), старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ, основатель и председатель туристического клуба УрГУ. С 1978 г. возглавлял Северный отряд Урало-Сибирской комплексной археологической экспедиции УрГУ. В. М. Морозов принимал многолетнее активное участие в выявлении и сохранении археологического наследия ХМАО – Югры: проводил многочисленные историко-культурные экспертизы и аварийно спасательные раскопки памятников археологии на территории округа. Автор около 120 научных работ, в том числе 5 научных монографий.

Новицкий Василий Михайлович (1890–после 1945) – член Тобольского комитета Севера, активно участвовал в делах Уральского комитета Севера, занимался проблемами экономического и административного устройства и культурного развития народностей Севера. Был одним из наиболее крупных организаторов краеведческой работы на Севере, членом правления Общества изучения края при Тобольском музее. На третьей Уральской областной краеведческой конференции избирался в состав бюро.

Пестов Степан Филиппович (1901–1963) – учитель Сургутской школы, краевед. Участвовал в работе Сургутского отделения Тобольского Общества изучения края. В 1932–1936 гг. работал в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске), где помимо руководства педагогическим техникумом и преподавания в школе, состоял в Остяко-Вогульском обществе краеведения, был заместителем председателя его совета. В техникуме под его руководством активно работал краеведческий кружок.

Показаньев Флегонт Яковлевич (1922–1996) – краевед, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин г. Сургута. В 1957 г. начал собирать материалы по истории Сургута и района: записывал воспоминания старожилов, вёл поиск документов, предметов старины, которые передал в краеведческий музей на общественных началах, открытый в г. Сургуте в 1963 г. по его инициативе. До утверждения штатов музея был его заведующим, хранителем фондов и экскурсоводом. Участвовал в организации Сургутского городского отделения ВООПИиК (1966 г.), экскурсионного бюро, выступал в защиту археологических памятников Барсовой Горы. Автор нескольких книг и десятков популярных статей в местных периодических изданиях.

Реут Дмитрий Павлович (1884–1937) – краевед. В 1925-1927 гг. Возглавлял краеведческий кружок в с. Кондинское Тобольского округа, бывший в то время одной из наиболее активных организаций общества изучения края при музее Тобольского Севера.

Тарунин Михаил Петрович (1889–1957) – краевед, орнитолог, музейный работник. В 1919 г. работал в Тобольском учительском институте, возобновил научную деятельность Тобольского музея. Пополнил фонды музея богатейшими коллекциями насекомых, гербариями, чучелами животных.

Цехнова Нина Степановна (1909–1995) – краевед. Краеведческой работой занялась в конце 1960-х гг. Собрала материал по этнографии, быту и культуре Кондинского края, записывала свидетельства старожилов. Собранный материал стал основой Кондинского районного краеведческого музея.

Чемакин Юрий Петрович (1949) – археолог, кандидат исторических наук (1994), член научно-методического совета по охране и использованию историко-культурного наследия ХМАО – Югры. С 1988 г. – старший научный сотрудник ПНИАЛ УрГУ, с 1992 г. одновременно работал в Уральском педагогическом университете. Исследователь памятников древней и средневековой истории Урала и Западной Сибири. Более 20 сезонов посвятил раскопкам древностей Барсовой горы. Провёл масштабные памятников карымского этапа раннего средневековья в бассейне р. Большой Юган. Предложил культурно-хронологическую периодизацию археологических памятников неолита – раннего железного века Сургутского Приобья. Автор более 140 научных работ, в том числе 3 коллективных монографий и учебных пособий по археологии и краеведению Сургутского Приобья.

Шульц Леонид Рудольфович (1878 – после 1926) – краевед. Работал в Тобольской губернии частным землемером, страховым агентом. С 1908 г. – действительный член Тобольского губернского музея. Продолжал краеведческую деятельность и в послереволюционное время: заведовал Тюменским музеем и руководил Обществом изучения Тюменского края, с начала 1920 г. и до 1926 г. одновременно заведовал Тюменским губернским, а затем окружным архивом. Участвовал в деятельности Уральской областной

краеведческой организации. В 1923 г. был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения.

Ядрошников Александр Павлович (1940) – создатель «Музея Природы и Человека д. Русскинская». После окончания Иркутского техникума в 1967 г. направлен охотоведом в деревню Русскинская Сургутского района. С начала 1970-х гг. увлёкся таксидермией: изготовлением муляжей животных. В 1989 г. на основе личной таксидермической коллекции и коллекции предметов этнографии тром-аганских ханты организовал «Музей Природы и Человека».

Составлено по:

Учёные и краеведы Югры: библиографический словарь / В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. – Тюмень: Софт Дизайн, 1997. – 357 с.

Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Вып. 6. – Тюмень; Ханты-Мансийск: изд-во «РИФ» КоЛеСо», 2008. – 246 с.

Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей. – Вып. 7. – Томск; Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2009. – 396 с.

Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 3 т. – Ханты-Мансийск: б.и., 2000. – 399 с. (т.1); 431 с. (т. 2); 381 с. (т. 3).

Департамент «Исторический факультет» института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета [Электронный ресурс]. URL: <http://hist.igni.urfu.ru>.

Почётные граждане Сургутского района [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admsr.ru>.